

ВІСНИК
КОНАН

КОНАН И СЛУГА ТУМАНА

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЫМЫ 2	КОНАН И МЕН КОМДУНА 3	КОНАН ВРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ГОБЕЛАНТАИ ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНИ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7
КОНАН НА ДОРОЖЕ КОРОЛЕЙ 8	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОИ 9	КОНАН И КАРУСАН БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТТЫ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КАМНИКИ 12	КОНАН И ГРОТ ДАЙКОМЫ 13	КОНАН И ВЕРНАЛО ГЛУХИШЕГО 14
КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛТЫХ СТЕПЬ 15	КОНАН И ТЫСЯ ВОЙН (НЕ ИЗДАНО) 16	КОНАН И ТАЛАННА: ЗА (НЕ ИЗДАНО) 17	КОНАН И БЫЧ НЕРТКАА 18	КОНАН И ГОРДА ПЛАХИВЫХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРАДЖЕ АРИМАНА 21
КОНАН И БАЛРОКЕ ОНО 22	КОНАН И ПРИОРАНИ ПРОШЛОГО 23	КОНАН И ВОИШЕСТВО НУАКА 24	КОНАН ВАЛТАР ИЗ КУРПЕНАИ 25	КОНАН И РЕЖКИЯ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПЛЕЧЕВЫИ ВЕЗДЫ 27	КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28
КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И БРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АЗОНАВЫИ ЛАВИРИНТ 31	КОНАН И РАССОЛТЫИ ИЛОИ 32	КОНАН И ЧАША БЕЗСМЕРТИИ 33	КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРАХ 34	КОНАН И ГОТОВЫИ ПРЕДАНИ 35
КОНАН И АЛТАРЬ ПОБЕДЫ 36	КОНАН И БИТВА БЕЗМЕРНЫХ 37	КОНАН И ПОСЛАТЕЛИ ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКАТЫИ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИИ 40	КОНАН И ВЛАДЫШЫИ НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42

Всё

И

КОНАН И СЛУГА ТУМАНА

act

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

Москва • Санкт-Петербург • 2001

УДК 820 (73)
ББК 84.7 (США)
Л73

Серия основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

В оформлении обложки использована работа Frank Frazetta.

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Локнит О., Уэйнрайт К.

Л73 **Конан и слуга тумана: Роман, повесть.** — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2001. — 464 с.

ISBN 5-17-005122-0 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-042-1 («Северо-Запад Пресс»)

Бесстрашный киммериец, даже став королем великой Аквилонии, не распрощался с опасностями и приключениями. С помощью Лесного Владыки он раскрывает коварный заговор против Короны в романе Криса Уэйнрайта «Королевская охота».

В этот том «Саги о Конане» также вошла захватывающая новая повесть Олафа Локнита «Слуга тумана».

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999

© С. Шикин, оборот, 1998

© «Северо-Запад Пресс»,

составление и подготовка текста, 2001

Глава первая

Ну до чего же приятно ощущаешь себя после сытного обеда! Купец Баргиш сладко потянулся, да так что закружилась голова, и расслабленно откинулся на мягкие подушки.

— Так говоришь, воз по двадцать три золотых?

Его собеседник, крепкий мужчина с обветренным морщинистым лицом и длинным красным носом, скривил рот в усмешке:

— Ты ослышался, почтеннейший, я сказал — по тридцать.

Баргиш поморщился. После такого обильного обеда было бы совсем неплохо вздремнуть или, скажем, убажить взор пляской полуголых наложниц, но дела — прежде всего, и поэтому приходится вести бесконечный торг с этим провинциальным лопухом.

С торговцем лесом купец встретился впервые, и дело обещало быть прибыльным. И не такой

уж, может быть, он и лопух — так, обычный мужчина из дальней провинции, ничего в нем примечательного не было... вот только если не считать кольца с огромным, прозрачным, слегка переливавшимся фиолетовым камнем.

Торговец назвался Фреем и сообщил, что пришел с северных земель Аквилонии. Лес у него, ничего не скажешь, отменный, и если взять его хотя бы по той цене, что назвал продавец, то навар будет ого-го какой!

Однако опытный Баргиш решил еще поторговаться. Только вот неотесанный и дремотный на первый взгляд лесоруб оказался крепким орешком: его не смогли размягчить ни сытный обед, ни превосходное «Сердце лозы» — вино из Арго-са, которое, скрепя сердце, приказал выставить на стол хозяин.

— Люблю послеобеденное время,— пытаюсь найти подход к северянину, Баргиш решил сменить тему разговора.

— Ты хочешь сказать, послеобеденное,— усмехнулся Фрей, оказавшийся ко всему прочему, еще и остряком. — Конечно, вас можно понять — только ленивый не сможет сейчас изрядно заработать на восстановлении Тарантии. Но я тоже хочу снять кое-какую пену с жирной похлебки, что вы хлебаете полными ложками. Ладно, так и быть, давай по двадцать пять, и дело с концом... хотя, сам понимаешь, торгую чуть ли не в убыток. Уступаю тебе, потому что вижу: ты честный купец и иметь с тобой дело надежнее, чем с другими.

Северянин был прав: лучшего времени, чем сейчас, и придумать было невозможно. Прошло совсем немного лун с тех пор, как вернулся король, не так уж давно воцарившийся в Аквилонии варвар,— коварно захваченный в плен, он уступил на время страну захватчикам из Офира и Кофа.

«Подумать только — а ведь мне, как и многим кому в Аквилонии, не слишком-то нравился новый король, скинувший с трона Нумедида. А пока в Тарантии правил ставленник южан Арпелло Пелийский, и думать было нечего о том, чтобы иметь прибыль — хвала Митре, что нажитое не потерял,— с чувством запоздалого раскаяния вдруг подумал Баргиш.— Хотя мог бы и потерять все — причем вместе с головой. Что тут творилось, вспомнить страшно! Беспорядки, грабежи, насилие... в довершение ко всем несчастьям, Арпелло, едва провозгласив себя королем, наложил на купцов огромные контрибуции. А когда наша община послала к правителю шестерых самых богатых и уважаемых людей, чтобы они умолили короля смягчить сборы, им попросту отрубили головы... До сих пор в кошмарных снах предстает эта картина — просыпаюсь в холодном поту! Разве в таких условиях кто-то мог думать о том, чтобы строить дома?... Возвращение Конана на королевский трон все изменило.»

Варвар вновь собрал силы и вместе с союзниками разбил объединенное войско Амальруса и Страбонуса. Обильная дань с побежденных по-

текла в Аквилонию. Золотой дождь оросил многих, и хотя самые крупные капли достались, как обычно случается, графам и баронам, надменным вельможам, но кое-что пролилось и на остальных.

Многие жители столицы заново отстраивали свои дома, приводились в порядок городские постройки и мостились улицы, так что таким людям, как Баргиш, сейчас было самое время не зевать да поворачиваться пошустрее.

Баргиш давно владел самым большим в столице складом строительных материалов, имел много связей с поставщиками не только в Аквилонии, но и в других местах: шли к нему возы с лесом из Немедии, с мрамором из Зингары, караваны с самым крепким кофским металлом, так что дюжина специально для этой цели закупленных им крепких рабов еле успевала разгружать товар и размещать его в подсобных помещениях или складывать прямо на обширном мощеном дворе.

В эти дни к нему выстроилась очередь из желающих побыстрее добыть нужный материал и похвастать перед знакомыми только что сложенной мраморной лестницей или новой черепичной крышей со свешивающимися по углам драконами, пугавшими посетителей жуткими оскаленными мордами.

Все хваталось влет, и главной задачей сейчас было оборачиваться как можно быстрее, так что Баргиш уже готов был уступить и продолжал торг скорее просто по привычке.

Поэтому такая быстрая сдача лесорубом своих позиций заставила его чуть ли не поперхнуться:

— Ты говоришь, по двадцать пять? — язык купца с трудом поворачивался во рту, пересохшем от предвкушения огромного барыша. — Я не ослышался, почтенный?

— Да нет, — усмехнулся северянин, — все так и есть. Я согласен уступить тебе этот лес. Тем более, вижу, как у вас тут все идет нарасхват. Мне тоже не хочется упустить своей выгоды. Надо будет побыстрее обернуться... — «Надо же, — подумал купец, — у нас, торговцев, гляжу, и мысли-то одинаковые. Ясное дело, барыши для нас — главное», — и через десяток дней я вновь приеду сюда с товаром. Надеюсь, что между нами все будет слажено.

— И не сомневайся, — боясь упустить небывалую удачу, засуетился Баргиш, — во мне ты можешь быть абсолютно уверен. Кого хочешь спроси, все скажут, что со мной можно иметь дело.

— Верю, верю, — засмеялся Фрей, почесав переносицу, и огромный самоцвет на его пальце вновь засверкал так, словно внутри него был спрятан светильник, — да ведь я, кроме того, навел о тебе справки. Слышал краем уха, будто ты даже вхож в королевский дворец.

— А как же! — хвастливо ответил донельзя довольный купец. — Поставщик двора, как-никак. Там сейчас затеяли серьезную перестройку. Недавно даже на обеде был и самого короля видел, — добавил он.

— Выходит, этот варвар тоже любит роскошную жизнь,— заметил Фрей.— А поговаривали, что он чуть ли не на соломе спит...

«Да он совсем не так прост, как мне показалось вначале,— подумал Баргиш и внезапно ощутил легкую тревогу — уж не хотят ли его одурачить. Ну, уж нет, не на такого напал северянин. А впрочем, что это со мной, вина перепил, что ли? Обычная сделка, ну, скажем так, очень прибыльная, конечно,— поправил он сам себя,— я ему деньги, товар — вот он, у ворот. Рассчитались — и все. Хвала Митре, если и за этим последуют такие же сделки. Что мне еще надо?»

И действительно: ничто в жизни не было для купца так дорого, как маленькие золотые и серебряные кружочки, коих он собрал за долгие годы работы в поте лица весьма немало, и одно осознание того, что в тайнике подвала за присыпанной песком железной крышкой люка стоят два крепких дубовых сундука с надежными кофскими замками, набитые монетами, грело душу и тело почище огня, полыхавшего в мраморном камине. Несмотря на то, что Баргиш ценил роскошь: дорогие ковры из Иранистана, костяные безделушки из Кхитая, зингарскую резную мебель, украшавшие его обширное жилище,— для него всегда было мучительно больно купить понравившуюся вещь, потому что он с трудом мог смириться с мыслью, что хоть на малую толику уменьшится количество монет, которые он любил даже больше предметов роскоши. Поэтому выгодная сделка, могущая внести ощутимую

прибавку к количеству золота в тайнике купца, обычно обеспечивала ему превосходное настроение на много дней вперед.

— Ну, что ж,— Баргиш довольно потер руки и, покосившись еще раз на перстень собеседника, повернулся к резному костяному ларцу.— Семьдесят пять монет за три воза.— Он бережно отсчитал деньги и протянул их поставщику.— А не продашь ли мне свой перстень? — вдруг спросил он, повинувшись невольному побуждению.— Уж больно хороши, глаз не отвести... Старинной работы?

— Вещь очень древняя,— внимательно пересчитывая монеты, ответил лесоруб.— Все правильно,— он сложил золото в кожаный мешочек и только тогда поднял глаза на Баргиша.— Кольцо переходит в нашей семье от отца к старшему сыну. Это наша фамильная ценность. Я, видишь ли, происхожу из рода святого Эпимитриуса. Так что перстень этот фамильный, продать его нельзя.

— Святого Эпимитриуса?! — выдохнул Баргиш.— Надо же! А я думал...

— Внешность бывает обманчива,— словно прочитав его мысли, ответил Фрей, и глаза его сверкнули. Прощай пока что,— кивнул он, выходя,— я распоряжусь, чтобы возы загнали к тебе во двор.

* * *

Король Конан сидел на деревянной скамье, облокотившись на поручень, и слушал своего

канцлера Публия. Тот, листая время от времени толстенную книгу, сшитую из листов пергамента, перечислял своему владыке необходимые, по его мнению, нововведения для более успешного пополнения казны:

— ...еще надо бы ввести налог на проезд через столицу, как сделано в Хоршемише, например,— услышал варвар и, поморщившись, перевел взгляд с коротышки канцлера на окно.

«И за каким демоном мне нужно это королевство? — в который уже раз подумал киммериец.— Только тоску наводят все эти дела... Хотя, конечно, мне уже и не двадцать лет, а здесь уютно, тепло и сытно, да и развлечений, если захочется, сколько угодно...»

— ...и тогда с каждого проезжающего можно брать по крайней мере по пять монет серебром, стало быть...

— Послушай, светоч разума,— остановил канцлера Конан,— а если все после твоих новшеств будут объезжать Тарантию стороной? Ты их что, силой собираешься сюда затаскивать?

— Почему силой? — не понял Публий, на лице которого появилось выражение, как у человека, случайно откусившего вместе с сочной мякотью яблока червяка.

— Да потому.— Варвар выпрямился и с хрустом размял плечи, отчего коротышка вздрогнул.— Мы же берем подать за въезд. Ты что, собираешься брать с путников дань и на выезде?

— Ну, конечно,— развел руками Публий,— а как же иначе?

— Вот я и говорю,— киммериец явно обрадовался тому, что может хоть как-то повлиять на государственные дела вместо того, чтобы выслушивать обычные, невыносимо, по его мнению, скучные речи канцлера, да подписывать указы, в содержание половины из которых ему было лень даже и вникать,— все узнают об этом и будут просто проезжать мимо столицы. Мы же расположены не так, как Хоршемиш, дорог в объезд сколько угодно...— Конан говорил со знанием дела, потому что за свою жизнь не побывал разве только что на дне морском, да и то в этом просто повезло — возможностей было хоть отбавляй.— Ты и денег получишь, в конце концов, даже меньше, чем сейчас. Уразумел? И вообще, взойдя на трон, я специально озабочился, чтобы налоги, установленные в Аквилонии, были самыми низкими по всей Хайбории. А ты что мне теперь предлагаешь, а?

Публий сокрушенно покачал головой и выдавил:

— Ты, несомненно, прав, мой господин, это мое упущение...

— Вот! — обрадовался варвар.— Иди и подумай хорошенько, может быть, тебе в голову придут более удачные мысли. Придешь с этим через пару дней!

* * *

«Ну и славно,— подумал Конан, когда канцлер, кланяясь на каждом шагу, наконец покинул помещение.— До чего мне это все надоело! Оно,

конечно, богов гневить зря не стоит, в темнице Тзота-Ланти вряд ли было лучше. Так что пойду-ка я, пожалуй, к Белезе, хоть развеюсь слегка, а то мои государственные мужи и придворные надоели хуже прокисшего эля...»

Белеза была любимой наложницей короля. Несколько лет назад киммериец встретился с ней при весьма драматичных обстоятельствах, когда ему пришлось, скрываясь от ищеек короля Нумедидеса, скитаться по Пустошам пиктов. Девушка была уроженкой Зингары, и причиной ее вынужденного обитания в этих глухих местах, вдали от удовольствий и благ цивилизации, служил крайне неосмотрительный поступок, некогда совершенный ее единственным родственником, графом Валенсо.

В юности, желая увеличить свою власть и богатство, граф обратился за помощью к стигийскому колдуну, и демон, вызванный тем, покончил с врагами Валенсо. Однако граф совершил роковую ошибку: вознамерившись обмануть могущественного мага и не выплачивать ему обещанного вознаграждения, он выдал его королю Зингары, так что колдун вынужден был покинуть страну.

Теперь, много лет спустя, стигийский маг по имени Тот-Амон, старинный знакомец Конана, отомстил неразумному вельможе, которому не помогло даже бегство в Пиктские пустоши. Красавица Белеза пришлось по сердцу варвару, но обстоятельства разлучили их, однако судьба подарила им еще одну встречу, уже после того, как

киммериец воцарился на аквилонском троне. Сейчас у девушки не было соперниц, и, будучи по существу наложницей, она пользовалась всеми привилегиями знатных дам....

Однако узами брака киммериец связать себя пока не пытался, хотя приближенные уже давно, не особенно скрываясь, поговаривали, что неплохо бы Аквилонии наконец занять законного наследника.

— И что вам всем нейдет?! — был обычный ответ короля. — Я еще не готов к этому. Только что, слава богам, из такой передряги выбрались, так что самое время заняться делами государства.

Король вышел из Малого приемного зала, где обычно беседовал с канцлером, и с удовольствием оглядел стоявших по обеим сторонам двери здоровенных охранников в черной форме. Солдаты, хотя и не дотягивали статью до своего короля, были, как на подбор, brave ребята. После неудавшегося покушения на Конана, инспирированного изменником Аскаланте, караулы были удвоены, и теперь у каждой двери во всех покоях владыки и по всем коридорам дворца стояла пара рослых гвардейцев из Черных Драконов — личной охраны короля.

— Здорово, Райгарх, — кивнул киммериец одному из вытянувшихся при его появлении охранников — он знал в лицо почти всех солдат и офицеров своей гвардии и общался с ними за просто, по старой привычке бывалого воина. — Что новенького?

— Все в порядке, король! — гаркнул солдат так, что входивший в галерею служащий канцлера почтенный Люций от неожиданности едва не поскользнулся на гладких мраморных плитах пола.

— Ты мне всех секретарей перепугаешь! — довольно захохотал варвар. — Ишь, какая зычная глотка! Кого ищешь, любезный? — подошел он к Люцию и хлопнул того по плечу. — Твой начальник только что вышел от меня. Или уже успели еще какое-нибудь дельце состряпать?

— Я принес расписание церемоний на ближайшие дни, — едва не растянувшись на полу под тяжестью королевской длани, прошелестел Люций. — Вот в это время, — он ткнул в пергамент, — я поставил встречу с купцом из Немедии. Он очень просил принять его...

— С каким еще купцом? — Конан недоуменно воззрелся на Люция. — Ты никак спятил от тягот дворцовой жизни, любезнейший? С какой стати король Аквилонии будет встречаться с немедийским торговцем? Пусть идет к канцлеру или еще к кому-нибудь, или вообще к... — варвар коротко, но выразительно разъяснил, куда именно нужно будет отправиться незваному просителю. — И вообще, я смотрю, вас тут так много, что повернуться нельзя, чтобы не наступить на советника или секретаря.

— Он просил личной встречи... Сказал, что дело очень важное и не терпит отлагательств... Речь идет о твоей жизни, государь! — осмелился настаивать на своем Люций.

— О моей жизни, говоришь? — захохотал Конан и, таинственно понизив голос, спросил: — И когда же ты назначил встречу?

— На завтра, — побледнев, ответил совершенно ошарашенный секретарь. — После встречи с послом из Заморы...

— На завтра?! — вновь загромыхал бас киммерийца. — Да ты и впрямь совсем ополоумел, милейший! Речь идет о жизни твоего короля, а ты откладываешь столь важную встречу на целую ночь! Нет, поистине мир набит сумасшедшими! — И он захохотал так громко, что раскаты смеха, наверное, были слышны и за пределами дворца.

— Я думал... но ты сам говорил, господин... — залепетал Люций, окончательно убитый испепеляющим взглядом своего владыки.

— Ладно, ладно, — Конан неожиданно прервал смех и снова похлопал секретаря по плечу. — Шутки вы все не понимаете. Еще очоуришься тут со страху, разбирайся с тобой потом... Да успокойся, наконец, я же говорю: пошутил. Нергал с вами, поговорю с твоим немедийцем. Небось, ты и мзду уже с него успел содрать?

Секретарь, хотя это и казалось невозможным, побледнел еще больше, отчего варвар сделал вывод, что не ошибся.

— Иди, пес с тобой, — он не мог сдержать улыбки, глядя на совершенно обескураженного помощника канцлера. Он явно развеселил короля, и потускневшие было от скуки глаза киммерийца вновь сверкали теперь, подобно двум сап-

фирам.— Все вы мздоимцы и бездельники, да что с вами поделаешь... Так что сходи-ка ты к Рассану, чтобы окончательно успокоиться, и скажи, что я велел дать тебе дюжину серебром.

Рассан был хранителем королевской казны, и визит к нему кого-либо был весьма нечастым событием: Конан не особенно поощрял своих придворных, справедливо считая, что те и так прокормятся, а если не смогут — на что ему такие недотепы.

— Ступай же,— повторил варвар, видя, что Люций находится в столь сильном недоумении, что открывшийся было рот не может произнести ни слова, и в то же время какие-то силы не дают ему захлопнуться,— а то сейчас челюсть свернешь. Не благодари! Кстати,— он наклонился к секретарю и сказал достаточно тихо, чтобы никто другой слышать его слов не мог,— проведешь его утром прямо в Малый зал, без церемоний и отдельно от всех других. Я скажу Паллантиду, чтобы вас пропустили. Мне не нужно лишних свидетелей на предсказании времени собственных похорон.

Паллантида был командиром Черных Драконов, и без его ведома ни один человек не мог проникнуть в королевские покои, тем более, что запах от последнего покушения на короля еще не успел выветриться из покоев дворца.

«Выслушаю этого купца,— думал между тем Конан.— Пес его знает, может быть, он действительно проведет о какой-то угрозе. Кром не особенно склонен заступаться за своих детей-кимме-

рийцев, так что придется самому позаботиться о собственной безопасности».

Он круто развернулся и быстрыми шагами направился в боковую галерею дворца, ведущую к его собственной опочивальне и тем покоям, где жили наложницы.

Не успел варвар войти в небольшой уютный зал с мраморными колоннами и огромным пушистым ковром, закрывавшим почти весь пол, как к нему, по-утиному переваливаясь на коротких ножках, поспешила Муниварэ — пожилая туранка, что была приставлена управлять в этом «женском царстве».

— Мы как раз ждем тебя, мой король,— сладко запела она.— Индирий закупил новых наложниц, и мы хотим, чтобы ты посмотрел на них! — Старуха состроила умильную гримасу.

— Хм...— Конан с сомнением посмотрел на нее с высоты своего роста.— Новые, говоришь?

Муниварэ быстро закивала головой, словно птица, клюющая зерно. Подняв лицо, она с надеждой смотрела на короля, словно в его согласии была сосредоточена вся ее жизнь — туранка, несомненно, была прекрасно вышколена для службы во дворце.

«Похоже, мои приближенные снова проявляют заботу о рождении аквилонского наследника,— усмехнулся про себя варвар.— Не с этой стороны, так с той подстраиваются — тоже мне, хитроумцы».

— Ну, раз купили, значит надо посмотреть,— махнул он рукой.— Где они?

— В Зеленем зале,— радостно проворковала Муниварэ.— Прошу, мой повелитель,— и она покатилась впереди киммерийца к тяжелым дубовым дверям, ведущим в соседнее помещение.

Зал получил свое название по пушистым — ноги утопали в них по щиколотку,— изумрудного цвета коврам, которыми были увешаны стены и покрыт пол.

Это был подарок одного из военона начальников Аквилонии прежнему королю. Такие ковры производились только в одном месте, далеко-далеко отсюда: в Афгулистане, местности, примыкающей к Химелийским горам. Только там изготавливали краску ярко-зеленого цвета из какого-то камня. Конану пришлось побывать там, и он видел, как ткут эти ковры, и знал их цену, поэтому, став королем, очень удивился, что их так много во дворце.

— Сюда, мой повелитель,— туранка указала ему на низкое широкое кресло, больше похожее на блюдо,— здесь тебе будет удобно. Эй!

Одновременно с хлопком ее ладоней отворились двери, и в зале появилась группа женщин, шедших попарно. Все они были одеты в одинаковые бледно-желтые юбки и облегающие черные блузы с длинным рукавом и высоким стоячим воротником.

«Демоны меня возьми! — выругался про себя Конан, увидев эту процессию.— Вот куда утекают денежки из королевской казны... Что-то я не припомню, чтобы раньше бабы, что присматривают за моими девушками, были так шикарно

одеты! На кой нужна униформа еще и здесь? Непременнo дам встряску канцлеру!»

Каждая пара вела под руки обнаженную девушку. Женщины взошли на небольшой подиум у противоположной стены и остановились. Девушек повернули лицом к королю, а сопровождавшие их прислужницы встали сзади.

— Их купили вчера на невольничьем рынке для тебя, мой король,— услышал он медовый голос Муниварэ.— Посмотри, здесь найдутся красавицы на любой вкус.

Толстуха была права. Индирий знал толк в своем деле: каждая из молодых женщин могла удовлетворить претензии самого капризного и утонченного сластолюбца. Киммериец за свои годы видел и любил столько женщин, что и считать их не смог бы, и, конечно, понимал в них толк. Иногда ему приходило в голову, что он и сам мог вполне быть содержателем какого-нибудь притона или веселого дома.

Вот высокая и дородная девушка из Гандерланда или Гипербореи. Белая кожа, светлые с рыжинкой волосы, серые глаза, тело чуть полноватое, но сильное и гладкое. Крепкие икры, широкие бедра, покатые плечи. Она переступила с ноги на ногу под взглядом короля, и тяжелые груди с розовыми сосками вздрогнули и качнулись в стороны.

«А эта из Иранистана,— определил варвар, переведя глаза на стоявшую рядом.— Помнится, одна из моих подружек рассказывала, что они умащают тело какими-то снадобьями и сводят

таким образом все волосы, поэтому их кожа становится гладкой и розовой, как у ребенка».

Ему потом не раз пришлось убедиться в том, что подруга юности не солгала, но сейчас все его мысли были заняты Белезой, и он без особого интереса посмотрел на следующую девушку.

«А вот эта явно из Кофа. Маленькие ступни, смуглая кожа, небольшой рост, пышное тело, и разрез глаз чуть удлинненный,— взгляд киммерийца поднялся от щиколоток девушки до ее тонких, словно нарисованных, черных бровей.— Ничего не скажешь, постарался Индирий. Наверное, недешево стоило все это удовольствие для короля. А потом Публий удивляется, что куда-то улетучиваются деньги из казны, и хочет ввести этот дурацкий налог на въезд, да еще и на выезд,— пришел ему на память разговор с канцлером.— Хотя, если взглянуть с другой стороны, зачем быть королем, если не тратить хоть что-то и на себя?» — продолжал размышлять Конан, лениво рассматривая девушек.

Некоторые из них смущенно опускали глаза, встречаясь взглядом с королем, другие ничуть не стыдились того, что стоят совершенно нагими перед разглядывавшим их мужчиной, и даже кокетливо поводили плечами и грудью, стараясь обратить на себя внимание. Что ж, все это киммерийцу хорошо знакомо: столько раз он сам стоял голым, как лягушка, по ту сторону барьера на невольничьем рынке, и его самого рассматривали нагло и пристально, и жесткие пальцы не раз щупали его мышцы, и покупатели заставля-

ли открыть рот, чтобы убедиться в крепости зубов раба. Все было. Каков мир, таковы и нравы...

«Благодарение Подателю Жизни, это в прошлом,— подумал про себя Конан.— Конечно, зарекаться нельзя ни в чем, на все воля богов...— произнес он привычные слова и, усмехнувшись, перевел взгляд на девушек.— Будь я неладен, но вот эти две, без сомнения, из какого-нибудь веселого дома. Явно большие мастерицы своего дела! Так и выставляются, словно я посетитель их притона, какой-нибудь моряк или вор. Вот тут Индирий явно дал маху. На кой демон в королевском дворце эти шлюхи? — возмутился он, но тут же гнев варвара улегся.— А кто же, собственно, я сам, как не бывший вор и грабитель? Был и тем, и другим, так что нет смысла слишком уж крутить носом»,— усмехнулся король Аквилонии и перевел глаза направо.

Последняя девушка из стоявшей перед ним дюжины красавиц своим обликом заставила его задуматься:

«Откуда такая? Вроде бы заморанка или кофийка по сложению, но ростом высокая и волосы довольно светлые...» — Варвар пристально посмотрел на невольницу.

Девушка вздрогнула под его взглядом и, видимо, неожиданно даже для себя самой, сделала произвольное движение, пытаясь прикрыть грудь и низ живота от глаз Конана.

Стоявшие рядом две служанки отреагировали мгновенно: схватив ее за обе руки чуть выше локтя, они с силой отвели их назад, так что тело

девушки выгнулось вперед, как напряженный лук.

Муниварэ, следившая за глазами короля и почувствовавшая его интерес к невольнице, склонилась к уху киммерийца и шепнула:

— Пленница из Кофа. Девственница.

Конан поднял взгляд на ее жирное лицо, на котором чуть были видны щелки глаз. Толстые губы хранительницы королевских наложниц расплылись в подобострастной улыбке.

— А не врешь? — усмехнулся варвар. — Пройти через столько рук и остаться невинной?

— Я свое дело знаю, мой господин, — почти ответила Муниварэ, но в голосе ее слышалась обида, явно указывающая на совершенную неуместность вопроса киммерийца. — Дорогой товар. Торговцы специально хранят его для тех, кто может заплатить большую цену. Правда, когда Индирий уже договорился о покупке, пришел еще один человек и предложил за нее даже большую сумму, но продавец не посмел предпочесть его нам, зная, что мы из королевского дворца.

Она сделала знак служанкам, и те подвели девушку ближе к королю. В самом деле, она была чудо как хороша: стройные лодыжки, длинные бедра, чуть выпуклый живот и точеная тонкая шея. Безупречной округлости груди были настолько крепкими и упругими, что даже не вздрогнули, когда служанки заставили девушку нагнуться и поворачивали, чтобы Конан мог рассмотреть все ее тело.

Кожа красавицы была чуть загорелой и как будто светилась изнутри розоватым светом. Несколько удлиненный овал лица с зеленовато-серыми глазами, повлажневшими от стыда и боли, и пышные светлые волосы, стриженные так, что чуть прикрывали ключицы. Обведенные киноварью соски и покрашенные ногти рук и ног заставили киммерийца вспомнить статуэтки, которые он видел как-то в Зингаре, где их изготавливали из крепкого коричневого дерева и потом полировали до блеска, так, что они выглядели, как каменные.

Тем временем служанки, по знакам Муниварэ, вертели девушку, словно куклу, заставляя вставать на колени, ложиться навзничь, закладывали ей руки за голову, поднимали волосы, показывая всю красоту ее тела своему повелителю. Глядя на все это, варвар вдруг почувствовал, что хорошее настроение, пришедшее к нему после разговора с пройдохой Люцием, куда-то улетучилось.

Он махнул рукой и поднялся с кресла.

«Похоже, представление мне уже надоело, наверное, старею, — подумал он с сожалением. — А девушка, действительно, красива, клянусь алебастровыми бедрами Иштар... И чего, собственно, я жду? Пойду-ка, куда и направлялся, — к Белезе!»

— Подготовить к ночи? — деловито осведомилась толстуха, по-своему расценив жест короля.

— Нет, — зевнул Конан. — Как-нибудь в другой раз.

— Пошли вон! — крикнула Муниварэ своим служанкам, и женщины поспешили к дверям.— Никто из них не понравился тебе, повелитель? — склонив голову, сокрушенно спросила хранительница королевских наложниц.

— Отчего же? — усмехнулся варвар,— Вы с Индирием неплохо постарались, девчонки все как на подбор красивые и соблазнительные. Даже парочка шлюх из веселых домов среди них затесалась — для разнообразия, наверное. Так? — он резко взглянул прямо в глаза туранке, отчего толстуха ошарашенно захлопала глазами и даже отпрянула в сторону.— Ну, да ладно, я не в обиде,— добродушно хохотнул он,— вижу, не зря ешь свой хлеб. Я же сказал: займусь ими попозже. А сейчас ступай, ты мне надоела.

Муниварэ выкатилась из зала так стремительно, что король от удивления даже покрутил головой:

«Не иначе у нее под юбкой спрятана пара карликов, которая носит эту тушу. Улетела, как сокол»,— он уже хотел было плюнуть на роскошный ковер, но удержался и вышел из зала.

Глава вторая

Назавтра Конан проснулся в скверном расположении духа: после того, как он ушел от Белезы и ему удалось заснуть, всю ночь варвару снился Шадизар, прекрасный и порочный Город Негодяев, манящий своими соблазнами, куда он попал совсем еще юным и где ему пришлось испытать множество как приятных, так и опасных приключений.

Киммериец всегда вспоминал о тех временах с особенным чувством, потому что все тогда у него получалось легко и как будто без особых усилий, хотя попадал он, конечно, и в серьезные передряги.

Но сон, как назло, состоял из на редкость отвратительных сцен, как бы вывернутых наизнанку действительных событий: то колченогий прихвостень колдуна топил Конана в зловонной яме, и мучительная неподвижность, сковавшая все члены варвара, не давала ему выбраться наружу, и он погружался глубже и глубже, а ехидная и

злая усмешка врага, казалось, заслонила собой и остаток голубого неба над головой, и край впадины, за который тщетно пытался ухватиться киммериец.

Он просыпался в холодном поту и пытался отогнать этот кошмар, но едва опускал голову на подушку, мерзкий хромой вновь, как живой, вставал перед глазами, разражаясь отвратительным хохотом.

Потом этот сон улетучился, но на смену ему пришел еще более неприятный: скопище мускулистых карликов-байрагов, отвратительных существ с зеленой кожей, словно у лягушек или ящериц, набросилось на него и рвало и терзало плоть Конана, а он пытался отбиться от них, беспорядочно размахивая руками.

Оскаленные глотки хором шептали: «Отдай сапфир, отдай сапфир!», и оттого, что этих чудовищ было невероятно много, может быть, сотни, или даже тысячи, шепот такого числа глоток сливался в один чудовищный гул, похожий на рев бури, рвущий карabelьные снасти, и даже когда варвар проснулся, еще некоторое время этот вой явственно отдавался где-то в глубине его сознания.

— Что со мной происходит? Какие демоны наслали эти сны? — Король с хрустом расправил плечи и соскочил с ложа.

Мутный серенький рассвет занимался за узким стрельчатым окном его опочивальни, и этот осенний полумрак навевал тоску не хуже ночных кошмаров.

— Не иначе, опять какое-нибудь колдовство, прах и пепел! — Киммериец потер лоб и, схватив стоявший рядом с его постелью серебряный кувшин с вином, жадно припал к горлу сосуда.

Опорожнив содержимое, варвар шумно вздохнул и рассмеялся:

— Вот уж точно — старею! Словно девица, испугался страшного сна! Или я уже и не Конан из Киммерии, не король Аквилонии, а уподобился робкой пленнице, проданной вчера на невольничьем рынке? Мало ли что может присниться, бывало и наяву значительно хуже. Вот и сапфир этот вспомнился, а сколько уж лет прошло! Может, зря я отказался вчера от новой наложницы? Эй, Гаримет!!!

Рядом с ложем стоял серебряный колокольчик, но киммериец обычно не утруждал себя протягиванием руки, и его зычный голос был слышен за несколько помещений от королевских покоев. На рев повелителя, на ходу поправляя пояс камзола, влетел сонный дворецкий,

— Неси завтрак! — потребовал Конан. — Дрыхнете тут, как сурки, а король подыхает с голоду!

Гаримет, склонившись в почтительном поклоне, осведомился, что желает его величество на завтрак.

— Все, что есть, Нергал тебя побери! — гаркнул киммериец. — И вина еще, — он перевернул кувшин, — видишь, лоботряс, тут можно и от жажды подохнуть! Да побыстрее!

— Будет исполнено в один момент! — дворецкий, еще раз поклонившись, исчез за дверью, и

варвар услышал, как снаружи засуетились и забегали подгоняемые им слуги.

Король отворил дверь в соседнее помещение и оказался в просторной комнате, стены и пол которой были отделаны карпашским мрамором, а посередине стояла большая серебряная ванна, наполненная почти до краев. Киммериец сначала окунул туда руку, а потом с наслаждением погрузился в прохладную воду.

Одним из преимуществ королевской жизни была возможность каждое утро омыть тело этой живительной влагой, куда придворные лекари добавляли бальзамы и настои пахучих трав. Это наслаждение Конану очень редко приходилось испытывать в предыдущей жизни: ведь никому в голову не придет предоставить подобное удовольствие заключенному, в чьей шкуре варвару случалось бывать значительно чаще, чем ему бы этого хотелось, или устроить омовение посреди жгучих песков, где и простой глоток воды уже считался подарком богов.

«Все-таки быть королем не такая уж и плохая штука,— подумал Конан,— гораздо лучше, чем трястись под палящим солнцем на горбе верблюда или, даже вспоминать не хочется, плестись по дороге с оковами на ногах. А ночные кошмары... Ну, примем их так: возможно, вчера я совершил какой-то добрый поступок — припомнить бы только, какой именно...— вот Митра и предупредил меня этими снами.— Варвар с удовольствием провел ладонью по груди, ощутив упругость и крепость своих мышц.— Все нормально,

силы у меня почти что и не ubyло, а это главное. Да и девчонка та была совсем неплоха,— опять вспомнил он вчерашний показ новых невольниц,— что это на меня нашло? Наверное, Публий так заморочил мне голову своими дурацкими предложениями. Если будет надоедать, вообще перестану обсуждать с ним дела...— Киммериец плеснул себе горсть воды в лицо, и плохое настроение улетучилось окончательно. Тут же он с некоторым раскаянием подумал, что канцлер, в общем-то, славный человек, давний его соратник, да и к тому же проявил совсем недавно немалое мужество, посмея, один из немногих, усомниться в законности восшествия на престол принца Арпелло. Бедолага брошен был за свой смелый поступок в темницу и ожидал казни, от которой его спасло лишь возвращение Конана.— Ну ладно, не совсем перестану, но уж не чаще, чем раз в седмицу.— Конан перекинул ногу через край ванны и встал на мраморный пол.— А то до чего же избаловались, бездельники, чуть дело какое, сразу тащатся к королю. За каким демоном мне тогда все эти канцлеры и советники?!»

Варвар подошел к большому зеркалу из кофской бронзы и посмотрел на свое отражение. В чуть желтоватой поверхности отполированного металла его смуглое тело казалось совсем темным, и оттого выпуклые могучие мышцы выделялись особенно четко и выпукло.

Обнаженный гигант, отражавшийся в зеркале и глядевший на киммерийца яркими синими

глазами, казался ничуть не старше тридцати, ну, может быть, тридцати трех лет, и то лишь потому, что в черных волосах кое-где проступили серебряные нити, да покрытое старыми, уже затянувшимися шрамами лицо стало более жестким из-за глубоких складок, прорезавших высокий лоб. Во всем остальном это сильное тело, словно вырубленное из цельного куска гранита, могло принадлежать молодому гладиатору, да и вообще, вряд ли нашлось бы в подлунном мире много таких мощных и крепких мужчин. Конан подмигнул своему отражению и отвернулся к скамье, на которой была разложена одежда.

«Что у меня сегодня? — наморщил он лоб, вспоминая расписание церемоний. — Так, встреча с торговцем из Немедии, которого сосватал этот проходимец Люций, затем посол Заморы, потом... — он мгновение постоял, прикидывая, надеть кольчугу под камзол или нет, потом все-таки накинул на тело холодящую кожу металлическую сеть — чем Нергал не шутит? — и напряг память, пытаясь вспомнить остальное расписание на этот день. — Кажется, больше ничего, и это меня вполне устраивает. На охоту, что ли, поехать на пару денечков? — прикинул варвар. — Правда, через несколько дней Самора устраивает в своем поместье турнир, на котором я обещал быть, но это ведь через несколько дней... Ладно, решу потом, время еще есть».

Киммериец, выросший в глухом горном краю, хотя и привык уже к жизни в больших городах и не считал такими уж непереносимыми удоб-

ства, что положены королю, но все-таки предпочитал всему этому вольный воздух и простор.

При каждом удобном случае он старался выкроить время от государственных забот и провести день-другой на природе. Барон Самора, о котором вспомнил король, был большим любителем конных скачек и рыцарских турниров, и на его традиционный осенний праздник съезжалась знать чуть ли не со всей Аквилонии.

Конан и сам с радостью поучаствовал бы в рыцарских схватках, но королевское положение не позволяло.

Вспомнив об этом, он крякнул с досады, но даже это не смогло повлиять на его настроение: варвар снова был свеж и стремителен, словно стрела, упруго звенящая в полете.

— Ну что, сыновья крокодила, — загремел в трапезной его бас. — Нашли, наконец, чем попотчевать короля?

Появившийся старший повар склонился в поклоне, плавным жестом указывая на заставленный яствами длинный дубовый стол.

Конан взглянул на него и причмокнул: широкий жест слуги не был пустой данью церемонии — здесь действительно было чем наполнить утробу даже такого гиганта, как киммериец. Душистые ароматы мяса и пахучих трав приятно щекотали ноздри.

— Вижу, не зря тебе платят такие деньги! — король благосклонно кивнул своему повару и повернулся к дворецкому. — Кто тут сегодня со мной?

Варвар редко осуществлял утреннюю трапезу в одиночестве: обычно кто-то из министров или советников удаивался чести составить компанию Его Величеству, а король заодно узнавал новости из первых рук, а не только через своего канцлера. Иногда к столу приглашался и кто-нибудь из его друзей еще по той, простой, не королевской жизни.

— Месьоры Паллантид и Брегант, мой король,— сообщил Гаримет, кланяясь.

Присутствие Паллантида, старого друга и соратника Конана, командира Черных Драконов, на утреннем приеме пищи королем было почти обязательным. Но второе имя заставило варвара удивиться.

— Старина Брегант! — радостно воскликнул он.— Давненько мы с ним не виделись! А где же Паллантид, почему я не вижу его за столом? Это не тот человек, которого надо спрашивать, чтобы он приступил к трапезе!

— Его вызвали на пост,— сообщил Гаримет.— Люций привел какого-то человека.

— Угу, я знаю,— вспомнив, кивнул Конан.— Иди и скажи, чтобы провели их в Малый зал, и дай им,— он кивнул на стол, оглядывая яства,— кувшинчик вина, что ли... И Бреганта зови немедленно!

Киммериец, став королем Аквилонии, не чванился высоким положением — тем более, что принимать участие в управлении государствами ему приходилось и раньше,— и в сущности оставался самым собой, простым воином, ценившим

более других качеств храбрость и преданность. Он не забывал тех, кто когда-то участвовал в битвах рука об руку вместе с ним. Старого бойца Бреганта он знал давно — с тех пор, как служил следопытом в Конаджохаре, аквилонец же командовал пограничным отрядом в районе форта Тусцелан.

Вместе им пришлось пережить нелегкие времена жесточайшего штурма пиктами Велитриума, пограничного города на берегу Громовой реки, и варвар не раз мог убедиться в том, что на седобородого рыцаря, назначенного им после воцарения на аквилонском престоле на пост военачальника, можно во всем положиться.

— Как дела, дружище? — король сделал несколько шагов вперед, и старые знакомые обнялись крепко, по-мужски, без особых королевских церемоний.— Не надоело еще жить в своей берлоге?

Легион Бреганта стоял далеко на севере, почти у самых Боссонских болот, и для многих жителей столицы этот край действительно казался концом света.

— Не беспокойся, король,— ответил старый солдат,— служба есть служба, где бы она ни была. Приходилось переживать и более тяжкие времена. Нынче пикты совсем не те, что были несколько лет назад. Вот только, признаться, сил уже поубавилось...

— Это у тебя-то? — приглашая жестом садиться, удивился Конан.— В такое невозможно поверить!

— Тем не менее, это так... За твое здоровье, киммериец,— Брегант учтиво поднял кубок с вином и отпил пару глотков, после чего продолжал: — Давеча, когда ехал сюда, в Тарантию, еле отбилсЯ от разбойников, а ведь раньше все было нипочем: хоть пятерых сразу мог отправить на Серые Равнины.

— И где это произошло?

— Да прямо рядом с лесом Руазель,— с досадой развел руками Брегант.— Чуть ли не у самой столицы!

— Этот бездельник Гаррах мне смертельно надоел! — Король в раздражении грохнул кулаком по столу с такой силой, что кубки и тарелки подпрыгнули, а шедший к ним служка с подносом от неожиданности чуть не уронил блюда с жарким на пол.— Не в состоянии навести порядок на дорогах королевства, а сколько раз я его предупреждал, что добром это не кончится. Дождется, что загоню его куда подальше... к пиктам, может быть, если уж ты говоришь, что они нынче не те, что раньше?

— Ты не прав, мне кажется,— осторожно заметил Брегант,— там он наделает еще больше вреда, если уж он и впрямь такой болван. На границе стоять — это не по дворцовым мраморам прогуливаться.

— Согласен, старый друг,— кивнул головой Конан.—Я, пожалуй, сделаю вот что: назначу-ка вместо него тебя своим советником, а то ты уже, гляжу, покрылся мхом там, на своих болотах. Тем более, что у тебя, как я помню, и в голове

кое-что имеется, а проще говоря, ты — немалый хитрец.

— Ну, уж и скажешь,— явно польщенный похвалой, отозвался старый солдат.— Была, конечно, и у меня на счету пара-тройка удачных военных вылазок...

— Вот я и говорю,— похлопал его по плечу король.— Неразумно держать таких умников где-то в болотах. Преданные и соображающие люди пригодятся и здесь. А лоботрясу Гарраxu дам хорошенько в ухо,— с мрачным видом добавил киммериец.

— Угу,— кивнул Брегант,— где приземлится после полета, там ему и место,— и оба старых приятеля с присоединившимся к ним Паллантидом дружно захохотали над немудреной солдатской шуткой.

— Совсем как тогда, у переправы через Хорот...— вытирая выступившие от смеха слезы, повернулся варвар к командиру Черных Драконов.— Один из твоих солдат врезал офицеру... тот кувыркнулся, точно утенок, и полетел... ха-ха-ха... Помнишь, Паллантид?

Хохот усилился, и все трое принялись вспоминать подробности недавних боев с врагом. Завтрак затянулся, и только робко просунувшаяся в дверь голова дворецкого напомнила киммерийцу, что пора приниматься за дела.

— Попируйте без меня,— Конан встал из-за стола.— А ты, Брегант, как договорились, перебираешься в Тарантию. Я скажу Публию, чтобы все устроил. Присоединяйся к сыну, а то парня

твоего я вижу часто, а отец где-то на рогах у Нергала,— и он, хохотнув на прощание, направился к дверям.

Войдя в Малый зал, король увидел двух человек, сидящих на мраморной скамье под протянутой над ними рукой статуи воителя Алькоя. Оба тут же вскочили и склонились в низком поклоне.

— Ты, Люций, выметайся-ка вон,— без особых церемоний распорядился варвар,— а этот молодец расскажет мне, с чем пришел,— повернулся он ко второму, юноше лет двадцати, статному и еще немного угловатому, но обещающему со временем стать очень сильным.— Только покороче и без особых...— Конан повертел ладонью и, не найдя нужного слова, продолжил: — Сам понимаешь, королевское время дорого.— Он пристально посмотрел на юношу,— Что-то твое лицо мне кажется знакомым... Сколько тебе лет, парень?

— Шестнадцать.

Конан присвистнул:

— А выглядишь гораздо старше. Как тебя зовут?

— Гюннюльф.

— И здесь что-то знакомое,— прищурился король.— Вроде бы в Немедии был у меня знакомец с таким именем. Толком не могу вспомнить... Но ты хотел рассказать об опасности, угрожающей мне,— напомнил Конан, усаживась в мраморное кресло.— Так не тяни, поведай, что меня ждет...

— Я родился в Немедии,— начал юноша,— мой отец владел баронством недалеко от Нумалии, а мать была родом из офирских нобилей...

— Постой, постой,— перебил его король.— Я понимаю, что ты гордишься своим знатным родом, но мне об этом знать не очень интересно, клянусь Митрой. Ты обещал моему придворному рассказать о какой-то опасности...

— Да ведь я и рассказываю,— Гюннюльф умоляюще взглянул на варвара,— ты сейчас обо всем узнаешь.

— Ну ладно,— протягивая руку к кувшину, усмехнулся киммериец,— послушаю твою историю, только излагай все-таки покороче.

— Когда мне было двенадцать лет, моя мать умерла от чумового поветрия, а вскоре загадочной смертью погиб и отец. Нас с сестрой взяли на воспитание герцог и герцогиня Хельсингера — владелица замка была родственницей моего отца.

«Хельсингер! — вспыхнуло в мозгу киммерийца.— Ну, конечно же! Ведь Гюннюльфом звали старого герцога, отца Хайделинды! Совсем забывал... Ну как же я сразу не сообразил. Хайделинда!»

На Конана нахлынула волна воспоминаний. Несколько лет назад... пять? или четыре? — сейчас варвар уже не мог вспомнить точно, дороги наемного солдата занесли его на север Немедии. Там он познакомился с аргосцем Эрлендом и его подругой — наследницей Хельсингерского герцогства Хайделиндой. Дядя юной герцогини Бьергюльф с помощью колдуна Краутвурста от-

правил, чтобы завладеть Хельсингером, отца девушки — своего старшего брата, женившись на его вдове, и теперь собирався, устраняя последнее препятствие, убить и Хайделинду. Варвару тогда пришлось немало потрудиться, чтобы вывести на чистую воду новоявленного герцога и уничтожить зловредного колдуна...

— Мой отец,— продолжал между тем юноша, слегка удивленный тем, что король, как ему показалось, вовсе его не слушает, уйдя в свои мысли,— не знаю точно, по какой причине, поссорился с одним чародеем...

— Весьма занимательно,— изрек киммериец, отхлебнув изрядный глоток вина,— но все равно не понимаю, какое отношение это имеет ко мне. А что, это колдовское племя еще существует в вашей стране? — поинтересовался он.— Помнится, большинство из них окончило свою жизнь на виселице или на костре, барон Амальрик со своим подручным... Орастом его, кажется, звали, постарались. Я сам при этом присутствовал. А одного из них, можно сказать, своими руками прикончил — и за дело, уж больно большой был пакостник.

— Кое-кому удалось избежать справедливой кары, и опасность, исходящая от этих слуг Сета, угрожает не только немедийцам,— грустно кивнул головой Гюннюльф.

— Продолжай, продолжай,— поторопил юношу Конан. Взволнованный воспоминаниями не такого уж давнего прошлого, теперь он по-настоящему заинтересовался историей юноши.

— Этот маг наложил какое-то заклятие на перстень с удивительным фиолетовым камнем и подговорил одного из крестьян, чтобы он прикоснулся им к барону, когда тот объезжал деревни.

— Колдун, наверное, пообещал, что таким образом исполнится какая-то просьба этого крестьянина? — спросил варвар.

— Как ты догадался? — вскричал изумленный Гюннюльф.

— Дело нехитрое,— рассмеялся киммериец,— я этих колдунов столько за свою жизнь успел перебивать — неплохо знаю их племя. И что,— продолжал он,— твой отец заболел какой-то неизлечимой болезнью?

— Хуже,— опустил голову юноша.— Как только крестьянин, произнеся какие-то слова, прикоснулся перстнем к его телу, возник столб зеленоватого пламени, и отец мгновенно в нем сгорел. Осталась всего только маленькая кучка пепла, а...

— Помолчи немного! — внезапно сделал Конан знак юноше, и в гулких стенах мраморного зала воцарилась тишина.

Все мгновенно встало на свои места. Почему-то только сейчас киммериец сообразил, кого напоминает ему юноша.

Да он похож на вчерашнюю красавицу-рабыню: зеленовато-серые глаза, русые волосы, схожие черты лица... Конан пристально взглянул на молодого немедийца.

Точно!

Сколько, он сказал, ему лет? Шестнадцать... Надо же, кто бы мог подумать: приятель Эрленд оказался опекуном этого юноши. Герцог Хельсингерский!

Аргосцу тогда повезло: нынешний владетель Хельсингера столь же знатен по происхождению, как и он сам, король Аквилонии!

Однако ведь Эрленд никогда не стремился быть ровней кичливым аристократам, и ему достался куда более ценный им приз — юная герцогиня.

Чувство аргосца было взаимным, но и варвару на собственном опыте привелось убедиться, насколько повезло Эрленду...

— Я тут подумал немного и вот что тебе предлагаю,— начал Конан, и юноше показалось, что в глазах короля промелькнула искра грусти,— ты помолчишь, а я дорасскажу за тебя твою историю, тем более, что мне ясно теперь, зачем ты проник во дворец...

— Я не...— взметнулся было Гюннюльф, но киммериец остановил его жестом поднятой руки:

— Тебе сказано, слушай... У тебя есть сестра на год-полтора младше возрастом. Верно?

Молодой немедиец удивленно кивнул, в глазах его засветилась надежда.

— Одного только не могу понять,— наслаждаясь все возрастающим изумлением Гюннюльфа, продолжал варвар,— какие демоны затащили ее в Коф...

— Она поехала навестить подругу,— ошеломленно ответил юноша.

— Крайне неудачное выбрала она для этого время,— покачал головой король.— Тут грянула война, и девчонка попала в плен, как военная добыча. Это, сам знаешь, в смутное время происходит сплошь и рядом. Ты бросился искать любимую сестру, и тебе неслыханно повезло: хоть и много пришлось пройти дорог, да и потрудиться и потратиться изрядно, но ты попал на ее след.

— Но откуда ты знаешь?!

— Да уж знаю! — веско сказал киммериец.— Вчера ты мог ее выкупить у торговца рабами, но не успел, потому что мои люди появились там раньше. Так?

— Т-т-так...— глаза Гюннюльфа чуть не вылезли из орбит от изумления.

— Но твоё везение продолжается. Я отпущу твою сестру,— сообщил король,— ты ведь этого от меня хотел?

— Да...— прошептал юноша, но он мог и не отвечать, все было видно по его глазам, на которые навернулись слезы облегчения и благодарности.

«Ишь, слезы! — усмехнулся про себя Конан.— Сразу видно настоящего нобилия — белая кость, нежный, чувства у него... А я как был простым варваром, так им и остался», — усмехнулся он про себя.

— Кроме того, я дам вам охрану — стража проводит вас до немедийской границы, чтобы добрались без всяких происшествий,— продолжал варвар.— И не благодари меня,— остановил он

порывистое движение юноши,— я это делаю не ради твоих прекрасных глаз. Просто возвращаю один свой долг...

— Долг? — изумился Гюннюльф. — Его величество не шутит? Какие могут быть долги у короля могущественной державы перед воспитанником герцогства, затерянного в глуши Немедии?

— Значит, могут! — отрезал киммериец. — Гаримет!..

Вышколенный дворецкий появился мгновенно.

— Распорядись, чтобы эту девушку... Как зовут твою сестру? — повернулся он к немедию.

— Ильвинга...

— Скажешь толстой бездельнице Муниварэ, чтобы одели ее поприличней. Распорядись также, чтобы этому молодому нобилю предоставили карету, а потом обратись к Рассану — возьмишь и передашь ему, — король кивнул на юношу, — двести золотых. А Паллантиду... — Тут король, оставившись, махнул рукой, — его я, впрочем, сейчас сам увижу. Ступай!

— О, государь! — прошептал Гюннюльф, почти потерявший дар речи. — Я не знаю, как отблагодарить тебя...

— То есть как не знаешь? Ты же хотел рассказать о грозящей мне опасности. Или это была просто уловка, чтобы попасть во дворец?

— Нет! — горячо возразил юноша. — Прости! Я совсем ошалел от счастья и чуть не позабыл главное...

— Ну, так не мешкай, говори, — подбодрил его Конан.

— Вчера, после того, как мне не удалось выкупить сестру, убитый горем, я зашел в таверну. И там совершенно случайно встретил одного человека, которого знал раньше, еще в Немедии. Он торговец лесом, привез сюда три воза дубовых бревен.

— Ну и знакомые у родственника Хельсингерских герцогов, — усмехнулся варвар. — Лесорубы, торговцы...

— Он привозил лес в наш замок, — развел руками, не поняв легкой насмешки, Гюннюльф, — вот почему я его запомнил. Но дело не в том, кто он...

— А в чем же?

— Этот человек был уже весьма пьян и вне себя от радости. Он рассказал, что ему посчастливилось удачно продать свой товар по очень высокой цене. Мне это все, в общем-то, было совсем неинтересно, не об этом думал... А тут как раз тот покупатель тоже зашел в таверну, и лесоторговец указал мне на него.

— И это было интересней? — улыбнулся киммериец.

— Вот именно! Потому что я узнал этого человека, а самое главное — увидел на его руке тот самый перстень, что послужил причиной смерти моего несчастного отца.

— А ко мне какое это может иметь отношение? — не выказывая пока особой тревоги, осведомился Конан.

— Самое непосредственное! — твердо ответил Гюннюльф.— Я достаточно хорошо рассмотрел тогда перстень, сыгравший такую печальную роль в моей судьбе, и не спутаю его ни с каким другим. Камень такого чистого фиолетового цвета встречается крайне редко. Ошибиться сложно, клянусь Митрой! Так вот, вместе с этим перстнем крестьянина отдали в руки тайной службы Немедии, и я уверен, что сейчас он мог появиться только оттуда...

Юноша немного помолчал, переводя дух, и продолжил:

— А самое главное — человек, который за непомерную плату купил у моего знакомого лес, вовсе не торговец. Я встречал его в день приема у короля Нимеда, я был там вместе с герцогом. Там присутствовали принцы, министры — словом, весь двор. И когда появился этот пожилой толстяк, Эрленд указал мне на него и сказал: «Вот посмотри на него и накрепко уясни — это Готлебис, редкая гадина — постарайся, по возможности, не иметь с ним дела». Среди челяди был и этот человек, он все время крутился около толстяка, и я хорошо запомнил его лицо, тем более что такой красный нос пропойцы увидишь не у каждого в приличном обществе.

— Готлебис...— киммериец почесал бровь, что-то припоминая.— Он приспешник одного из ваших принцев... Тараска, не так ли?

— Верно,— подтвердил юноша,— и ты не хуже меня понимаешь, что если его люди появляются здесь, то вряд ли из интереса к купцу или како-

му-нибудь нобилю. Понятно, что его цель по-крупнее, тем более, следует не забывать про заколдованный перстень, имеющий столь страшную силу.

— Благодарю тебя,— внимательно выслушав Гюннюльфа, ответил варвар.— Не зря, выходит, я видел во сне тот сапфир...— задумчиво проговорил он.

— Какой сапфир? — не понял молодой немедиец.

— Это я так, о своем,— покачал головой король.— Долго рассказывать, да у тебя сейчас и другие, куда более интересные заботы. Вот как раз и наш Гаримет что-то хочет сообщить.

Действительно, просунувшееся в щель двери лицо дворецкого своим преданным выражением показывало, что все приказания повелителя выполнены.

— Забирай сестру, и в путь,— король похлопал юношу по плечу.— Сейчас вам дадут охрану из моих Черных Драконов, и вы спокойно доберетесь до дома. Видишь, все оканчивается хорошо в конце концов,— с улыбкой закончил он.— Сами боги послали тебя ко мне, а меня надоумили помочь неизвестному молодому человеку. Передавай привет герцогине.

— От короля Аквилонии?

— Угу,— кивнул головой варвар.

— Госпожа Хайделинда знает тебя?

— Мы несколько лет назад встречались с герцогиней, и хотелось бы верить, что она меня не забыла. Разумеется, мои добрые пожелания отно-

сятся и к герцогу Эрленду. Прощай, Гюнньюльф! Боги захотят, может быть, и свидимся вновь... Гаримет, сын шакала! Проводи человека!

Юноша поклонился и чуть ли не бегом бросился к дверям, провожаемый пристальным и слегка печальным взглядом короля.

Глава третья

ронный зал дворца представлял собой величественное зрелище, и всякий попадавший туда впервые чувствовал мощь и величие аквилонского королевства.

Высокое помещение было окаймлено по сторонам двумя рядами стройных колонн из белоснежного мрамора, а узкие стрельчатые окна в промежутках между ними были изготовлены из цветных стекол, заполнявших зал радужным светом.

Пол, выложенный из мраморных плит белого и темно-красного цвета, придавал еще более торжественный вид пространству зала, казавшемуся бесконечным из-за уходящих куда-то вдаль рядов белых колонн.

В конце колоннады находился королевский трон, изготовленный из цельного куска рубина. Старые мастера постарались на славу — вся поверхность камня была покрыта искусной резьбой, а ножки вырезаны в виде львиных лап.

Символ страны присутствовал везде: на вершине спинки трона оскаленной пастью выдавалась львиная бронзовая голова, а чуть выше на стене был прикреплен герб Аквилонии — лев, поднявшийся на задних лапах.

Церемонимейстер стукнул о пол золотым посохом, и по его сигналу два ряда придворных фанфаристов что было сил задули в мундштуки своих инструментов. Звонкие такты приветственного марша огласили помещение, отдаваясь гулким эхом в черед мраморных колонн. Приглашенные на прием, стоявшие вдоль оставленного в середине зала прохода, подтянулись, все разговоры смолкли, и в наступившей тишине прозвучал громогласный голос глашатая:

— Его Величество король Аквилонии!

Двери открылись, и Конан медленно и степенно, как предписывалось правилами дворцовой церемонии, прошествовал от входа к королевскому трону, сопровождаемый дюжиной наиболее приближенных к нему придворных. Приглашенные на прием склоняли головы, приветствуя повелителя, и вновь выпрямлялись, когда король проходил дальше, так что, казалось, многоцветная волна, подымаясь и опадая, перемещается вслед за движением киммерийца.

В пяти шагах позади короля шествовали верховный жрец Декситей и начальник королевской охраны.

Паллантид был крепким и высоким мужчиной, но даже он не мог сравниться статью с королем: варвар был почти на голову выше любо-

го из своих придворных. Чего уж тут говорить о первом слуге Митры и тем более о канцлере Публии, который шел вслед за Паллантидом, — этот упитанный коротышка смотрелся просто мальчиком, затесавшимся ненароком в компанию взрослых мужчин.

За канцлером шли полководцы и высшие чиновники Аквилонии, и среди них недавно назначенный королем новый советник генерал Брегант. Замыкал шествие дворецкий короля Гаримет.

Вся процессия проследовала в конец тронного зала, где король встал на возвышении перед троном, а сопровождавшие его выстроились у двух мраморных скамей на три ступени пониже и чуть впереди королевского постамент. Церемонимейстер стукнул посохом два раза, и придворные музыканты громко и торжественно заиграли гимн Аквилонии.

Мелодию поддержали голоса, и слова древнего песнопения величественно и мощно зазвучали в унисон с медью труб королевского оркестра.

Когда наконец пение закончилось и его последние отзвуки растаяли в вершинах мраморных колонн, глашатай зычным голосом нараспев выкрикнул:

— Слава и благодарствие покровителю нашему, Владыке света, Подателю Жизни и Хранителю Горнего Очага Солнцеликому Митре!!!

Все трижды склонили головы к сложенным ладоням, и после этого в наступившей тишине

послышался шорох одежда усаживавшихся на свои места короля и его свиты. Церемонимейстер стукнул посохом и проследовал по тому же пути, что некоторое время раньше совершил король с ближайшим окружением. Дойдя до возвышения, где находился трон, служитель, дождавшись кивка короля, начал церемонию представления собравшихся гостей королю.

Конану успели до тошноты надоесть все эти дворцовые обряды, но даже он не мог ничего поделать с этим: таковы были традиции аквилонского двора, и вряд ли его подданным пришлось по вкусу, если новый владыка захотел бы изменить древние правила.

С этим приходилось считаться. Назвался королем — следует, увы, терпеть кое-какие неудобства...

Сначала выразить свое почтение подходили послы иностранных государств. Потом наступал черед местной знати, и приходилось ждать, пока бесконечная череда графов, баронов и герцогов пройдет мимо короля и произнесет положенные приветствия, а их суверен должен был каждому в ответ сказать хотя бы пару слов, свидетельствующих о расположении к подданному.

Затем следовали представления вновь назначенных чиновников и раздача королевских наград тем, кто отличился в последнее время на ниве бескорыстного служения королевству.

Единственной отрадой для варвара служило то, что все решения по этим делам он давно уже перепоручил своему канцлеру, сам он занимал-

ся этим в исключительных случаях, как, например, это произошло с назначением на новый пост Бреганта. Правда, слетали придворные со своих постов чаще всего минуя волю Публия, однако происходило это не на дворцовых приемах, а в Малом зале, так что вызвавшие недовольство короля испытывали его гнев без большого стечения зрителей.

Гул голосов постепенно заполнял все пространство Главного тронного зала: прошедшие перед королевским тронном присоединялись к предыдущим и обменивались впечатлениями и новостями.

— Посмотри-ка на Этельстейна, — с ехидством в голосе заметил один из нобилей, — совсем нос повесил, а еще недавно ходил таким гордецом! Как же — считал уже себя входящим в ближайшее окружение короля!

— А что тут странного, любезнейший, — ответил его собеседник, седой человек с огромной золотой цепью на груди, — ведь он с был уверен, что место советника короля у него в кармане. А тут такая незадача: Его Величество обманул ожидания графа и предпочел поставить на эту должность своего человека... Скажу не для чужих ушей, мой друг: я его отлично понимаю!

— Говорят, Брегант старинный друг короля? Отчего тот предпочел его Этельстейну, граф вроде бы тоже не из последних?

— Совершенно верно: Его Величество участвовал вместе с генералом не в одной военной кампании. Ведь когда-то наш нынешний король был

простым следопытом и сражался с пиктами, когда те зашевелились у Громовой реки,— объяснил седовласый.— Бедняге Этельстейну есть с чего чувствовать себя обойденным.

— Зато взгляните на его красавицу падчерицу,— вступил в беседу подошедший к ним человек в бархатном черном камзоле с воротником из роскошных белоснежных кружев,— она вполне может составить партию королю, и тогда положение королевского тестя разве сравнится с местом советника? Вот тогда граф и поквитается с Брегантом!

— Ну, Самора,— усмехнувшись, махнул руками седовласый,— ты и скажешь! Но кое в чем ты прав: сейчас в Аквилонии все только и думают, что о наследнике! Нынешняя фаворитка Его Величества, как считают при дворе, не слишком-то годится на роль королевы Аквилонии, хотя поговаривают, что она происходит из древнего зингарского рода графов Корзеттских. Только где они теперь, эти Корзетты? Ты согласен со мной, Альвий?

— Трудно сказать,— осторожно ответил граф. — Насчет женщин,— он усмехнулся,— Самора великий знаток, ему виднее. Конечно, я сам предпочел бы видеть на престоле аквилонку. Только сомневаюсь, что Его Величество позаботится ознакомиться с нашим мнением на этот счет. Но если серьезно, то думаю, что из-за нового назначения советника при дворе могут возникнуть большие склоки. Этельстейн известен тем, что редко прощает такого рода обиды.

— Кому это он не простит? Королю, что ли? — усмехнулся Самора.

— Скорее всего, Бреганту,— ответил граф и, подумав, добавил: — Но и твое предположение нельзя сбросить со счетов. Ты же знаешь крутой нрав этой семейки. Вспомни хотя бы старого графа. Ты того же мнения, Тальпеус? — обратился он к седому.

Тот скривил рот в подобии улыбки и, склонившись к собеседникам, произнес:

— В любом случае мы не окажемся в проигрыше, кто бы из них не победил...— и все трое рассмеялись, однако, тихо — в соответствии с придворным этикетом.

Прием тем временем неумолимо катился к своей высшей точке: обеду и следовавшему за ним балу. Сам король предпочитал эту вторую часть торжественной первой, а что уж говорить о придворных, в особенности, о молодых людях, коих собралось здесь немало: привлекательных юных женщин и их кавалеров, одетых по последней аквилонской моде и выделявшихся своим видом и манерами среди пожилых аристократов.

Конану не очень-то нравилось, как стали нынче одеваться мужчины, и он частенько с усмешкой повторял, что сейчас не поймешь толком: мужчина перед тобой или женщина, до того разодеты и расфуфырены иные щеголи, но шутики шутками, а за молоденькими аристократками он наблюдал с явным удовольствием, то и дело обнаруживая среди них достаточно хорошеньких девиц. Собственно, что еще было делать королю,

не помирять же со скуки в моменты, когда веренице нобилей, казалось, конца не будет?

Что касается моды, тут киммериец был, несомненно, прав: аквилонские щеголи наряжались в яркие шелка и бархат и нацепляли на себе столько драгоценностей, что женщины, одетые преимущественно в модные ныне одежды черного цвета, совсем терялись на фоне своих кавалеров, расцвеченных, как павлины. Среди этой мишуры черные мундиры и алые плащи офицеров королевской гвардии смотрелись, на взгляд варвара, как вершина художественного вкуса. Хотя, как частенько признавался сам себе Конан, вряд ли он был большим знатоком по этой части, чтобы судить так строго.

«Уф! Последний, наконец,— вздохнул про себя варвар, отпустив пару вежливых комплиментов какому-то хлыщу в роскошном, лилового бархата камзоле,— теперь можно и в обеденный зал!»

Церемонимейстер взмахнул жезлом. Мгновенно наступила тишина, и глашатай пригласил присутствующих на обед к Его Величеству.

Нобили зашевелились и узкой лентой стали втягиваться в соседний зал, где уже был накрыт длинный стол, а расторопные лакеи в зеленых ливреях быстро и ловко сумели рассадить всю эту толпу на приготовленные для каждого места, согласно должности и положению при дворе.

Король вышел из Тронного зала через маленькую дверцу, почти неприметную за возвышением.

Глава четвертая

от он! — старший егерь указал рукой с зажатой в ней плеткой направо, туда, где редколесье заканчивалось, и густые кроны больших деревьев нависали над кустарником.

Конан повернул голову и тоже увидел оленя, в боку которого торчал обломок стрелы, посланной Тальпеусом. Киммериец, не раздумывая, направил коня в ту сторону, заранее вытаскивая из притороченной к седлу сумки короткий дротик: не в его правилах было оставлять бегать по лесу недобитую дичь.

Олень, увидев мчащегося всадника, сделал длинный прыжок вперед, видимо, намереваясь проскочить туда, где кустарник заканчивался, и среди огромных стволов было больше пространства. Король почти успел перерезать ему путь, но тут его конь оступися, и пущенный могучей рукой дротик вонзился в ствол дерева, лишь ободрав шкуру на спине оленя. Животное большими прыжками уходило в глубину леса.

— Проклятье! — взревел в досаде Конан. — Все равно не уйдешь!

Варвар прищипорил коня и на ходу, наклонившись, вырвал дротик из ствола.

— Давай вперед, мешок с травой! — гаркнул он.

Олень ускакал уже достаточно далеко, но среди стволов его светлая шкура была хорошо различима.

Киммериец в охотничьем азарте гнал коня вперед, не разбирая дороги; далеко позади остався и старший егерь, и остальные охотники. Через некоторое время деревья уступили место длинной поляне, уходившей вниз по косогору к темному хвойному лесу.

Еще издавлекa варвар увидел, что нижние ветви могучих елей почти касались земли, и понял, что олень вряд ли попытается проскочить сквозь них, а скорее всего помчится вдоль этой темно-зеленой стены, отыскивая проход. Он взял чуть влево и направил коня поперек склона, рассчитывая встретить добычу как раз на границе поляны и ельника. Так и получилось: всадник подскакал к обрывистому краю склона как раз в тот момент, когда преследуемая дичь прыжками передвигалась вдоль леса, на расстоянии не больше тридцати локтей от Конана.

Варвар резко дернул поводья и, приподнявшись в стремях, метнул дротик в оленя. Он успел увидеть, как оружие вонзается в бок животного, чуть ниже холки, и в тот же миг земля под ним дрогнула, и Конан вместе с конем

стремительно заскользил вниз по осыпавшемуся склону, прямо к подножию громадных, заслонивших небо елей. Не раз бывавший в таких переделках киммериец с ловкостью ящерицы успел вытащить ноги из стремян — и вовремя, потому что конь со всего маху врезался в два росших рядом ствола, и варвар, проскочивший между ними, полетел куда-то дальше вниз, сопровождаемый жалобным ржаньем своего скакуна.

За первым рядом деревьев склон был еще круче, и Конан летел вниз, одной рукой прикрывая глаза, а второй тщетно пытаясь ухватиться за какую-нибудь ветку, чтобы прекратить падение. Под конец он уже не скользил, а просто летел в воздухе — ему казалось, что в какую-то яму с гладкими стенками, но, к счастью, падение продолжалось недолго, и киммериец, ударившись о твердую почву, наконец ощутил себя в неподвижности.

Хорошо еще, что он, чувствуя как из-под него ускользает почва, успел сжаться в комок, и поэтому падение не было особенно болезненным. Конан отнял руку от лба и огляделся. Он лежал на земле, усыпанной пожелтевшими иголками, среди обступивших его деревьев и видел над собой совсем маленький овал голубого неба среди, казалось, заслонившей весь остальной мир зелени. Варвар проследил глазами оставленный им при падении след и присвистнул: высота склона была не менее пяти десятков локтей.

Человек, менее привыкший к подобным превратностям судьбы, мог запросто свернуть себе

шею или, по крайней мере, сломать одну из конечностей. Конан пошевелил руками и ногами: к счастью, все оказалось цело.

— Уберегли боги, ничего не скажешь! — проворчал киммериец и приподнялся на локте, а потом сел, потирая ушибленные места и осматривая одежду, которая из щеголеватого охотничьего наряда превратилась в жалкие лохмотья. — Эк меня изваляло, — хмыкнул он, пытаясь приладить почти оторванную полу камзола. — Однако это мелочи, в первую очередь надо разобраться, где это я очутился и почему рядом нет моих егерей.

Король встал на ноги и, сложив ладони у рта, привычно прокричал:

— Я здесь! Где вы, рога Нергала вам в глотку?!

Ответом ему было лишь гулкое эхо, и варвар понял, что его крики, пока он находится здесь, вряд ли достигают верхнего края высоченного склона.

— Чтоб вас всех... — выругался Конан и направился к стене леса, которая окаймляла края этого то ли оврага, то ли косогора. — Придется пробираться другой стороной.

Он еще раз посмотрел на крутую стену. Хотя ему приходилось преодолевать препятствия и покруче, но здесь ничего не выйдет, даже зацепиться не за что, только кустики чахлой травы на почти отвесном склоне. Киммериец начал продираться сквозь переплетения ветвей, но протиснувшись на десяток шагов, обнаружил, что сде-

лал ошибку — этот путь был почти непроходимым. Даже мечом не размахнуться, чтобы прорубить дорогу. Конан начал пятиться назад, чтобы начать крошить лесную стену прямо с поляны, но почувствовал, что ветви, будто щупальца, цепляются за его руки и остатки одежды. Он напряг свои могучие мускулы, но чем больше варвар прилагал усилий разорвать пленившие его путы, тем плотнее обвивались вокруг него растения, и скоро он оказался спеленут ими, словно младенец.

— Задница Нергала! — взревел киммериец, пытаясь последним усилием ослабить зеленую паутину, но его возглас потонул в шорохе ветвей, плотно облепивших лицо и почти закрывших рот, так что он с трудом мог дышать.

Еще мгновение, и Конан почувствовал, как щупальца плавно поднимают его и несут куда-то, все убыстряя и убыстряя свое движение. Варвар ничего не видел, но ощущал, как струи воздуха обвевают его тело.

Дышать стало легче, потом полет замедлился, и вот он уже стоял на ногах. Раздался легкий треск, и сковывавшие его сети ослабли и упали на землю. Он разлепил веки, и резкий свет ударил по глазам. Киммериец зажмурился и, склонив голову к земле, вновь открыл глаза.

Он увидел носки своих сапог на ровной поверхности, покрытой изумрудной травой, настолько ровной и плотной, что эта поросль больше напоминала ковер из его дворцового Зеленого зала. Свет вдруг ослаб, будто кто-то прикру-

тил фитиль у гигантской масляной лампы, и раздался густой голос, шедший словно из глубины колодца:

— Ну вот, наконец-то я смог познакомиться с этим знаменитым киммерийцем!

Король Аквилонии поднял голову: в десяти шагах от него струилась в воздухе, словно дым от костра, неясная, почти прозрачная фигура. Собственно говоря, тот клубок переплетенных зеленоватых сгустков, что он видел перед собой, нельзя было назвать фигурой: скорее, что-то похожее на растрепанную копну сена или снежный сугроб. Конан прищурился, стараясь разглядеть очертания возникшего перед ним призрака. Голос между тем продолжал:

— Ты, наверное, уже догадался, что не совсем случайно попал ко мне, и этот олень, за которым ты так рьяно охотился, и не дичь вовсе, а так, нечто вроде меня в данное мгновение: дым, мираж, а в конце концов — приманка для доверчивых.

— И что же тебе от меня надо, призрак? — спросил варвар, которому за свою жизнь пришлось встречаться и не с такими удивительными созданиями, поэтому он не испытывал особого, а лишь сожаление, что в очередной раз, по всей видимости, вляпался в какую-то историю с колдовством. Киммериец этого никогда не любил.

— Что ж, мне так и говорили, что ты человек решительный и прямой, — в голосе прозвучало нечто похожее на уважение. — Хочешь уз-

нать, что мне надо? Сейчас расскажу, дай только прийти в себя...

Прийти в себя — было делом в буквальном смысле слова: через некоторое время на глазах Конана из бесформенного сгустка материализовалось высокого роста существо, отдаленно напоминавшее свежеспиленный толстый пень, на котором начали отрастать новые побеги.

Этих побегов, похожих на щупальцы спрута, было несколько десятков, и они находились в непрерывном волнообразном движении, словно ветки под дуновением ветерка. Верхняя часть того, что можно было назвать туловищем создания, была шире основания и имела четыре глаза, которые уставились в киммерийца.

— Это одно из моих обличий, — произнесло существо, но варвар, мгновенно обежав его глазами, не увидел рта или чего-нибудь подобного, казалось, звук издает само тело этого монстра. — Я Лесной царь, — в голосе не было гордости или величия, и произнесено это было так, как сапожник сообщил бы о себе, что он починяет обувь.

— Так что же тебе надо от меня? — повторил свой вопрос киммериец. — Ведь не просто так, чтобы поговорить об охоте, ты заманил меня в эту яму?

— Оглянись! — ответил Лесной царь. — О какой яме ты говоришь?

Конан посмотрел по сторонам, чего ему почему-то не пришлось в голову сделать раньше, и действительно, обнаружил, что они находились на поверхности огромного шара, во всяком слу-

чае, поверхность в нескольких десятках шагов от варвара со всех сторон уходила куда-то вниз, и границ ее не было видно — их окружало только небо, бесконечное небо с заходящим на западе солнцем.

— Я поднял тебя над Руазельским лесом,— объяснил Лесной царь,— чтобы ты понял, как велико мое царство.

— Ничего я не вижу, кроме неба вокруг,— усмехнулся варвар.— Или ты хочешь сказать, что все леса под нашим небом — это твоя вотчина?

— Ты угадал,— произнес собеседник.— Все леса и здесь, и далеко на севере, и в жарких странах за Стигией — это мои владения.

— Тогда за каким демоном ты затащил к себе простого человека, если уж ты такой могущественный?

— Увы...— В голосе Лесного царя послышались нотки грусти.— Я господин над растущим в лесу, но все остальное мне неподвластно. Каменный великан грозитя извести Руазельский лес, и только ты в состоянии помочь мне.

— Что еще за Каменный великан и как он сможет сделать это? — недоверчиво поморщился киммериец.

— Ты видел огромные валуны в лесу?

— Ну и что с того?

— С каждым годом их становится все больше и больше, и скоро деревьям уже не будет хватать места,— ответил Лесной царь.

— Ха! Да пройдет не одна тысяча лет, пока твой Великан заполнит все камнями.

— Это для тебя тысяча лет что-то значит, а для меня она — всего лишь миг,— в голосе властелина лесов явно слышалось нетерпение.— Поэтому не спорь, а просто поверь мне на слово. Повторяю, из всех смертных только ты можешь мне помочь.

— Весьма польщен,— Конан поклонился, и на его губах заиграла легкая усмешка — видно, он все-таки никак не мог отказаться от желания поспорить с могущественным созданием.— Без всякого сомнения, готов согласиться, что Руазельский лес хорош. Я вот, например, люблю здесь охотиться. Но у тебя тысячи лесов, одним меньше, одним больше, какая для тебя разница?

— Очень даже большая,— ответил Лесной властелин.— Руазельский лес — это место, где я могу уходить в другой мир, чтобы общаться с богами. Смертному, как тебе, этого не понять, но другого такого места больше не существует.

— Так, значит, ты хочешь, чтобы я помог тебе победить этого каменного истукана? — спросил варвар. Задача, должно быть, не из простых! А если я откажусь?

— Ты этого не сделаешь,— спокойно произнес властелин лесов.

— Рога Нергала! — вскричал Конан.— Это еще почему? Я свободный человек, и...

— Ты ведь не хочешь окончить свои дни в виде кокона? Или желаешь последние мгновения своей жизни провести, задыхаясь в собственной блевотине и мечтая только о том, чтобы все это побыстрее закончилось?

— Пожалуй ты прав,— засмеялся варвар.— У меня нет иного выхода, как принять твое предложение.

— Мне нравится, что ты способен разумно оценить ситуацию, смертный,— произнес Лесной царь, однако в голосе его не слышалось похвалы, он оставался по-прежнему бесстрастным.

— Польщен,— коротко ответил киммериец.— Ну так давай, рассказывай, что я должен делать. Только даешь слово, что ты потом меня отпустишь?

— Разумеется,— ответил Лесной царь.— Зачем мне держать тебя после того, как ты выполнишь мое поручение... если, конечно, останешься в живых.

— Тогда не тни,— поторпил его Конан.— Мне нужно побыстрее вернуться, а то если задержусь надолго, могу и без трона остаться. Желających, знаешь ли, хоть отбавляй.

— Пусть тебя это не беспокоит,— ответил Лесной царь.— Свита и егеря будут блуждать по лесу, пока не встретят своего короля. А найдут они его, когда я позволю, если, как я уже говорил, будет кого искать.

— Да что ты все хоронишь меня? — рявкнул варвар.— Хочешь сказать, что у меня нет никаких надежды справиться с этим истуканом? Зачем тогда заманил меня сюда, поиздеваться?

— Надежда есть всегда,— спокойно ответил Лесной царь.— Только ты прежде посмотри на своего противника да подумай, как сможешь победить его.

— А тебе за твои тысячи лет жизни ничего путного не пришло в голову? — дерзко спросил киммериец.

— И не может придти,— был ответ.— Я не могу думать.

— А, пес с тобой,— Конану надоело препираться с этим пнем, как он непочтительно называл про себя столь могущественное создание.— Так покажи мне его, коли он такой страшный.

— Это несложно,— щупальца на теле Лесного царя вздыбились вверх, и в тот же миг картина вокруг зеленой поляны изменилась: показались скалистые берега какой-то реки, шум воды, бурно преодолевающей пороги, вонзился в уши.

— Похоже, это место мне знакомо! — стараясь перекрыть грохот водопада, заорал варвар.

— Не это важно,— голос Лесного царя звучал так громко, что запросто перекрывал шум реки.— Смотри!

То что увидел киммериец, вряд ли прибавило ему уверенности, что дело будет выполнено, а значит, и на возвращение в человеческий мир. В первый миг ему показалось, что огромная сосна, росшая у самой кромки воды, рухнула, подмытая потоком, но тут же он увидел, как гигантское создание размером с крепостную башню средней величины огромными ручищами схватило ствол дерева и, поднатужившись, вырвало его с корнем. Его движения не были быстрыми, но в громадных руках и коротких, как у медведя, ногах, чувствовалась всесокрушающая сила. Создание это в самом деле было из камня и, види-

мо, задумано его творцами по образу человека. Однако, как отметил про себя Конан, те каменотесы, что изготовили его, вряд ли были очень искусными: тело и голова существа были сработаны грубо, как будто мастерам не хватило времени или умения. Правая рука казалась тоньше левой, но гораздо длиннее, шеи почти не было видно, черты лица, если этот плоский камень можно было считать лицом, намечены лишь слегка, так что глаза выглядели, как две расщелины в скале, а вместо рта зияло что-то похожее на вход в пещеру. Однако рев, издаваемый монстром, был столь же силен, как грохот водопада.

— Ты что, с ума сошел? — закричал киммериец на Лесного царя. — Не в человеческих силах сладить с такой башней.

— Я не могу сойти с ума, — в громоподобном голосе не слышалось обиды, — у меня его нет. А вот у тебя есть, так что подумай, как победить моего врага.

— Ты можешь показать побольше местности, где орудует это чудовище? — спросил киммериец. — Сдается мне, что где-то здесь должен быть утес над берегом.

— Изволь, — ответил властелин леса, и в тот же момент плоскогорье с бушующим каменным великаном стало отодвигаться дальше и дальше, показался изгиб реки и высокая скала, нависающая над потоком.

— Вот что меня устроит! — воскликнул Конан, у которого уже начали появляться идеи, как попытаться одержать победу над этой двигаю-

щейся каменной башней. — А ты можешь найти кое-что из снаряжения?

— Скажи что надо: мечи, копья, алебарды — все это будет.

— Совсем не то, — засмеялся варвар. — Длинную и прочную веревку, лучше из конского волоса.

— Нет ничего проще, — отвечивал Лесной царь. — Сейчас вернемся к себе в Руазельский лес, и я предоставляю на выбор столько веревок, сколько тебе понадобится.

Действительно, властелин леса не солгал: когда киммериец вновь ощутил, что площадка под ним стоит неподвижно, то у ног его возникли несколько мотков прочной и не очень толстой бечевы. Варвар попробовал ее на разрыв и выбрал ту, что показалась ему наиболее крепкой.

— Теперь мне нужно очутится у того утеса! — потребовал киммериец.

— Хорошо, — голос собеседника звучал так же ровно, как и прежде, и невозможно было уловить в его интонации ни радости, ни одобрения. — Я оставляю тебя там, и когда ты исполнишь поручение, то перенесу обратно в Руазельский лес.

— И дай что-нибудь из провианта.

— Тебе это не понадобится, — ответил Лесной царь.

Он был прав. Киммериец не знал, сколько времени прошло с того момента, как он очутился в плену у этого пня, но странное дело, он совсем не чувствовал даже намека на голод или

жажду. Более подробно определить свои чувства он не успел, так как ощутил, что поднимается вверх, и все вокруг заволочло темной, почти непрозрачной дымкой. Через некоторое время тьма отступила, и он увидел себя на вершине того утеса, на который указал Лесному царю. Скала была плоской наверху и нависала над водой, подобно крыше. Конан огляделся, но никого вокруг не увидел.

«А не рвануть ли мне отсюда побыстрей? — пришла ему в голову шальная мысль. — Слава богам, эти места я знаю — верховья Хорота. Свяжу плот — и подальше от этого пня...»

— И запомни, — раздался знакомый голос откуда-то сверху, — когда выполнишь задание, сможешь вернуться к людям, но пока ты не только находишься в другом месте, но и время для тебя остановилось, ты не в состоянии сам выбраться отсюда. Даже и не пытайся.

«А пень-то знает свое дело, — подумал варвар. — Что ж, надо и мне знать свое... попробую, другого выхода у меня все равно нет».

Он разрезал часть мотка на длинные куски. Закрепив один из концов оставшейся веревки на вершине утеса, киммериец другим обмотал себя вокруг пояса и стал медленно спускаться со скалы, выискивая расселины в сером монолите.

Когда он находил их, то с помощью плоских камней, которые припрятал за пазухой, закреплял там концы отрезанных кусков, и мало-помалу вся нависающая над водой поверхность скалы оказалась опутана веревкой, словно паутиной.

Работа спорилась, потому что Конан был далеко не новичок в лазаньи по скалам. Еще в детстве он научился карабкаться по отвесным склонам не хуже ящерицы, цепляясь за каждый маломальски пригодный выступ или трещину.

Пару раз пришлось прерывать свое занятие и подниматься наверх, чтобы пополнить запас каменных обломков, но вскоре работа была окончена, и варвар в последний раз, как паук, проскользнул по веревочной сетке, оценивая результат. Оставшись довольным сделанным, киммериец выбрался наверх, оставил там один из концов своей паутины, и направился в ту сторону, где, по его расчетам, должен был находиться каменный великан. Идти пришлось довольно долго, тем более, что приходилось преодолевать каменные осыпи и вершины холмов.

«Далековато забрался, хватит ли сил добежать?» — с сомнением подумал Конан, но другого выхода у него, действительно, не было: задача состояла в том, чтобы заставить живого истука-на последовать за ним к скале.

Наконец вдали послышался рев каменного великана, и вскоре варвар увидел, как за небольшим холмом взметнулись вверх корни сосны: его противник без устали занимался своим делом — вырывал вековые деревья и швырял их в поток реки.

Киммериец замедлил шаги, потом пригнулся к земле и почти пополз вперед, а затем осторожно высунул голову из-за бугра. Великан бушевал в сорока-пятидесяти шагах от него на самом бе-

регу реки. Конан сполз чуть пониже и набрал в припасенный мешок изрядное количество обломков камня, после чего вернулся на прежнее место и снова выглянул — и тут же отпрянул: каменный великан, крутя башкой по сторонам, направлялся прямо на него. Варвар приподнялся и кинул первый камень. Бросал он всегда метко, не промахнулся и на этот раз: голыш попал прямо в то место великана, где у человека должна быть переносица, и высек искру при ударе. Истукан остановился и почесал себя между глазами, видимо, почувствовав удар камня. Киммериец тут же, один за другим, метнул еще несколько камней и спрятался за бугром.

Рев по ту сторону склона доказал, что варвар попал, куда метил, в глаз каменного великана. Конан осторожно высунул голову и увидел, что противник, остановился и озирается по сторонам, поворачиваясь всем телом.

— Эй! Ты, кусок окаменевшего дерьма! — выкрикнул Конан.

Чудовище медленно повернулось на крик, и варвар повторил предыдущую попытку с тем же результатом — камень вновь попал в расселину, наминающую глаз.

О-о-о-у! — раздался рев такой силы, что киммериец неожиданно для себя даже отпрянул. — А-а-а!

— Еще?! — выкрикнул Конан и швырнул в опустившегося на одно колено истукана еще парочку камней. — Выбью вот сейчас твои гляделки!

Только молниеносная реакция спасла варвара от возмездия, потому что великан выпрямился, держа в руках здоровенный обломок скалы величиной с повозку.

Движения истукана были медленными, но валун летел стремительно, и быстрые ноги едва успели унести варвара с места засады, как туда с грохотом ударилась глыба.

— А-а-а! — истошный рев великана потряс округу, и он медленно зашагал в сторону киммерийца.

Конан, оглядываясь назад, побежал по каменистым склонам. Великан с грохотом и ревом преследовал его, и хотя каждый шаг он делал медленно, но зато какие это были шаги: двадцать-тридцать локтей сразу! Временами гул шагов затихал, и это было самым опасным: вслед за тишиной в направлении киммерийца летел какой-нибудь огромный камень или целое дерево, и только ловкость спасала его от неминуемой смерти.

После этого преследование продолжалось. Между каменным великаном и Конаном все время оставалось несколько десятков шагов, и временами киммерийцу удавалось даже увеличить этот разрыв до сотни, но бесконечные прыжки в сторону и попытки увернуться от смертоносных снарядов, вновь сокращали расстояние между ними. Но вот наконец показалась каменная гряда, за которой виднелась плоская вершина утеса. Конан остановился и в свою очередь швырнул в великана парочку камней, правда, на этот раз без

особого успеха. Истукан остановился, выбирая, что бы запустить в ответ, и в это мгновение киммериец искусно метнул в него веревку с петлей на конце. Петля скользнула по каменной голове, и варвар, дернув конец, чтобы затянуть веревку на шее каменного великана, припустил что есть мочи к обрыву.

— А-а-а! — хотя Конан уже привык к преследующему его рыку, на этот раз рев казался особенно грозным.

Конан подбежал к краю, держа в одной руке конец своего аркана; пошарив глазами, он нашел конец веревки, что оставил, и, схватив ее, прыгнул вниз.

Он повис над грохочущим потоком и, качнувшись, уцепился за сплетенную им сеть.

Быстро перебирая руками, он постарался проскользнуть подальше от края утеса, под каменный навес.

И вовремя, потому что увидел, как огромная голова показалась из-за края скалы, высматривая киммерийца.

Уцепившись ногами за свою паутину, варвар что было сил дернул конец аркана, и его замысел сработал: истукан наклонился так низко, что даже легкого толчка хватило, чтобы он потерял равновесие и, увлекая за собой чуть не половину каменного навеса, рухнул вниз.

Конан, словно паук, повиснув на остатках сплетенной им сети, наблюдал, как это чудовищное порождение Сета с ревом и грохотом рухнуло на усыпанный крупными валунами берег ре-

ки и раскололось на части. Осколки брызнули во все стороны. С шумом разбрызгивая воду, огромная нога шлепнулась в поток, а потом, подпрыгивая на неровностях берега, туда же скатилась и голова.

Киммериец вздохнул и вытер пот со лба. Он почувствовал, как отпускает напряжение, в котором он находился все время преследования, когда, как заяц, петлял и увертывался от каменного истукана.

— Ты выполнил свою работу, — раздался знакомый густой голос. — И я отблагодарю тебя.

Варвар поднял голову, но тут же, помянув в очередной раз Нергала, опустил ее: над ним был только нависающий каменный карниз.

— Против тебя зреет заговор, — продолжал голос. — В награду за службу я дарю тебе медальон, который предупредит об опасности. Прощай.

В то же мгновение киммериец почувствовал прикосновение к груди; затем все вокруг заволкло черным туманом.

Когда дымка рассеялась, Конан вновь очутился на поляне во впадине, куда свалился, преследуя подраненного оленя.

— Его величество внизу! Здесь! — слышались голоса, и король Аквилонии, подняв голову к обрыву, увидел егерей и барона Самору, который радостно махал ему руками.

Бросили длинную веревку, и киммериец тотчас вскарабкался наверх.

— Мы чуть не потеряли своего короля, — возбужденно рассказывал Самора, держа под уздцы

оседланную лошадь.— Никто не мог угнаться за тобой. А олень хорош, очень хорош, ничего не скажешь!

Варвар повернулся на кивок барона и увидел тушу оленя, в которой торчал его дротик и обломок стрелы.

«Я что, действительно свалился вниз? — подумал он.— Что-то не припомню... И еще пень какой-то мерещится, будто бы он разговаривал со мной... ходячая каменная статуя... демоны меня возьми, что за бред!»

Король вскочил на коня и поехал вместе с бароном впереди егерей.

Самора оживленно обсуждал перипетии погоны за дичью, а киммерийца не покидала мысль, будто он позабыл что-то очень важное.

— ...Я услышал треск ветвей и поскакал сюда... говорю ему: вот след, где пролетел конь короля, а этот болван не видит... ха-ха-ха,— заливался хохотом любитель скачек и охоты.— Пить надо меньше, тогда и зрение будет хорошим... ха-ха!

«Он прав,— рассеянно кивая барону, думал киммериец.— Выпил с утра два кувшина, вот и мерещатся говорящие пни...»

Однако вечером, когда вернулись с охоты, Конан обнаружил на своей груди узенькую цепочку с прикрепленным к ней медальоном из какого-то непонятного материала.

— Копыта Нергала! — выругался варвар, разглядывая непонятно откуда взявшуюся вещицу. — Чье же это? У меня такой побрякушки никог-

да не было И как она очутилась у меня в кармане?

Он поискал глазами какую-нибудь шкатулку, чтобы сунуть туда ненужную вещицу, но вдруг явственно услышал низкий голос, шедший непонятно откуда:

— Надень на шею и не снимай по крайней мере в ближайшие полгода. Если поблизости окажется человек, который будет представлять для тебя опасность, медальон даст знать. Это моя благодарность за работу.

— Так, дожили, уже демоны каркают у меня в голове! — недоуменно огляделся киммериец.— Это что же, старческое слабоумие подходит?

— С тобой все в порядке,— голос в его мозгу звучал ровно и глуховато, словно издали.— Просто я стер из твоей памяти кое-что произошедшее сегодня днем... или вчера... или тысячу лет назад... понимай, как хочешь. Ты сделал для нас очень много, но я не могу сохранить тебе память об этом. Такова воля богов, покорись ей, и сделай так, как я сказал.

— Ух! — Конан почесал в затылке.— А что же было сегодня днем, кроме падения в эту проклятую яму, конечно? Не могу вспомнить... или, как сказал этот голос, может, и вспоминать-то нечего. Ну и пес с ним! И если уж ему так надо, надену эту его побрякушку...

Он надел цепочку на шею и, скосив глаза, защелкнул замочек.

— Изящная вещица,— усмехнулся киммериец.— если так пойдет и дальше, стану похож на

своих подданных. Еще бы пару перстеньков нацепить, и... — он не договорил и рассмеялся. — Пора и к Белезе заглянуть. Скучает, наверное, малышка, два дня не виделись.

Глава пятая

В эти осенние дни подданные короля Аквилонии с нетерпением ожидали, когда же барон Самора пригласит гостей на праздник, который он ежегодно устраивал в своем поместье. Молодые люди горели желанием померяться силами на рыцарском турнире, в скачках на резвых лошадях и многих других соревнованиях, девушки и женщины — продемонстрировать свои новые наряды и повеселиться на балу, знатные представители старинных родов — встретиться в непринужденной обстановке в гостеприимном замке барона, обменяться новостями, вспомнить былые подвиги и показать в обществе своих подросших наследников — в общем, вся аквилонская знать ждала этого приема и готовилась к нему загодя.

Молодой офицер Альгимант тоже мечтал о том, что победой на турнире сможет заслужить огонек признания в глазах капризной красавицы Мелиссы, которая хотя и не без благосклонности

относилась к его попыткам сблизиться с ней, но, тем не менее, не оставляла без внимания и желание других молодых людей склонить ее симпатии в их сторону. Это сильно огорчало сына Бреганта. С тех пор, как его отец перешел на службу в столицу, заняв место советника самого короля, и мог непосредственно следить за успехами сына, Альгимант еще усерднее занимался фехтованием и другими видами единоборств — неудача на турнире стала бы теперь для него непоправимо тяжелым ударом.

У молодого человека имелись все основания рассчитывать на победу, хотя сильных противников в королевстве было достаточно: во-первых, с самого детства отец учил его обращению со всеми видами оружия, а во-вторых, Альгимант обладал высоким ростом и недюжинной силой и ловкостью — некоторые даже сравнивали его с самим королем, хотя, конечно, это было преувеличением — равных Конану сыскать было невозможно.

Самым сильным и опасным противником Альгиманта считался Тасвел, по иронии судьбы, тоже сын советника короля и, что было самым главным, также претендент на руку падчерицы графа Этельстейна. Однако здесь Тасвел обладал несомненным преимуществом перед сыном Бреганта — он происходил из благородной баронской семьи. Хотя при новом короле Аквилонии титулы и происхождение не значили столько, сколь в прежние времена, все-таки к благородным нобиллям всегда было другое отношение, и

семьи, приглядывая пару для своих детей, не обходили вниманием родовитость соискателей.

— Не стоит горевать об этом, — заметил отец, когда Альгимант как-то посетовал на незнатность их происхождения, — если тебе привелось родиться не под графским знаменем, такова воля богов. А честным и храбрым они помогут достичь своей цели. Вот, посмотри на меня, например. Кем был твой дед? Простым краснодеревщиком, мебель прекрасную делал, — Брегант говорил таким тоном, что было ясно: он уважает родителя, мастера своего ремесла, — а я вот командую тысячей солдат. Всего добился сам... с божьей помощью, конечно, — добавил он, подумав.

Действительно, Брегант постепенно, шаг за шагом поднимался все выше и выше, пока не стал полководцем при новом короле, а теперь еще и советником. Конечно, его продвигали по службе не за один высокий рост и умение ловко проткнуть противника копьем. Храбрые и умелые воины, да еще с головой на плечах ценились всегда и при любых правителях, которые вели войны, а не просто проводили свою жизнь в роскоши и развлечениях. Особенно быстро поднялся Брегант в те времена, когда королем Аквилонии стал Конан, и немудрено, потому что вряд ли во всей Хайбории можно было бы сыскать человека, лучше киммерийца разбирающегося в военном деле и в людях, с кем ему приходилось вместе отражать нападение врагов.

— А если эти продажные аристократишки начнут слишком уж задирать нос, — добавил в том

разговоре отец,— у нас всегда найдется для них остро отточенный клинок. И тогда они увидят, что важнее: происхождение или острый глаз и твердая рука.

Альгимант слушал отца, и хотя безмерно уважал его и гордился им, никак не мог взять в толк: каким же образом меч может помочь ему завоевать сердце Мелиссы, а тем более благосклонность ее отца — заносчивого графа Этельстейна.

Мудрые слова старого солдата не могли помочь в том положении, в котором оказался его сын. Тасвел все же сын барона, и только если он превзойдет его во всем, в чем есть возможность посостязаться, у него может появиться хоть какая-то надежда, а иначе... О таком исходе Альгимант не хотел даже и думать и поэтому все свободное от дворцовых обязанностей время проводил в занятиях с лучшими мастерами военного дела, каких только мог отыскать в столице.

* * *

— Чем ты сможешь меня порадовать? — Холодные глаза Готлебиса уставились в лицо собеседника.

Грузное тело ближайшего подручного принца Тараска еле помещалось в старинном широком кресле, и он напоминал раскормленного борова, разомлевшего от обильной еды и собирающегося сладко вздремнуть до следующего утра. Но так мог подумать только не знавший этого мастера кровавых интриг и заговоров. Люди, близко зна-

комые с Готлебисом, старались лишний раз не вызывать его недовольства: под маской утомленного и вроде бы малоподвижного старца таилось столько злобной мстительности, что горе тому, кто осмелился бы перейти ему дорогу.

— Ну так что? Ты выполнил задание? — почти неслышно переспросил Готлебис.

— Не полностью... — ответил Фрей и вытер пот, внезапно выступивший у него на лбу.

— И ты считаешь, я могу быть удовлетворен таким ответом? — Готлебис сложил губы в подобие улыбки, и от этой гримасы Фрей почувствовал, что его колени предательски задрожали.

— Ни к одному из аристократов даже подойти невозможно. Конечно, не всем нравится киммериец, но сейчас, после победоносной войны против Кофа и Офира, никто не решится открыто выступить против него...

— Это мне и без тебя известно, — желчно перебил его тайный советник, — но я также прекрасно знаю, что если есть король, то всегда найдутся и недовольные им. А если имеются недовольные, то среди них можно сыскать такого, кто сможет оказаться нам полезным. Именно это тебе и поручалось. И ты еще осмеливаешься нагло отвечать мне: «Не полностью»? Так что же ты все-таки сделал, никчемная бездарь?

— Я... я перекупил несколько возов леса и прикинулся лесорубом с севера, чтобы прощупать кое-кого из купцов...

— Да ты, я вижу, не просто шпион, а крупный мастер подковерных интриг, — зло прищу-

рился Готлебис.— Не мог придумать чего-нибудь попроще, или тратить деньги из немедийской казны доставляет тебе особое удовольствие?

Нечто похожее на смех вырвалось из жирной глотки тайного советника, и от этого дребезжащего звука у бедняги Фрей мороз прошел по коже.

— Я подумал, что среди купцов... если не получается с нобиями...— дрожащим голосом начал шпион.

— Подумал? — перебил его Готлебис.— Я разве разрешил тебе еще и мозгами шевелить? Да есть ли они у тебя, пропойца ничтожный? Не припомню, чтобы эти мастера облапошить ближнего входили, когда им захочется, в королевский дворец. Ты что это, мерзавец, голову мне взялся морочить?

— Что ты, что ты?! — скороговоркой зачастил Фрей.— Я ведь отыскал в конце концов не простого купца. Он поставщик двора короля и часто там бывает...

— Ну и что с того? — перебил его тайный советник.— Мало ли кто попадает во дворец... молочник, например. Только я сомневаюсь, чтобы этот крестьянин сам наливал королю свое молоко. Да, теперь я убедился, что ты провалил мое поручение... Мне стоило поручить столь ответственное задание кому-нибудь другому.— Холодные глаза советника двумя отравленными лезвиями вонзились в шпиона.

Фрей похолодел: он слишком хорошо знал, что может последовать за такими словами.

— Господин мой,— залепетал шпион,— ты не должен во мне сомневаться. Я через десять дней вернусь в Тарантию, и все будет сделано в лучшем виде. Этот купчишка у меня на крючке...— почти застонал он.

— Если вернешься...— процедил Готлебис и отвернулся к окну.— И умолкни, нечего скулить. Мне нужно подумать.

Фрей застыл, боясь сделать лишнее движение или даже вздохнуть поглубже, чтобы не вызвать новую вспышку гнева своего повелителя. Однако, как всегда бывает в таких случаях, в носу у бедолаги предательски зачесалось, и сколько он ни сдерживал себя, напрягая челюсти и чуть не приседая от натуги, внезапно тишину потряс оглушительный чих, и Готлебис, склонивший голову на согнутую руку, наверное, подпрыгнул бы на месте, если б смог:

— Ты, охвостье Нергала! — побагровев, взвизгнул он на сжавшегося от ужаса в комочек Фрея.— Мало того, что дела толком не сделал, так еще и думать мешаешь, чихаешь тут, как простуженный баран!

— Ба-ба-ба,— губы незадачливого шпиона задрожали, и звуки, которые он попытался издать, действительно походили на блеяние. В этот несчастный для себя момент бедняга Фрей совсем не напоминал уверенного в себе и бывалого человека, каким показался совсем недавно тарантийскому купцу Баргишу.

— Уймись, наконец! — рывкнул тайный советник.— Вот к какому решению я пришел...

Шпион вытянулся в струнку, и его глаза преданно усталились на Готлебиса.

— Ты ничего лишнего не наболтал этому купцу? Что ты вообще ему сказал? Вспомни слово в слово...

Фрей передал советнику весь разговор с Баргишем.

— Ну что ж, неплохо,— похвалил его Готлебис.— Удивительно, но остатки мозгов ты еще пропить не успел... Насчет потомка Эпимитриуса это ты хорошо ввернул. Так вот, теперь ты поступишь следующим образом...

Готлебис долго и нудно вдавливал в голову своему шпиону, что и как ему следует совершить в Тарантии, чтобы добиться успеха. Фрей, невероятно довольный, что все, вроде бы обошлось, слушал его внимательно и все время кивал головой, пока тайный советник вдруг не прикрикнул:

— Да что ты, как дятел, трясешься, стой смирно! Повтори, что я сказал!

Шпиону — наверное, от страха — удалось в точности повторить наставления хозяина, и Готлебис остался им доволен:

— Если ничего не напутаеть, можешь считать, что вышел сухим из воды. Тогда я забуду все твои предыдущие огрехи. Надеюсь, ты также не забудешь,— тайный советник многозначительно поднял вверх указательный палец,— имя человека, к которому тебе следует обратиться, если сам с чем-нибудь справиться будешь не в состоянии. Запомни: Асгенор. Скажешь, что послан

его племянником. Ну, ступай,— сказал он, сопроводив свои слова тяжелым вздохом.

Со стороны могло показаться, что Готлебис разговаривает со своим подчиненным почти по-отечески. Однако, все портил холодный взгляд, под которым Фрей чувствовал себя не лучше кролика, застывшего в страхе перед разверстой пастью удава.

— Иди, что застыл, как истукан? — повторил тайный советник.— Время ждать не будет.

* * *

Граф Этельстейн раздраженно теребил пальцами бахрому узорчатой бархатной скатерти. Он все еще не мог смириться с позором, который пережил, когда на место советника короля, которое он привык уже считать своей собственностью, назначили другого человека.

Конечно, потомку старинного графского рода необязательно состоять на придворной службе. До недавнего времени граф хотел выдать свою падчерицу замуж за варвара, узурпировавшего — по мнению потомка старинного рода — королевский трон, и тогда все было бы отлично. Кто посмел бы сравниться с тестем правителя Аквилонии? Тот вроде бы обратил на девушку внимание, но из этого так ничего и не вышло. Ведь этому олуху из непонятно где даже находящейся Киммерии все равно, кто перед ним: нобиль или простой солдат,— сделал же он своим советником, например, этого Бреганта! — а красавиц и без Мелиссы при дворе немало.

Да еще эта оборванка Белеза, фаворитка варвара: вообще, непонятно, кто она и откуда. Это еще надо доказать, что ее дядя якобы был графом Корзетты... Король вроде бы пока не собирается узаконить свои с ней отношения, но ведь он может сделать это в любой момент! Разве может королевская семья такой страны, как Аквилония, сплошь состоять из неизвестно какого племени людей? Если уж погрязший в пороках и пропивший последний ум король Нумедидес не смог удержать свой трон, и на престоле воцарился варвар-киммериец, то хотя бы в наследнике престола должна течь кровь аквилонского нобиля! Нет! Так больше продолжаться не может. С ним пора покончить, иначе пропадет благородная Аквилония! Граф в бешенстве скомкал край скатерти:

— Нергалово семя! Только с соломенной подстилки поднялся, на тебе, уже и король. И таких же неотесанных в советники тащит.— Этельстейн стукнул кулаком по столу.— И еще сынок этого Бреганта позволяет себе ухаживать за Мелиссой! О, времена! Ну, что тебе?

Последнее относилось уже к слуге, вошедшему в зал и почтительно ожидавшему у порога, когда на него обратит внимание хозяин.

— Пришел господин Гаримет.

— Зови,— граф поднялся с кресла, одернув камзол и поправляя перевязь.

Дверь вновь отворилась, и в зале появился дворецкий короля, вечно занятый и озабоченный Гаримет.

— Прости, дорогой друг...— начал он вместо приветствия, но граф недовольно оборвал его:

— Друг? Когда новому королю понадобился смысленный дворецкий, то кто умолял меня, чтобы я назвал его имя? А когда теперь надо было замолвить за меня словечко перед королем, то у тебя язык отсох, что ли? Или ты теперь в такую силу вошел, что мы уже тебе и не ровня? Плевать можно на графов и баронов, сами с золотыми цепями на шее! А?

— Да подожди же, Этельстейн,— протянул руки ладонями вперед Гаримет, словно отталкивая прозвучавшие в его адрес обидные слова.— Никто ничего не забыл, и я всегда стараюсь выполнить твои просьбы, но ты же знаешь нашего короля. Никогда нельзя предсказать, что он предпримет в следующий момент. Я прекрасно знаю, что ты был не прочь занять место советника, и видят боги, всегда поминал о тебе Публию. И он, как мне казалось, уже готов был назначить новым советником именно тебя. Но ведь все произошло совершенно неожиданно: выходит король после утренней трапезы, и на тебе — Бреганта в советники, а беднягу Гарраха — в три шеи! Ну, Гаррах-то давно уже трясся мелкой дрожью, ожидая отставки, но откуда взялся этот вояка — ума не приложу! Теперь говорят: старый приятель Конана, воевали вместе... Если бы я заранее знал...

— Оно, конечно, так — с варварами никогда ничего не поймешь,— махнул рукой граф, немного успокаиваясь.— Посадили нам его на шею... то

есть сам сел... законного монарха своими руками задушил... И ничто его не берет — Арпелло вон совсем недолго продержался на троне. Непонятно только: за что на нас боги прогневались? Ну да ладно! Выкладывай, с чем пришел?

— Слышал я на днях одну прелюбопытную вещь...— усаживаясь в кресло и напуская значительный вид, начал Гаримет.

— И о чем же? — граф весь напрягся, вглядываясь в глаза дворецкого.

— Новость исключительной важности,— как будто не заметив волнения собеседника, ехидно улыбаясь, продолжал Гаримет.

— Да не таяни ты, рога Нергала тебе в печенку! — окончательно потерял терпение Этельштейн.

— Я же говорю: исключительной важности. И хотелось бы знать, что я за нее получу?

— Тебе мало сделанного для тебя? Ах ты, Сетово отродье!

— Ну, как знаешь,— развел руками пройдохадворецкий.— Только не думай, что я у короля на службе в золоте купаюсь. В любой момент, между прочим, могут дать пинка под зад, вот как бедолаге Гарраху. И с чем я тогда останусь? Сам знаешь: времена тяжелые и непредсказуемые. Вот есть у меня знакомец один, тоже на неплохой должности состоял при дворе, так у того ума хватило самому попроситься со службы долой. Конечно, когда сколотил себе кое-какое состояние. Сказал, что захворал тяжело, и все такое прочее. И поступил, как выяснилось, очень пре-

дусмотрительно. Власть поменялась, и где теперь кое-кто из бывших королевских слуг, а то и приближенных? — засмеялся дворецкий.— Один на веревке болтался пять дней, пока вороны не склевали, второй...

— Ты что, издеваешься надо мной, бездельник? Зачем рассказываешь мне эти дурацкие сказки?

— А чего это ты так разволновался? — не смутившись, продолжал гнуть свое Гаримет.— Ты и при том короле граф, и при этом, а я кто? Вот Баргиш, например, торгует лучиной для растопки и вполне доволен жизнью...

— Какой еще лучиной? — окончательно разозлившись, зарывал руками Этельштейн.— Что ты мне голову морочишь?

— Да шучу, шучу,— захихикал дворецкий.— Баргиш — крупный торговец лесом. Между прочим, поставляет товар и во дворец...

— Конечно же, не без твоего участия! — сердито оборвал его граф.

— А как же? — самодовольно развел руками Гаримет.— Надо же и мне откусить от жирного пирога! Вот и от тебя кое-что перепадает бедному королевскому слуге. Редко, правда...

— Да хватит тебе причитать! — рассвирепел граф.— Надоел уже, и без тебя тошно! Можешь идти и продавать свою новость кому-нибудь другому!

— Стал бы я выслушивать, как ты меня обругиваешь кем ни попадя, если бы нашелся другой покупатель,— издав вздох сожаления, поту-

пил глаза дворецкий. — Нет, эта новость может оказаться весьма ползеной как раз тебе.

— Мне? — Этельстейн почувствовал, как у него на лбу внезапно выступила испарина. — Речь идет о какой-то опасности?

«Не иначе, кто-то проникнул о нашем заговоре!» — по спине графа пробежала струйка холодного пота.

— Может быть, да, а может быть, и нет, — загадочно произнес Гаримет и с безразличным видом отвернулся к окну.

— Не рви душу, охвостье Нергала! Будешь, наконец, говорить, в чем дело?!

— Ты ругаешься, совсем как Его Величество, — упрекнул его дворецкий, почувствовав себя хозяином положения, — а ведь, казалось бы, из благородных.

— Долго еще будешь надо мной издеваться?! — Этельстейн был готов разорвать наглеца на части. — Говори свою цену!

— Думаю, что... — Гаримет неспешно поднял глаза к потолку. — Красивая у тебя роспись, — мечтательно произнес он.

— Говори! — почти застонал граф.

— Думаю, двести золотых будет достаточно.

— Двести золотых? — нахмурился Этельстейн, почувствовав внезапную сухость во рту. — Я не ослышался? — спросил он холодным тоном.

«Если новость этого мерзавца стоит таких денег, то не идет ли речь о моей голове?» — подумал он, с ненавистью глядя на пройдоху-дворецкого.

— И то лишь потому, что я многим тебе обязан, — кивнув головой, многозначительно добавил Гаримет.

— Хорошо, — хрипло согласился граф. — Я дам тебе двести золотых.

— Ну так давай, — протянул руку дворецкий.

Этельстейн с трясущимися от бешенства руками подошел к стоящему на открытой полке шкафа ларцу и торопливо вставил ключ в скважину. Как всегда бывает в таких случаях, механизм заело, и он, вспотев, долго вертел ключом, пока проклятый замок наконец не открылся.

— На! — тяжелый кожаный мешочек пролетел полкомнаты и брякнулся на стол. — И говори!

Гаримет взвесил мешок на ладони и, аккуратно завернув его в шелковую тряпицу, спрятал в карман камзола:

— Вчера король принимал одного молодого человека, — начал он, и Этельстейн с тоской вздохнул, чувствуя, что до интересующего его вопроса речь дойдет еще не скоро. — Удивительно здоровый парень, я в своей жизни такого огромного не видел — ну, не считая Его Величества, конечно. Он даже крупнее ухажера твоей Мелиссы...

— Я должен слушать про какого-то там здоровяка, да кроме того еще и про этого выскочку Альгиманта? — чуть не взвыл Этельстейн, потеряв всякое терпение. — Он имеет отношение к делу? Я уже догадываюсь, что ты от удивления стал подслушивать под дверь...

— А как же,— наслаждаясь своей нынешней властью над графом, сладко пропел Гаримет,— ведь именно он и сообщил ту важную новость...

— Я тебе дал денег столько, сколько ты спросил?

— Верно, дал,— кивнул дворецкий.

— Так сообщи мне, наконец, свою сверхважную новость, и покончим с этим!

— Хорошо, хорошо,— с неудовольствием пожал плечами Гаримет,— если тебе неинтересны подробности, я расскажу только о самом важном.

— Вот именно, говори о главном.

— Этот юноша сообщил королю, что против него существует заговор, идущий из Немедии, и якобы какой-то шпион имеет перстень, который может угрожать его величеству.

«Уф,— с облегчением вздохнул Этельстейн.— Похоже, пронесло! Но каков подлец,— с холодной яростью подумал он о своем госте,— ведь он же чуть не открыто издевался надо мной... Подожди, недоносок, придет время, я с тобой за это рассчитаюсь. Но сведения действительно важные, теперь нам нельзя терять времени — а то, не успеешь оглянуться, как нас и впрямь опередят немедийцы!»

— Да что ты говоришь? — с деланным разочарованием протянул Этельстейн.— И это вся твоя новость?

— А ты мозгами пошевели, граф! — вдруг рассердился Гаримет.— Если хорошенько подумать, так эта новость стоит гораздо больше того, что я от тебя получил.

Этельстейн с изумлением взглянул на дворецкого, нечасто позволяющего себе подобные дерзости, и опустил голову.

«Неспроста распустил хвост этот подлец,— скрипнул он зубами.— Нет, тянуть дольше нельзя! Погоди, недолго тебе осталось прыгать, дрянь. Однако сейчас придется быть с ним любезным, чтобы ни о чем не догадался...»

— Ты прав, тысячу раз прав! — радостно воскликнул граф.— Как же я сразу не догадался! Разумеется, столь важные новости можно использовать с немалой для себя пользой. Во-первых, я могу подарить кому-нибудь похожий перстень,— он загнул палец, и его лицо снова перекосилось от ненависти.— Да,— Этельстейн вдруг с беспокойством взглянул на Гаримета,— но как же должен выглядеть этот перстень?

— Я могу вспомнить...

— Ладно, ладно, заплачу еще,— махнул рукой граф, возбужденный открывшимися перед ним возможностями.— Во-вторых, я могу не мешать немедийским собакам, но быть наготове, чтобы сливки им не достались...— он вдруг замолчал, поняв, что наговорил лишнего, и с опаской покосился на дворецкого.

— Да меня это не касается,— усмехнулся тот,— у вас, нобилей, свои дела, а у нас, простых людей, свои... За то, чтобы я вспомнил, как выглядит перстень, еще пятьдесят.

— Так и быть,— буркнул Этельстейн, занятый своими мыслями.— Эй, там! — закричал он, призывая слуг.— Вина принесите!

Когда слуга разлил вино по кубкам, граф приятельски похлопал Гаримета по плечу:

— Все-таки не зря тебя устроили к королю! Такие мудрецы не должны пропадать в неизвестности!

— Угу,— не стал спорить Гаримет.— Теперь остается похлопотать о каком-нибудь титуле.

— Помогу и в этом, о чем речи! — горячо пообещал Этельстейн.— Сам попрошу короля, думаю, и другие нобили посодействуют...

Глава шестая

ы, как я вижу, человек разумный и понятливый,— опрокидывая в себя кубок с вином, произнес Фрей.

— Не жалею,— осторожно отзывался Баргиш.

— Тогда у меня есть к тебе одно выгодное предложение.

«Интересно, куда это он хочет меня втянуть. Я, пожалуй, не ошибся в прошлый раз, почував в нем что-то странное. Наверняка северянин не тот, за кого себя выдает. Вряд ли лесоруб, как я сперва решил, скорее — перекупщик. Но с этим-то все понятно, только почему он продает так дешево? Может быть, лес краденый? — с тревогой думал Баргиш, поглядывая на собеседника, который, как и в прошлый раз, прихлебывал его дорогое вино, словно простую воду.— Только, собственно, мне-то какое дело, откуда у него лес. Купил, да продал с выгодой — вот моя работа».

— Это я всегда готов обсудить,— закивал он.— Если дельце выгодное, то кто ж откажется?

— Я имею в виду не совсем то, о чем ты мог бы подумать,— усмехнулся Фрей.— Помнишь, ты обратил внимание на мой перстень?

— Как не помнить? — с живостью откликнулся Баргиш.— Дорогая вещь, я бы от такой не отказался.

— Так вот, случилась беда,— доверительно глядя на купца, произнес Фрей.— Дело в том, что этот перстень не простой, а магический...

— Что ты говоришь? — изумился Баргиш.— В самом деле?

— Да,— кивнул его собеседник.— Он охраняет того, кто его носит, от всяческих неудач...

— Вот это да! Так значит, он заколдованный?

— Нет! — покачал головой Фрей.— К этой вещи не прикасался ни один колдун. Я же говорил тебе, что это перстень самого святого Эпимитриуса. Но в последние годы он стал почему-то терять свою силу. Мой брат свел меня с монахом из горного монастыря, и тот объяснил, что кто-то из моих предков прогневал богов, и поэтому магия кольца уменьшается, а вскорости может и вообще исчезнуть.

— Жаль,— вздохнул Баргиш.— И ничего нельзя с этим сделать?

— В том то и дело, что можно,— Фрей пристально поглядел на собеседника, и в его глазах явственно читалась мольба о помощи.

— Так в чем же дело? — поинтересовался купец.— Наверное, надо совершить путешествие куда-нибудь в лапы к самому Сету? Тогда я тебе не помощник: годы уже не те, но пожить мне

еще хочется, да я, признаться, и в молодости-то не слишком увлекался подобными приключениями. Да и вообще, дело мое, сам понимаешь, долгих отсуствий не любит.

— Все гораздо проще,— ответил северянин.— Ты говорил мне, что вхож во дворец, верно?

— Не раз там бывал, и не только по делу. Король Конан не делает большого различия между нобиями и такими людьми, как я. Несколько раз бывал и на приемах!

Здесь Баргиш, конечно, прихвастнул, вернее, слегка опередил события. Обычно списком приглашенных занимались службы канцлера и дворецкий, и Баргиш еще не успел найти подхода ни к людям Публия, ни к мздолюбивому Гаримету, однако не терял надежды, что рано или поздно добьется успеха и в этом деле.

— И рядом с самим королем стоять доводилось?

— Вы живете в глуши и не знакомы со столичными порядками,— важно отвечивал Баргиш.— Приглашенные на прием представляются королю, и его величество беседует с каждым.

— Вот это да! — Фрей с уважением поглядел на купца.— Конечно, нам не сравниться с вами. Столица, что тут скажешь! И ты даже прикасался к этому достойнейшему человеку? — Баргишу показалось, что в глазах его собеседника даже блеснули слезы.

— Темнота! — снисходительно протянул он.— Когда кланяешься королю, то прикасаешься к его колену. Так здесь принято!

— Вот это-то и является самым важным! — вскричал Фрей. — Обещай, что сделаешь, как я попрошу.

— Как я могу обещать, если не знаю в чем дело, — надул щеки Баргиш. — Но ты скажи, а я обдумаю твоё предложение.

— Тот человек из горной обители сказал, что если прикоснуться рукой с надетым на нее перстнем к королевской особе, кольцо вновь возвратит свою первоначальную силу. И я умоляю тебя сделать это.

— Хм! — пробормотал озадаченный купец. — Это все так неожиданно... Мне надо подумать...

— Я заплачу тебе, сколько попросишь, — горячо перебил его Фрей. — Но все дело в том, пригласят ли тебя еще раз к королю!

— Ну, это пусть тебя не заботит, — небрежно бросил Баргиш, про себя подумав: «Уж если сойдемся в цене, я сумею расстараться!»

— Значит, договорились? — северянин с надеждой смотрел на купца.

«Сделка, похоже, должна оказаться выгодной, этот парень явно готов на что угодно, — лихорадочно обдумывал меж тем сложившееся положение Баргиш. — Родственник святого Эпимитриуса, скажите... Может быть, да, а может, и нет вовсе... Решено: беру кольцо, сделаю, что он просит... Кстати, а не сдать ли лучше этого лесоруба в руки тайной службе? Гаримет это устроит в один момент, да еще отблагодарит, возможно, за радение... Был Фрей, и нет его, — купец осторожно взглянул на собеседника. — А если этот пер-

стень и не магический, все равно превосходной работы вещь, и древняя — я же вижу...»

— Хорошему человеку грех не помочь, — Баргиш почесал переносицу, изображая сомнения. — Но ты не боишься, что я подменю кольцо, и сам воспользуюсь его силой?

— Нет, не боюсь, — усмехнулся Фрей. — Во-первых, я разбираюсь в людях и понял, что ты человек честный, а во-вторых, кольцо теряет свою силу, если находится в чужих руках. Только мы, потомки святого Эпимитриуса, можем использовать его. И в-третьих, — северянин снял перстень и протянул его купцу. — я сомневаюсь, чтобы кто-то мог сделать подобный.

«Да оно еще лучше, чем я думал, — Баргиш надел кольцо на средний палец и повертел кистью, любуясь игрой света в крупном, с ноготь величиной, камне. — Даже если не заколдованный, все равно стоит бешеных денег. Любой нобиль за него ухватится, такого и у самого короля нет. Впрочем, этот варвар не большой любитель украшений, да и не о нем думать надо».

— Я согласен, — кивнул он головой. — Только не обещаю, что выполню твою просьбу прямо завтра. Приемы у короля не каждый день бывают, да и потом я слышал, что весь двор отбывает на праздник к барону Саморе.

— Я ждал долго, — ответил Фрей, — подожду и еще. — Только я еще не упомянул про одно условие: перед тем, как прикоснуться к его величеству, ты должен произнести про себя заклинание.

— Заклинание? — явно засомневался Баргиш.

— Да ничего особенного, — успокоил его северянин. — Скажешь вот, — он вытащил из кармана клочок пергамента, и шевеля губами прочел, что там написано. — «Чья сила, того и действие», вот это и скажешь.

— Ну да, конечно, — важно согласился купец, — при серьезном деле так и должно быть. А ты что по бумажке читаешь, не можешь запомнить такое простое заклинание?

— Много дел нынче, да и память начала слабеть, — пожаловался Фрей. — А заклинание надо произнести слово в слово, иначе ничего не получится.

— Что ж, бывает, — усмехнулся Баргиш. — Я-то эти слова запомню, слава богам, ум еще не отшибло. Но дней десять тебе придется подождать.

— Я так тебе благодарен! — красноносый северянин молитвенно сложил руки на груди. — Пяти сотен будет достаточно за твои труды?

— Пятьсот золотых? — купца аж бросило в жар, и если бы он не сидел на мягком диване, а стоял, то непременно рухнул бы на пол от неожиданности. — Но... но... ведь перстень не стоит больше полусотни... может быть, сотни монет!

— Конечно, — согласился Фрей. — Если бы это было простое, хотя и очень старинное кольцо. Но я же говорил, что камень в нем — магический. Необходимо возвратить его силу, и для нас, потомков святого Эпимитриуса, цена значения не имеет. Мы люди не бедные! И потом, я же тебе его не на продажу даю...

«Да уж вижу, — купец даже вспотел от такой приятной неожиданности. — Пятьсот монет... это сколько же я должен продать товара, чтобы вышла такая прибыль? — у Баргиша от предвкушения огромного барыша даже слегка закружилась голова. — И делать, в общем-то, ничего не надо. Гаримет устроит на прием, и полтысячи золотых мои. Конечно, придется еще сунуть в лапу этому проходимцу, но надеюсь, на десяти-пятнадцати монетах сторгуемся. Говорят, он обычно берет примерно столько. Правда, последнее время ходят слухи, что он сильно заважничал, но за хорошие деньги сделает все».

— Приезжай через десять дней, к этому времени я все устрою, — пообещал он, — для хорошего человека чего не сделаешь.

— До встречи, — гость поднялся с дивана, собираясь уходить. — Ты не представляешь, как вся моя родня будет тебе благодарна, — произнес Фрей, и глаза его вновь увлажнились. — Ты наш спаситель!

«А на это мне наплевать, — подумал, прощаясь с северянином, Баргиш. — Пятьсот золотых... да какая благодарность может сравниться с полтысячей монет!»

* * *

Наконец, долгожданный день наступил. Еще со вчерашнего дня десятки щегольских повозок в сопровождении верховых заполнили дорогу, выходящую по холмам над живописным берегом Хорота. Стояла глубокая осень, и в прозрачном

воздухе кружились опадающие листья, их золотисто-багровый ковер устилал спускающиеся к дороге склоны, совершенно закрыв еще зеленую траву и мелкие каменные осыпи. Впечатление было такое, будто чудесный мастер соткал это разноцветное пышное одеяло и укрыл им землю до наступления холодов.

— Видишь? — обратился Брегант к сыну, указывая рукой на выступающие над лесом темно-серые верхушки башен, почти сливавшиеся с цветом блеклого осеннего неба. — Замок Саморы. Еще немного, и он покажется целиком. Уже недалеко.

Отец с сыном следовали верхом сразу же за королевским экипажем, в котором, впрочем, ехала только Белеза: король на огромном вороном жеребце скакал рядом, иногда наклоняясь к окошечку кареты, чтобы перекинутся парой слов со своей фавориткой.

Чуть позади Конана держался Паллантид, командир королевской охраны, а его солдаты цепочкой растянулись с двух сторон кортежа Его Величества. Их алые плащи, скрепленные на левом плече брошью в виде дракона, развевались от быстрой скачки, и гвардейцы были похожи на огромных птиц, закрывающих своими крыльями вереницу экипажей и всадников. За Паллантидом следовали советники, затем карета тучного Публия, который не слишком любил верховые прогулки, а за ними — бесчисленные повозки дворцовой челяди и приближенных к королю нобилей.

Альгимант время от времени отставал от отца и подъезжал к карете, в которой ехала красавица Мелисса.

Он терпеливо гарцевал около экипажа, ожидая, пока откроется занавеска и девушка выглянет наружу. Не один он пытался привлечь ее внимание: немало молодых людей кружило около экипажа падчерицы графа Этельстейна. Временами Альгиманту везло, и девушка удостоивала его улыбки и нескольких коротких фраз, но чаще она специально выглядывала с другой стороны, где в это время, как назло, оказывался Тасвел или еще кто-нибудь из претендентов на ее руку.

— Ты говоришь, что без меня жить не можешь? — капризно надув хорошенькие губки, спросила в один из счастливых для молодого офицера моментов Мелисса, прекрасно зная, какой получит ответ.

— Да, это так, — весь светясь счастьем, что она, наконец, обратила на него внимание, отвечал Альгимант.

— Ну что ж, посмотрим, — засмеялась красавица, — все вы часто так говорите, чтобы завоевать расположение бедных девушек, а когда доходит до серьезного разговора, так никого рядом и не оказывается.

— Как же никого? — отвечал Альгимант почти с обидой. — Ты разве не замечаешь, сколько вокруг тебя вьется кавалеров?

— Ну и что с того? — кокетливо взмахнула ручкой Мелисса. — Всех привлекает лишь то, что

я падчерица графа Этельстейна — и ничего больше.

— Помилосердствуй! Как ты можешь так говорить? Мне совершенно наплевать на то, из какой ты семьи,— горячо воскликнул Альгимант,— даже если бы ты была простой крестьянкой, неужели ты думаешь, я бы стал относиться к тебе хуже?

— Крестьянкой? — в глазах девушки мелькнул огонек презрения.— Как ты можешь даже подумать о таком? Я — и крестьянка? Фи! Вот сыну барона Патриана такая глупость вряд ли пришла бы в голову. Не так ли, мой друг? — обратилась она к подъехавшему к ее карете Тасвелу, чей темно-зеленый камзол Альгимант заметил еще издалека, но мог только скрипеть зубами в досаде от появления соперника.

— Ты совершенно права,— склоняясь в галантном поклоне, ответил Тасвел, с превосходством глядя на Альгиманта,— не все могут понять нас, аристократов. Многим это не дано от рождения, что тут поделаешь!

— Ты не на меня ли намекаешь? — вспыхнул молодой офицер.

— О боги! — ехидно улыбнулся соперник.— Тебя-то я и не заметил. Нет, нет, дорогой друг, речь, разумеется, не о тебе, а о простолюдинах, к которым ты, насколько мне известно, ведь не относишься?

— Мы завтра посмотрим, кто к кому относится,— сжав кулаки, пообещал Альгимант и, стегнув коня, поскакал вперед.

— Ха-ха-ха! — слышал он за спиной переливчатый смех Мелиссы.— До чего же вы все смешные, и всегда говорите одно и то же! Боги, как забавно...

Альгимант догнал отца и поехал рядом с весьма хмурым видом.

— Опять пытался любезничать со своей подругой? — сочувственно поинтересовался Брегант.— И снова она тебя отшила? — Старый солдат и выражался частенько по-солдатски.

— Да... — с неохотой сознался Альгимант.

— Бросил бы ты это занятие,— мягко сказал отец.— Вряд ли эта девушка будет тебе хорошей парой. Мы же простые люди, а она из графской семьи...

— Но король благоволит к тебе,— вспыхнул молодой офицер,— неужели он не может сделать своего советника графом или...

— Или герцогом? — перебил его с усмешкой Брегант.— Не в моих правилах выпрашивать себе титулы, сынок. Да и, честно говоря, не больно мне они и нужны. Успокойся и думай о другом: самое главное для тебя сейчас — победить на турнире. Может, тогда и твоя красавица сменит гнев на милость. Не буду врать, что мне будет по сердцу такая невестка, но что уж с тобой поделаешь, я же вижу, как ты сходишь по ней с ума... Кстати, мы почти доехали,— меняя тему разговора, кивнул он вперед.

Действительно, дорога сделала резкий поворот вправо, поднимаясь еще чуть выше на склон холма, и за поворотом открылся вид на величе-

ственный замок и раскинувшееся перед ним поле. Разноцветные флаги над длинным деревянным помостом, сооруженным для размещения благородных зрителей, слегка покачивались от ленивого течения почти неподвижного осеннего воздуха.

Поодаль виднелось множество шатров и палаток: гостей было столько, что все не могли разместиться в покоях баронского жилища, и для людей попроще, а также слуг нобилей было устроено нечто вроде походного лагеря.

Увидев приближающийся королевский кортеж, стражники отворили ворота, и сам хозяин, барон Самора, предупрежденный слугами, выехал встречать своего повелителя. Его гнедой жеребец, управляемый опытной рукой, взвился на дыбы, как бы приветствуя приближающийся кортеж. Черные Драконы расступились, и королевская карета со скачущим рядом киммерийцем без помех покатила вперед к подъемному мосту, перекинутому через ров, окружающий высокие старые стены. Взревели трубы, и над высокой башней, венчающей въезд в замок, заплескалось полотнище королевского флага. Караван так растянулся, что когда Конан и его ближайшие сановники уже находились у замковых ворот, последние повозки еще только показались из-за окаймляющих поле деревьев.

— Привет тебе, благородный хозяин! — отвечая на поклон Саморы, прокричал Конан. — Наверное, найдется чем удивить гостей и на этот раз?

— Непременно, — довольно улыбаясь ответил барон. — Ждем только тебя, мой король, а чудеса уже готовы!

Варвар не напрасно задал такой вопрос, Самора слыл мастером на всяческие неожиданности, и гостям, ежегодно собирающимся на его праздники, всегда находилось чем позабавиться: то он вдруг устраивал гонки на верблюдах и ради этого специально привозил откуда-нибудь из Заморы или Турана как животных, так и ездоков, то для удовольствия благородных зрителей собирал целую толпу всяческих уродов или потчевал гостей неизвестными большинству яствами, доставленными чуть ли не из Кхитая — поэтому все с таким нетерпением ожидали дня открытия, когда барон доводил до всеобщего сведения свой очередной сюрприз.

— Все готово! — барон указал рукой на помост. — Но, может быть, ты желаешь сперва отдохнуть с дороги?

— Да ты за кого меня принимаешь? — расхохотался киммериец, спрыгивая с коня. — Неужели я похож на изнеженную барышню или на этого разряженного павлина? — он кивком головы указал на выбирающегося из кареты Публия, одетого по последней моде и увешанного множеством украшений — молодая канцлерша весьма ревностно относилась к тому, чтобы ее упитанный коротышка-супруг выглядел не хуже придворных щеголей. — Что-то ты бледен, дорогой, — участливо обратился он к канцлеру, — не укачал, случаем, в дороге? Смотри, береги себя, ты

мне нужен, да и не только мне: Аквилония без тебя не обойдется! Давай, веди! — последнее относилось уже к барону, который спешил и почтительно ожидал королевских приказаний.

Самора махнул рукой, и вновь зазвенели трубы. По их сигналу из замковых ворот медленно двинулась разряженная толпа нобилей и членов их семейств — тех, кто прибыл сюда отдельно от королевского кортежа. Многие были из дальних аквилонских земель, и встреча с королем была для них не менее долгожданным зрелищем, чем лицезрение уродов или еще каких-нибудь диковин, устраивать которые был большой мастак хозяин замка.

Правда, многие из них видели киммерийца не так уж и давно: не прошло и полугода, как они участвовали в боях с офирцами и кофийцами, и Конан, обладавший хорошей памятью, узнавал и окликал по именам приветствовавших его храбрых воинов. Вышедшие из дворца и приехавшие вместе с королем нобили постепенно заполнили все пространство между крепостным рвом и помостом, разместившись полумесяцем и выжидательно посматривая на варвара и хозяина замка.

— Смотри, Самора! — похлопал киммериец барона по плечу. — Все уже жаждалось нас. Приступим, пожалуй!

Король вместе с хозяином двинулись к помосту, а за ними, соблюдая определенное для каждого место в свите, потянулись остальные гости. Нобили оживленно, приветствовали друг друга, окликали знакомых, обменивались мнениями о

том, будет ли нынешний праздник интереснее предыдущего, так что гомон над полем стоял изрядный.

Постепенно все приглашенные расселись на длинных скамьях, установленных на помосте, и шум слегка утих. Конан сидел на возвышении в центре, на походном королевском троне, принесенном слугами под руководством расторопного Гаримета

— Ну, так чем ты нас порадуешь? — повернувшись к Саморе, кивнул варвар на полукруглую решетку, разместившуюся вплотную к помосту прямо по центру. — Схваткой гладиаторов? Или, может быть, поединком амазонок? Скажу тебе, на это стоит поглядеть! Одна такая в свое время чуть не отхватила мне кинжалом то, без чего мужчина уже и не совсем может так называться... в общем, сам понимаешь! — захохотал киммериец. — Не всякий рыцарь мог бы с ней сладить... а бились мы вот в такой же железной корзине, — Конан указал вниз.

— На этот раз, мой господин, такой опасности для тебя не предвидится, — на лету подхватил шутку барон. — Однако зрелище будет, надеюсь, не хуже! — Самора засмеялся вслед за сидящими рядом с королем, а потом дал знак начинать.

— Что? О чем они говорят? — спрашивали те, кто находился чуть поодаль от трона.

Им объясняли, они передавали содержание шуток своим соседям, и волны смеха катились вдоль помоста, правда, те, кто находился дальше всех и до кого произнесенное варваром дошло

уже в сильно искаженном пересказе, поняли лишь то, что есть какие-то странные женщины, у которых снизу все устроено, как у мужчин, и его величество нарезал в свое время этого добра целую корзину. Это было не так уж смешно, но все равно вызывало взрывы хохота, потому что смех и веселье — вещь заразная, а что служило его причиной, не так уж и важно.

По знаку барона, открылась дверца под помостом, и на посыпанную песком полукруглую арену выскочил огромный тигр. По рядам зрителей, многие из которых впервые видели такого зверя живьем, прошел легкий шум. Хищник лениво посмотрел на притихших людей и, оскалив пасть, прошелся пару раз вдоль решетки, потом улегся прямо напротив короля, время от времени постукивая длинным хвостом о землю.

— О-о-о! — раздался возглас сотен глоток, потому что вслед за полосатым хищником на арену выскочил лев и грозно зарычал на тигра.

Тот приподнялся было на передних лапах, но отвернул морду в сторону и только глухо проворчал в ответ, что было встречено громом аплодисментов и криками собравшихся: как никак лев был символом аквилонского королевства. Большинство из гостей впервые видели и этого зверя, и даже киммериец, склонившись к уху Саморы, сказал:

— Ну, барон, удивил так удивил! Я видел как-то подобное чудище, но был тогда, можно считать, чуть ли не в гостях у самого Сета. Неужели он из...

— Точно, мой повелитель, — даже не дослушав, радостно потер ладони хозяин замка. — Этого красавца доставили прямо из Стигии.

Последние слова Саморы заглушил ропот зрителей: на арену, переваливаясь, вышел медведь. Зверь, конечно, всем знакомый и, можно сказать, почти свой, но такого огромного владыку северных лесов вряд ли приводилось видеть кому-либо из присутствующих.

Медведь, между тем, медленно поднялся на задние лапы, и оскалившиеся было громадные кошки сразу как-то присмирели и остались на своих местах, настороженно глядя на нового пришельца.

Медведь не стал продвигаться вперед и улегся у самого входа, так что три зверя расположились почти по кругу, не спуская глаз друг с друга. Толпа зрителей гудела в ожидании того, что последует дальше.

— Как считает его величество, — повернулся к Конану барон, — я думаю, крупнее этого мишки и быть не может?

— Да-а-а, — услышал позади себя варвар голос графа Просперо, элегантно, щегольски одетого вельможи из Пуантена. Невзирая на свой несколько легкомысленный вид, Просперо, давний соратник киммерийца, командовал армией Аквилонии и не единожды показал себя талантливым полководцем. При недавнем разгроме объединенных армий Офира и Кофа пуантенец собственноручно зарубил офирского монарха Амальруса. — Пожалуй, Самора прав. Уж сколько я на медве-

дей охотился, но такого громадного припомнить не могу.

— А вот мне, друг Просперо, привелось как-то столкнуться и с более крупной бестией! — заметил, повернувшись к нему, киммериец. — И, скажу тебе, та зверюга была раза в два побольше этой. Я человек не слишком пугливый, но поверь мне, мороз тогда по коже прошел. Правда, потом выяснилось, что это был не простой медведь, а призрак коварно убитого своим братом Хельсингерского герцога Гюнньюльфа... — Конан, внезапно посерьезнев, замолчал, и Самора, уже порывавшийся было вставить словечко, действительно затих.

«Что-то в последнее время я стал часто возвращаться мыслями к Хельсингеру... — думал меж тем варвар. — Я ведь, наверное, специально старался не вспоминать Хайделинду — они с Эрлендом по-настоящему любили друг друга, и, не сомневаюсь, счастливы и поныне... И все-таки, — легкая улыбка тронула губы короля, — в ту ночь в затерянной среди леса ложине мы были вместе... и юная герцогиня, как мне показалось, осталась вполне довольна. Какая она была красавица! Высокая, гибкая, с густыми светло-пепельными волосами, огромные фиалковые глаза... Одна из самых красивых женщин, которые мне встречались... Хотя, — усмехнулся про себя киммериец, — все они были самыми лучшими — каждая в свой час. И какова шельма — я ведь тогда не хотел ее трогать, Эрленд все-таки был моим другом, а она сама... — он полузакрыв гла-

за и снова на мгновение пережил прекрасное, уже почти забытое ощущение прикосновения к гладкой коже прелестной немедийки. — Понравился я ей... или просто девчонке стало любопытно... Кто знает! Вот уж действительно: до конца этих женщин понять невозможно...»

Как бы подтверждая мысль короля о женском сумасбродстве и непредсказуемости, в толпе придворных послышался легкий вскрик, и собравшиеся зрители увидели, как случайно оброненная кем-то черная женская перчатка мягко шлепнулась в песок, как раз посреди трех хищников. Вслед за этим в наступившей тишине послышался звонкий девичий голос:

— Ведь ты говорил, Альгимант, что на все готов ради меня! Достань мне перчатку, и я смогу поверить твоим словам!

— Изволь! — раздалось в ответ, и в то же мгновение на арену спрыгнул высокий молодой мужчина.

Все оцепенели, над ареной повисла мертвая тишина. Звери, заметив вторжение на уже поделенную ими территорию, глухо заворчали, но никто из них пока не двинулся с места.

Альгимант, а это был он, смело прошел по центру песчаного круга и, наклонившись, поднял перчатку. Положив руку на рукоять кинжала и наблюдая краем глаза за поведением зверей, он сделал несколько шагов к помосту и остановился: все увидели, что у юноши нет возможности выбраться обратно, даже если звери, набросившись, не разорвут его на части.

Край помоста находился довольно высоко, но Альгимант мог бы взобраться по переплетениям решетки, однако там, где она примыкала к возвышению для зрителей, с одной стороны лежал тигр, а с другой — медведь. Собравшиеся зрители затаили дыхание: гибель молодого офицера казалась неминуемой.

— Держи! — Конан быстрее всех сориентировался в ситуации и, сделав два стремительных шага к краю помоста, сорвал с себя и протянул вниз свой пояс.

Альгиманта не пришлось уговаривать дважды: он метнулся вперед и цепко ухватился за свисающий конец ремня. Помогая себе носками сапог, он в два счета, очутился наверху.

Общий вздох облегчения был такой силы, что заглушил даже чей-то истерический вскрик. После мгновения тишины все дружно захлопали в ладоши, приветствуя храбреца и спасшего ему жизнь короля Аквилонии.

— А ты смелый парень,— похлопал юношу по плечу варвар.— В отца, наверное...

Альгимант, бледный, как полотно, повернулся, даже не поблагодарив короля, и подошел к сидевшей в нескольких шагах Мелиссе.

Учтиво поклонившись девушке, он протянул ей перчатку и произнес:

— В награде не нуждаюсь.

Голос его звучал глухо, но в мертвой тишине, по-прежнему царившей вокруг, слова были слышаны всеми. Молодой офицер резко повернулся и пошел прочь. Зрители, еще до конца не при-

шедшие в себя после столь взволновавшего их происшествия, расступались, давая ему дорогу. Мелисса, сдавленно вскрикнув, рухнула на руки подхватившего ее графа Этельстейна. Во всеобщей сумятице, возникшей за этим, никто и не заметил, как звери, подгоняемые крючьями служителей, убрались с арены.

Для нобилей увиденного было более чем достаточно. Зрелище, свидетелями которого они стали, затмило все, что мог бы предложить им хитроумный барон Самора.

— Твой сын показал себя во всей красе,— заметил Бреганту киммериец,— Далеко пойдет, можешь не сомневаться... Ему теперь и турнир не требуется, и так ясно, что сравниться с ним никто не может. То, что совершил твой парень, может быть, и нам с тобой не по плечу. Как считаешь, старый вояка?

— Может быть, ты и прав, но я считаю, что мой сын, хоть и наделен отвагой, страдает пока отсутствием разума,— поскреб подбородок советник.— Потерять голову от этой вертихвостки! Надо же что удумала, оторва: послать парня прямо в пасть к таким бестиям! Надеюсь, теперь-то он хоть поймет, что к чему. И ты, король, ведь не забудешь Альгиманта, если со мной что-нибудь произойдет?..

— Да ты что? — засмеялся Конан.— Помирать, никак собрался? Да мы с тобой еще повоюем! Уж чего-чего, а этого на наш с тобой век хватит, только поворачиваться успевай! А вот насчет сына ты, мне кажется, не совсем прав, старый

вояка. Повороши-ка в памяти, может, и вспомнишь что-нибудь подобное из своей молодости. Разве ты сам не совершал безрассудных поступков? Конечно, с годами набираешься того, что люди называют умом и опытом, но ведь что-то и теряешь, не так ли?

— Согласен,— вставил словечко Самора, до той поры почтительно слушавший разговор короля и советника,— теряешь иногда даже очень много. Вот я, к примеру, когда был помоложе, мог...

— Знаем, знаем,— захохотал варвар,— ты мог за одну ночь переспать с десятью женщинами! А сейчас набрался ума, и сила в голове оттягивает кровь из других мест? Я угадал? Или как?

— Ну, что-то в этом роде,— засмеялся ничуть не смутившийся барон.— Только я ведь не вру, спроси хоть у Тальпеуса!

— У Тальпеуса, говоришь? А где он? — оглянулся киммериец.

— Точно! — кивнул головой тот, кого искал король.— Сам видел!

— Видел? — изумился варвар.— Так ты что, смотрел и считал, что ли?

— Угу,— мрачно подтвердил барон Тальпеус.— Проиграл я тогда на этом деле седло иранистанской работы и еще сотню монет... Лучше бы не спорил, конечно, но как ты совершенно справедливо упомянул, мой король, мудрость приходит со временем.

— Ха-ха-ха! — захохотали окружавшие Кона придворные, и веселье вновь покатилося по

рядам, растекаясь кругами от королевского трона как рябь от брошенного в воду камня.

— Ну вот, видишь,— утирая слезы от смеха, толкнул в бок Бреганта варвар,— у твоего сына еще имеется возможность приобрести мудрость и благоразумие — и надеяться, конечно, не потерять что-нибудь важное! А пока он счастлив тем, что молод, и все у него впереди! Кстати, у меня в свое время было приключение почище того, о чем поведал благородный Самора.

— Не сомневаюсь,— усмехнулся Брегант, но на всякий случай спросил, как бы между прочим: — И сколько же их было, мой король?

— Двадцать три,— понизив голос, чтобы его слышал только собеседник, ответил киммериец, — двадцать три, я это точно запомнил! К тому же добавлю, что и надо мной сидел, как вон в свое время Тальпеус, один из слуг Бро Иутина и считал...

Однако голос у варвара был все-таки достаточно зычным, и его слова достигли не только ушей Бреганта.

— Бро Иутин, мой король, я не ослышался? — Конан оглянулся и встретился взглядом с графом Просперо.

— Точно он, как сейчас помню,— ответил варвар.— А ты что, слышал о нем?

— Не только слышал, но и знал хана кочевников с таким именем,— ответил пуантенец,— большой силы был человек! Его владения лежали в пустынных землях где-то на границе с Кофом. Забавный народ эти кочевники, они все там

помешались на разведении ослов. А наложниц у него было...— Просперо от восхищения даже цокнул языком,— тьма, не счесть. Так это, значит, о тебе, мой король, он специально составил письмо соседскому хану, у которого ты выиграл на спор какого-то особенно ценного осла?

— Угу,— усмехнулся Конан, в душе приятно польщенный тем, что подвиг мужской силы, совершенный им в молодости, не остался безвестным,— а письмо он написал для того, чтобы соседний степняк, я забыл уже сейчас его имя, поверил в то, что мне удалось совершить.

— Расскажи, расскажи, мой король,— наперебой раздались голоса вокруг короля, и варвару ничего не оставалось, как удовлетворить любопытство своих подданных.

А история состояла в том, что киммериец, которому в ту пору еще не исполнилось и двадцати, поспорил с ханом гизов, племени, что обитает в степях, где сходятся границы Заморы, Хаурана, Кофа и Турана. Может быть, выпил чуть лишку, или по горячности и молодости, но суть спора состояла в том, что Конан проберется в шатер хана хиршей Бро Иутина и переспит с его самой дорогой, только что купленной наложницей.

-- Я поставил на спор своего коня, серого в яблоках великолепного боевого жеребца туранской породы,— варвар прикрыл глаза, словно пытаясь вновь увидеть его, а слушатели с пониманием закивали: кто же не знает, что такое туранский конь!

— А этот сын шелудивой ослицы, хан гизов,— со смехом продолжал киммериец,— поставил на кон осла, причем я мог выбрать любого из его стада.

— Я слышал, что длинноухие упрямы из тех мест весьма высоко ценятся на всем востоке,— вставил словечко Тальпеус.

— Да,— кивнул Конан,— именно так. Бывает,— добавил он,— что платят за хорошего осла серебром по его весу!

Слушатели загалдели, обмениваясь впечатлениями об услышанном. Варвар сделал короткую паузу, наслаждаясь произведенным впечатлением, а затем продолжил:

— Теперь то я понимаю, что этот вероломный негодяй, скорее всего, просто хотел меня подставить: подъезжая к владениям хана хиршей, я встретил в степи несколько сотен воинов Бро Иутина, под конвоем которых мне и пришлось проследовать к его шатру.

— И что дальше? — Самора даже вытянул шею, настолько его захватила рассказываемая королем история.

— Да ничего особенного,— усмехнулся киммериец.— Этот, как только что упомянул Просперо, весьма достойный человек, в свою очередь, предложил мне небогатый выбор: или переспать с двадцатью его наложницами — причем за одну ночь, или же, в случае отказа, обещал закатать меня в сырые ослиные шкуры и выставить на солнце. До сих пор помню его слова: «Самое важное для тебя, сын мой, встретить утро в моем

шатре за чашей вина, а не на холмах, закатанным в сырые шкуры. Страшная смерть, клянусь милостью Митры! Солнце палит, шкуры сохнут, везде чешется, а не почесаться! Представляешь, сдохнуть, не почесавшись! Что может быть хуже!» Старый паршивец! — хохотнул варвар.

— И что же выбрал мой король? — слышался лукавый женский голос — ясно было, что дама нимало не сомневалась в ответе короля и с нетерпением ожидала продолжения столь занимательной истории.

— А! Госпожа Эриона! — чуть насмешливо поклонился Конан, отыскав глазами вопрошавшую прелестницу. — Далее, учитывая твоё благородное происхождение и нежность женских ушек, постараюсь обойтись без некоторых подробностей. В общем, смерть в ослиных шкурах, хвала Солнцеликому, меня миновала, и я пришел утром в шатер хана...

— А сколько же их было? — перебила короля другая слушательница. К этому моменту вокруг Конана уже успело собраться довольно большое общество, с огромным интересом внимавшее рассказу короля.

— Двадцать три, моя дорогая, — скромно ответил киммериец, и окружившие его люди разразились восторженными возгласами. — После этого старый шакал... то есть достойный хан хиршей написал письмо, скрепив его своими печатями, для той ослиной морды... вспомнил! — вдруг радостно воскликнул Конан, — имя ему было Сибарра Клам. Так вот, Бро Иутин послал со

мной письмо, подтверждавшее, что я выиграл спор, и кроме того...

— Кроме того? — замороженно глядя на рассказчика, повторил хор слушателей.

— Кроме того хан хиршей посоветовал взять в качестве награды хромоногого осла с белой отметиной и обещал мне за него серебра по его весу. Как ты и упомянул, почтенный Тальпеус, некоторые длинноухие ценятся в тех краях чрезвычайно высоко хорошо. Вот, собственно, и вся история.

Придворные загомонили, перебивая друг друга и посмеиваясь.

Рассказ короля произвел на них, по всей видимости, неизгладимое впечатление, мужская сила ценилась в эти времена, как впрочем, и всегда под небом Хайбории, ничуть не ниже, чем ослы ценных пород в степях на границе Кофа и Хаурана.

— А деньги тебе за того осла Бро Иутин отдал? — поинтересовался Публий.

— Ты все об одном! — усмехнулся Конан. — Может быть, и отдал, давно это все было, почитай, больше двух десятков лет назад, всего не упомянешь. Да, что-то я проголодался! Самора, — резко переменял тему разговора король, — ты, случаем, не собираешься попотчевать нас чем-нибудь, кроме зрелищ и историй, которые, кстати, приходится рассказывать мне?

— Обед ждет его величество, — коротко ответил барон Самора, слегка расстроившийся после рассказа киммерийца, ибо его собственные под-

виги вмиг померкли в сравнении с удивительной историей Конана.

Воспоминания киммерийца о Бро Иутине и его наложницах рассеяли тягостное впечатление, овладевшее было гостями после случая с перчаткой Мелиссы и последовавшими за этим событиями. Гости, оживленно обмениваясь впечатлениями, веселой толпой направились вслед за королем в залы, где уже были приготовлены пиршественные столы — повара барона Самора были большими мастерами своего дела.

* * *

Конан высказал мнение, что сыну Бреганта теперь можно и не соревноваться в турнирах, однако Альгимант с удвоенным усердием принимал участие во всех играх и упражнениях доблестных и благородных воинов.

Возможностей для молодых нобилей показать свою силу и удаль предоставилось немало, и зрители бурно приветствовали победителей. После каждого состязания король награждал выигравшего серебряной цепью с гербом Аквилонии, а, кроме того, героя ждали объятия и поцелуи первых красавиц, надевавших на шею отличившегося венок, сплетенный из гибких стеблей асфodelей.

Альгимант и Тасвел из всех сил старались не отстать друг от друга и к последнему дню праздника их достижения оказались равными: сын Патриана выиграл соревнования по стрельбе из лука и метанию дротика, быстрее всех взобрался

на высокий столб, врытый посреди поляны, зато Альгиманту не было равных в бросках копья и быстроте, с которой он срубил семь глиняных фигур, а также в разбивании деревянных щитов камнями из пращи.

Кое в каких состязаниях оба юноши не оказались в числе первых, к примеру, невысокий, но ладно скроенный Арвелег выиграл скачки на своем буланом жеребце, а сын одного из баронов откуда-то с севера Аквилонии поразил всех недюжинной силой, закатив большой каменный шар по наклонному помосту выше как Тасвела, так и сына Бреганта.

Оставалось последнее и самое главное состязание, прибереженное напоследок: поединки рыцарей, когда два участника, прищипорив коней, неслись навстречу друг другу, чтобы встретиться у столба, врытого посреди поляны.

Каждый имел при себе щит и толстое короткое копье с тупым наконечником, и победителем считался тот, кто сбросит противника на землю. Здесь обоим юношам, и Тасвелу, и Альгиманту не было равных, и под смех, восторженные крики и улюлюканье зрителей их противники, как горох, сыпались из седел. Альгиманту, правда, в одном из туров достался тот самый здоровяк, который отличился в игре с каменным шаром, но после второй попытки сын генерала и новоиспеченного королевского советника все-таки вышиб северянина из седла, да с такой силой, что удар от падения огромного тела образовал вмятину на вытоптанной траве поляны.

Итак, к середине дня все, утром мечтавшие выйти победителями, расстались со своими надеждами; вернее, все, кроме двоих. Зрители, заполнившие помост, затихли, в ожидании решающего сражения, которое должно определить, кто же из этих двоих станет героем турнира и сможет считаться лучшим молодым воином Аквилонии.

Большинство мужчин, собравшихся здесь, понимали толк в воинском искусстве и сами еще совсем недавно с оружием в руках отстаивали королевский престол в боях с войсками вероломно напавших на Аквилонию Амальруса и Страбонуса. Тасвел и Альгимант также отличились в тех боях, но одно дело, когда ты вместе со своими товарищами участвуешь в жаркой сече и нет времени считать, чей меч снес больше вражеских голов, и совсем другое, когда предстоит выяснить свое превосходство один на один с таким же сильным и умелым противником.

— Клянусь милостью Митры, они оба достойны быть первыми,— Конан был явно доволен праздником и турниром, за которым наблюдал с неослабевающим интересом.— Эх, жаль, что мы с тобой не можем показать им кое-что из того, на что способны,— хлопнул он по плечу своего давнего друга и соратника графа Троцера. В изящно завитых, черных, как вороново крыло, локонах пуантенца уже пробивалась седина, но было видно, что он по-прежнему силен и ловок.— Как думаешь, сумел бы ты противостоять этим молодцам?

— Трудно сказать,— граф Пуантенский залпом осушил свой кубок.— Оба парня, и в самом деле, хоть куда. Но ведь это вполне естественно! Если бы, не приведи Солнцеликий, наши дети не превосходили бы отцов, через некоторое время мы превратились бы в таких же кривоногих недоростков, как пикты.

— Ну, похоже, подобная напасть нам не грозит,— засмеялся киммериец.— За твое здоровье! — и он последовал примеру своего военачальника, опрокинув содержимое кубка в глотку.— Хорошее вино! — похвалил он напиток.— Ну, что ж,— кивнул он Саморе.— Начинайте!

Барон поднял правую руку, и по его сигналу чернокожая рабыня, одетая только в узкую, шириной с ладонь, юбочку и ожерелье из белых камней, подошла к висящему на краю помоста колоколу.

Звонкий гул пронесся по полю, и все зрители затихли, устремив взгляды на двух соперников, медленно начинавших двигаться навстречу друг другу. Через несколько мгновений они пустили коней в галоп, и из-под копыт скакунов полетели комья земли; легкое облачко пыли, точно шлейф, тянулось за каждым всадником. Перехватив копыта наперевес, они неумолимо сближались, и зрители напряженно ждали, когда произойдет неминуемое столкновение.

Трах! Копья ударили в щиты, но оба противника, ловко действуя последними, отвели прямой удар и, покачнувшись в седлах, все же удержались на конях, пролетев друг мимо друга.

Проскакав почти до конца поляны, Альгимант и Тасвел развернули коней и, вонзив в их бока шпоры, помчались вновь, чтобы обменяться новыми ударами. На этот раз сыну Бреганта чуть было не удалось осуществить задуманное, однако Тасвел, почти что выбитый из седла, каким-то чудом удержался на лошади, не уронив щита, и все еще крепко сжимал копьё в руке.

Третий заход чуть не стоил поражения уже Альгиманту, потому что сын Патриана в последний момент сумел отклониться от удара, а сам, направив свое копьё ниже щита соперника, ударил его в ногу. Это было запрещено правилами, но, видимо, Тасвел долго работал над этим движением: с помоста его хитрость была незаметна, потому что он в этот миг был закрыт от зрителей фигурой противника. Взгляд молодого нобилля словно пробуравил Альгиманта насквозь — столько в нем сквозило ненависти и злости.

Резкая боль на мгновение ослепила юношу, и он чуть было не потерял равновесие, но, просунув руку за ремень щита, успел ухватиться за луку седла — в противном случае он неминуемо слетел бы на землю. Не оглядываясь, сын Бреганта погнал коня к краю поля, пытаясь прийти в себя и, сжав зубы, превозмочь боль в ноге.

— Ну, что я говорил? — Киммериец победно взглянул на окружающих. — Эти парни достойны друг друга!

— Несомненно! — ответил Паллантид, не отрывавший глаз от ристалища. — Но мне кажется, Альгимант уже начинает сдавать.

— Никогда! — хрипло ответил Брегант. — Мой сын так просто не сдается.

— Посмотрим! — сидевший наподолеку отец Тасвела, смерил советника короля испепеляющим взглядом. — Я вижу, что мой сын должен победить!

Конан оглянулся на ревнивых отцов, и усмешка тронула его губы. Сколько раз варвар сам принимал участие в различных состязаниях, и иногда не только приз победителю, но и сама жизнь зависела от того, насколько ты окажешься быстрее, ловчее и сильнее противника. Но переживания отцов за своих сыновей также представлялись ему вполне понятными.

— Они равны, но воля богов выберет одного, и в этом не будет чьей-то вины, клянусь Митрой, — примирительно заметил он, обращаясь сразу к Бреганту и Патриану. — Давайте посмотрим, чем кончится дело!

Тем временем поединщики были уже в десятке шагов друг от друга. Их взгляды скрестились, и в глазах обоих горела яростная решимость стереть соперника с лица земли. На этот раз у Альгиманта все вышло превосходно, даже на мгновение отпустила боль в ноге, и он сумел-таки, отведя атаку Тасвела, напрягаясь изо всех сил, одновременно выставить свое копьё так, чтобы удар пришелся в самую середину щита.

Кони пронеслись друг мимо друга, но на одном уже не было седока. Сын Патриана все же вылетел из седла. Восторженный рев зрителей потряс округу. Самора дал знак, и обнаженная

рабыня несколько раз ударила в колокол, возвещая, что поединок закончен. Альгимант осадил коня и, развернув его, рысью погнал обратно, к тому месту, где лежал Тасвел. Удар был настолько силен, что молодой нобиль был не в состоянии сразу подняться.

— Держи! — Альгимант перегнулся в седле, протягивая руку Тасвелу.

— Сам поднимусь! — Неудачник отдернул руку в черной, расшитой золотом перчатке, и в глазах его Альгимант прочел смертельную ненависть. — Что ж, на этот раз тебе повезло, только не питай слишком больших надежд: первым ты будешь недолго! — услышал он злобный шепот сына Патриана.

Молодой нобиль, собрав все силы, поднялся на ноги и, не глядя на противника, направился к своему коню, который мелким галопом кружил неподалеку, тоже, наверное, с трудом приходя в себя после бурного поединка.

— Клянусь, я найду способ тебе отомстить! — бросил через плечо Тасвел, хватая коня за повод. — Мелисса никогда не будет твоей, жалкий простолюдин!

Альгимант вспыхнул, и в глазах его потемнело от гнева, но переполнявшее юношу чувство победы оказалось сильнее. Он до хруста в пальцах сжал поводья и только усмехнулся в ответ, ничего не ответив, а затем тронул бока коня шпорами и, не глядя на побежденного соперника, поскакал к помосту, откуда его приветствовал несмолкавший рев восторженной толпы.

Глава седьмая

ы воображаешь, видно, что я не дворецкий короля, а его советник, — подобрав губы в презрительной улыбке, сказал Гаримет. — Конечно, я в состоянии решать многие серьезные вопросы, но здесь бессилён даже я. Люди твоего положения настолько редко попадают на приемы, что это будет слишком заметно. А ты и так уже намозолил всем во дворце глаза своими кирпичами и известкой. И зачем тебе, скажи на милость, дался этот прием? Нет, нет, даже не думай просить! — он решительно повел рукой в знак отказа. — И денег твоих мне не надо.

— Но как же так? — растерянно развел руками Баргиш. — Совсем недавно ты говорил, что это для тебя проще простого, а теперь ничем не хочешь помочь!

— А вот так, — отрезал дворецкий. — Времена меняются, да и тебе свое место знать следует. Не вельможа, поди!

— Ну, хорошо,— купец умоляюще взглянул на собеседника.— Я заплачу тебе целых пятьдесят монет.

— Пятьдесят? — Гаримет оживился, даже приподнявшись на стуле.— Нет, пятидесяти мало. А сотню заплатишь?

«Наверное, ему очень надо попасть на прием,— подумал он, изучающе глядя на Баргиша.— Зачем это, хотелось бы знать?»

— Дам! — обреченно вздохнув, пообещал купец.

— Да я вижу, тебе прямо загорелось! — усмехнулся дворецкий.— А полторы сотни?

«Чтоб тебя демоны унесли на Серые Равнины! Надо же быть таким ненасытным... И как у этого мерзавца руки не отсохнут?. Но у меня все-таки останется три с половиной, даже если придется отдать такую непомерную сумму»,— лихо-радочно соображал купец, и, преодолевая природную бережливость, он кивнул головой:

— Дам и полторы сотни, только учти — это последняя цена, больше не прибавляю ни монетки!

— Ах, вот как? — нахмурился Гаримет.— Что-то мне твое поведение не нравится,— он пристально посмотрел на Баргиша.— Давай выкладывай, что за этим стоит, или я, клянусь Белом, никогда больше не стану тебе помогать. Да из поставщиков двора вымарая! Кто тебя знает, может быть, ты хочешь причинить какой-то вред его величеству? Ну, признавайся! — почти выкрикнул он, напуская на себя грозный вид.

— Тихо, тихо! — в ужасе замахал руками купец.— Ты что такое говоришь?

— А то,— почувствовав испуг купца, отчеканил дворецкий.— Придется тебе все рассказать, иначе, клянусь Солнцеликим, я донесу на тебя господину Паллантиду! Уж он-то не будет разговаривать с тобой так снисходительно, как я!

— Да ты что! — вскричал Баргиш, наконец, поняв, что сам себя загнал в страшную ловушку.— Ты же давно меня знаешь, и я...

— Времена меняются, а уж люди — тем более,— мрачно повторил свою излюбленную сентенцию Гаримет.— Так будешь признаваться, или предпочитаешь, чтобы я немедленно кликнул стражников?

— О-о-о! — застонал несчастный купец, почувствовав, как холодный пот выступил на спине и противной тонкой струйкой побежал вниз между лопаток.— Старый я дурак, и угораздило же меня к тебе обратиться...

Однако жалобные причитания помогали мало, дворецкий был совершенно неумолим, и Баргишу пришлось-таки все выложить обстоятельства, приведшие его во дворец.

— Похоже, что ты попал в западню, из которой тебе выбраться будет ох как трудно! — важно изрек Гаримет, выслушав рассказ купца.— Но я, как друг, тебе помогу. Эта вещичка у тебя с собой?

— Вот,— Баргиш торопливо полез в карман и вытащил злополучный перстень, аккуратно завернутый в шелковую тряпицу.

— Хм,— дворецкий взял кольцо в руки, внимательно его рассматривая.— Думаю, твой приятель немного приврал. Вряд ли эта штучка может обладать чудодейственной силой, хотя работа, конечно, весьма приличная.

«Неужели мне настолько повезло, и тот самый перстень, о котором говорил королю парень из Немедии, оказался теперь у меня в руках? — думал между тем Гаримет, продолжая вертеть кольцо в пальцах, чтобы выиграть время.— Напугаю-ка я этого дурака посильнее, и он будет только рад отдать его по дешевке...»

— Да,— наконец, протянул он,— похоже, все-таки, что этот человек проходимец, если не хуже. Так, значит, ты не подумал о том, что этот перстенок может причинить какой-либо вред его величеству?

— Что ты, что ты?! — лицо Баргиша вытянулось и побелело от страха.

— Ну, скорее всего, это не так,— продолжал Гаримет,— и твой красноносый приятель просто хотел завоевать доверие такого простака, как ты, а потом, кто знает, попроситься, чтобы и его самого провели во дворец. Наверное, ты прихвастнул ему, что для тебя это — пару раз плюнуть...

— Как ты мог подумать такое? — замахал на него руками купец.— Клянусь всеми богами, я ничего такого ему не говорил!

— Богами, говоришь? — зловеще переспросил дворецкий, нахмутив брови.— Так я и поверю человеку, который любого проходимца способен принять за потомка святого Эпимитриуса!

«А с Этельстейна сдери всю тысячу,— у Гаримета даже ладони вспотели от предвкушения подобной удачи.— Для начала, конечно. Потому что не скажу графу самого главного — тех слов, которые нужно произнести, прикасаясь к человеку этим перстнем. А потом посмотрим, как развернутся события. Но, скорее всего, рисковать я больше не буду. Пожалуй, подошло самое время благополучно исчезнуть — уж больно опасные, как я погляжу, начинают завариваться дела. Что мне: раз — и исчез. Ищите потом бывшего дворецкого. Да и не до меня будет... А граф, может быть, заплатит и больше тысячи, на полторы тыщонки его раскатать, что ли? Что ему — у него ведь денег куры не клюют...»

— Что же делать? Подскажи! — жалобно взвыл Баргиш.

— Перстень продашь мне,— тоном, не терпящим возражений, отрезал дворецкий.— Я дам тебе за него двести монет.

— Двести? Но тот северянин обещал пятьсот, и потом, что я скажу, когда он придет за кольцом?

— Скажешь, потерял, или еще что-нибудь... в общем, придумаешь, ты мастак облапошивать народ, а сам в это время пошлешь кого-нибудь ко мне. Возьмем этого потомка святого и бросим в подземелье для проверки,— усмехнулся Гаримет.— Может быть, он и в самом деле заговорщик. Одного такого внука Эпимитриуса повесили на прошлой неделе, чтобы не баламутил людей, разберемся и с этим.

— А если он меня... того? — купец провел ребром ладони по шее.

— Это уж твои заботы,— отрезал дворецкий.— У тебя вон сколько работников, дай им по секире, что они, не защитят хозяина?

— Скажешь тоже,— покосился на него Баргиш,— может быть, им и ключи от дома дать?

— Если захочется, можешь и дать,— усмехнулся Гаримет.— В общем, сам разберешься, как себя обезопасить, не маленький. Бери деньги,— он протянул купцу мешочек,— и проваливай, у меня без тебя дел по горло. Да только,— произнес он свистящим шепотом, приблизив лицо вплотную к перепуганному донельзя купцу,— не сболтни случаем никому, что здесь произошло. Иначе, сам понимаешь, тебе никакие наемники с секирами не помогут. Хорошо меня понял?

— Понял, понял,— торопливо забормотал Баргиш.— спасибо тебе, дорогой друг, что не бросил меня в беде...

— Ну, а как же? — развел руками Гаримет.— Ты же сам сказал, что мы старые друзья, и я всегда готов помочь тебе. Приходи, если что.

«Нет уж, проходимец,— откланиваясь, думал с тоской купец,— к тебе я больше ни ногой, да и вообще, не дунуть ли мне из столицы куда подальше? Как это я, старый дурак, попался на удочку, да еще и два раза подряд? Последний ум, видно, потерял от вида этого перстня. Готов поклясться, что какая-то колдовская сила в нем есть. Правда, получить двести монет — это тоже неплохо,— миновав караул он вышел из дворцо-

вой пристройки, где обитал мздолюбивый дворецкий,— такие деньги на дороге не валяются. Простому человеку такая сумма и за всю жизнь не перепадет...»

На следующий день, наскоро и почти за бесценок продав свое дело и дом знакомому купцу, Баргиш спешно уехал в Кордаву, где у него жил младший брат.

Он даже не стал дожидаться утра следующего дня, покинув столицу вечером.

«Слава Митре, успел все уладить, да и за пахучей кое-что осталось,— оглянувшись на стены Тарантии пробормотал бедолага-купец.— Жалко, конечно, дом и сад, но лучше построить новый на чужбине, чем сгнить в подполье на родине. Уж я знаю эти дворцовые порядки, рисковать — себе дороже».

* * *

Гаримет в это время вел торг с Этельстейном.

К удивлению дворецкого, ему удалось добыть своего без особого труда: вельможа отсчитал в конце концов запрошенную им огромную сумму.

«Лети, пташка,— мстительно подумал граф, выпроводив Гаримета.— Порхать тебе осталось недолго. Твоя непомерная жадность переполнила чашу моего терпения.

Каков наглец: запросить полторы тысячи монет только за возможность очернить неудобного мне человека. Негодяй ведь прекрасно понимает, что мы не представляем, какие действия не-

обходимы, чтобы воспользоваться этим перстнем. Если бы знать об этом, колечку цены бы не было, а так это всего лишь дорогая игрушка. Однако, я все же нашел ей достойное применение, а поскольку деньги очень скоро вернутся ко мне, жалеть здесь не о чем — ведь не о зарвавшемся же дворецком, в конце концов...

* * *

«Экая удача! — чуть не подпрыгивая от радости на сиденье кареты, думал Гаримет, возвращаясь от графа. — Вот уж не думал, что этот кичливый нобиль так легко раскошелится. Ну, а куда ему было деться!..

Теперь пора и со службы слинять. И там было не худо, грех богов гневить, ну, а теперь я просто богач. Медлить не стоит: дальше от дворца, меньше беспокойства. Тем более, что Этельстейн, как я понял из его недомолвок — тоже мне заговорщик, как его только до сих пор никто не раскусил! — вижу, всерьез вознамерился скинуть с престола моего господина... то есть уже прежнего господина.

«У нас руки длинные...» — передразнил он слова графа. — У нас... Значит, он не один, я так и думал, одному такое дело не проверить.

Мне-то, правда, какая забота? — хихикнул дворецкий, но в тот же миг похолодел от внезапно обрушившейся на него мысли:

— Но если этот купчишка сболтнет все-таки, цепная собака нашего варвара Паллантис успеет заняться мной еще до того, как начнет действо-

вать Этельстейн! Как же мне это сразу не пришло в голову?»

Радость мгновенно испарилась, уступив место ледяному страху, и даже мягкие подушки сиденья вдруг показались донельзя напуганному Гаримету твердыми, словно камень.

«А не захочет ли Этельстейн в первую очередь избавиться от меня? — от новой, холодящей рассудок мысли пройдохе-дворецкому стало совсем худо. — Конечно, я человек заметный, ко мне так просто не подступишься... Уф! — вместо холода его вдруг бросило в пот. — Напрасно я поехал в простом экипаже и без охраны...».

Самые серьезные опасения Гаримета подтвердились значительно раньше, чем он мог предположить.

Карета внезапно резко остановилась.

— Что такое? Уже приехали? — Гаримет отодвинул занавеску, намереваясь выглянуть в окно и узнать в чем дело.

Сделать это ему удалось только отчасти: когда голова дворецкого показалась из окна, сильная рука в кожаной перчатке, стремительно высунувшись откуда-то сбоку, как клещами сдавила ему горло. Бедняга потерял сознание, и вернуться в сей мир ему уже не позволили.

Длинный кинжал прошел тело насквозь, и неудавшийся богач, только что предвкушавший прелести жизни, захлебываясь собственной кровью, сполз на пол кареты.

— Про мешок не забудь! Полторы тысячи золотых — не шутка. — Если бы Гаримет мог слы-

шать, он наверняка узнал бы голос графа Этельштейна.— А о трупах не заботься, стража подберет их завтра утром.

Глава восьмая

огда Фрей подошел к двору купца Баргиша, он преисполнился недоумения: почему здесь, где во время его прежних визитов громоздились повозки и сновало множество людей, теперь столь пустынно.

Он долго стучался в запертые ворота, пока, наконец, в приоткрывшуюся щель выглянула старуха, закутанная в неопределенного цвета одеяние.

— Чего тебе? Что шумишь,

— Мне нужен хозяин дома! — резко заявил Фрей.

— Какой такой хозяин? — спросила старуха, оглядывая шпиона недобрыми водянистыми глазами.

— Здесь что, много хозяев? — оторопел лже-лесоруб.

— Здесь хозяев вообще нет! — отрезала карга.— Этот дом уже три дня как продан. А бывший владелец куда-то уехал.

— К-куда? — Фрей настолько был потрясен известием, что смог выдавить из себя только этот — как он сразу же понял по глазам старухи — бесполезный вопрос.

— Я откуда знаю? — зевнула та. — Не мое это дело, я приставлена смотреть пока за домом, вот и все. Еще чего-нибудь надо?

— Нет... — уныло пробормотал незадачливый шпион.

Створки ворот со скрипом затворились.

«Что делать? — Фрея прошиб холодный пот. — Кольцо! Этот недоносок увез магический перстень! Вот уж я влип так влип! Готлебис достанет меня из-под земли и...»

Об этом думать совсем не хотелось. Шпион метался перед высоким забором, сначала намереваясь вновь постучаться к старухе и, может быть, что-то все-таки вызнать, потом посмотрел на такие же высокие изгороди соседних домов и понял: вряд ли кто-нибудь сможет, даже если пожелает, ему помочь.

Никакого выхода!

Фрею вдруг захотелось встать на четвереньки и завывать, как собака, лишь бы исчезли все мысли о перстне, о тайном советнике Готлебисе — и о неминуемо ожидающей его каре.

Мелкий морозящий дождик навевал еще большую тоску.

Шпион понимал, что жизнь ускользает от него, словно зерна, падающие сквозь растопыренные пальцы ладони. Прощай все: деньги, надежды на сытую старость, стаканчик вина в тавер-

не, женщины — все, к чему он так привык. Прощай сама жизнь, потому что пусть даже он прямо сейчас и сбежит куда глаза глядят, Готлебис найдет его если не сразу же, то достаточно скоро, и все-равно уничтожит, да не просто убьет, но заставит долго мучиться перед уходом в иной мир. В этом Фрей был убежден твердо. Он прислонился к мокрому стволу дерева и, подняв воротник, долго стоял без движения.

«Боги! — беззвучно шептали его губы. — Помогите! Ну хоть раз в жизни... Что вам стоит?»

Видимо, эти отчаянные мольбы помогли. В голове шпиона вдруг отчетливо всплыли слова Готлебиса, сказанные на прощание: «Если дела пойдут не так, как задумано, можешь обратиться к Асгенору...»

«Асгенор, Асгенор... — теперь Фрей лихорадочно вспоминал название улицы, на которой жил этот человек, и, как всегда бывает в таких случаях, это слово крутилось где-то в памяти, но не приходило на ум.

— О, Митра! — застонал несчастный шпион и, сжав зубы, напрягся так, что на лбу вздулись жилы. — О-о-о... Вроде бы что-то похожее на неровность... Кривая?.. Нет... Косая?.. Козлиная?.. При чем тут козел?.. Колченогая? — Самые дурацкие названия приходили на ум, но нужного среди них не находилось. — Почему я тогда не запомнил как следует? — Он готов был зарыдать от бессилия, но вдруг, словно вспышка, блеснуло нужное слово: — Угловая! — Фрей едва не пустился в пляс. — Угловая, Угловая», — повторял он,

словно опасаясь опять забыть драгоценное название.

Дождь моросил не переставая, но это уже не могло испортить настроение Фрею. Поймав за руку пробежавшего мимо мальчугана, он справился у него, где находится эта улица, не очень надеясь на успех, а так, на всякий случай. Однако оборвыш оказался смышленным и знающим город, и за пару медяков согласился проводить незнакомца до означенного места.

— А не знаешь ли ты, где там живет господин Асгенор? — осторожно спросил шпион, еле поспевая за быстроногим мальчишкой.

— Цирюльник-то? — шмыгнул носом оборванец. — Кто ж его не знает? Покажу, труд невелик.

Добираться до вожденной улицы пришлось довольно долго, и Фрей уже начал сомневаться в своем провожатом, однако облегченно вздохнул, когда мальчишка привел его к небольшому каменному дому. Над дверью действительно висела надпись «Бреем, стрижем и пиявки». Оборванец, словно ящерица, проскользнул в приоткрытую дверь, и через мгновение появился вместе с сухоньким длиннوليцым человечком с торчащим над макушкой седым клочком волос. Он чем-то напоминал сойку, причем сходство с пернатым усиливали круглые глаза и крючковатый нос старикашки.

— Вот, привел к тебе человека, — пряча в карман честно заработанные монетки, сообщил оборванец, умильно таращась на цирюльника в надежде на дополнительную мзду.

— Ступай, ступай, — махнул на него рукой старичок, — больше все равно не получишь.

Он вопросительно взглянул на Фрея.

— Господин Асгенор? — спросил шпион.

— Он самый. Чем могу служить?

— Я от твоего племянника, — начал шпион, — он...

— Понятно. Договорим в доме, — старик взял его за рукав. — Пойдем, господин хороший, дождь идет, к чему мокнуть на улице?

Они вошли в длинное помещение цирюльни, отделанное даже с некоторой пышностью. В разделенных ширмами закутках трое брадобреев лихо управлялись с подбородком и щеками своих клиентов. Асгенор молча провел Фрея в маленькую комнатку без окон и только тогда спросил:

— Тебя прислал Готлебис?

— Да, — с надеждой посмотрел на него незадачливый шпион. — У меня тут одна закавыка получилась, и он сказал, что ты, в случае чего, сможешь помочь...

— Рассказывай, — цирюльник указал Фрея на стул, стоявший у стены, а сам опустился на низкий диванчик, покрытый небрежно брошенным на него цветастым одеялом.

Шпион рассказал все, о чем знал, а также о происшедшем с ним за последний день.

— Так ты хочешь узнать, где этот перстень? — переспросил Асгенор. — И все?

— Пока хотя бы это, — Фрей с надеждой смотрел на старичка. — Потом уж придумаю что-нибудь.

— И что же ты предпримешь, если это кольцо, предположим,— Асгенор поднял голову к потолку,— предположим,— повторил он, с ехидством глядя на шпиона,— теперь находится у Его Величества короля Аквилонии?

— Что ты говоришь? — Фрей даже вспотел от страха.— Разве такое может случиться?

— А не предполагаешь ли ты, ослиная голова,— старичок внезапно напустил на себя суровый вид,— что твой приятель Баргиш, которому ты успел наболтать с три короба, сейчас висит на дыбе в подвале тайной службы? Он вряд ли сможет, даже если очень захочет, в чем я сильно сомневаюсь, что-либо от них скрыть. Скорее всего, тебя уже разыскивает отряд Черных Драконов.

— Я не подумал об этом,— помертвевшими губами прошептал несчастный шпион.— Бабка сказала, что этот Баргиш куда-то уехал...

— Уехал...— пожевал губами старичок.— Может быть, может быть... Вот что, мне надо подумать, как узнать про твой перстень. День, или даже два. Только сюда больше не приходи. Где тебя можно найти?

— Я обычно по вечерам бываю в «Белом коне»,— почему-то шепотом ответил Фрей.

— В «Белом коне»! — с дребезжащим смешком отозвался Асгенор.— Видно, у старика Готлебиса совсем отшибло мозги, если он держит в своих соглядателях таких недотеп. Это... как бы тебе сказать, чтобы ты понял... любимый кабачок королевских стражников. Ты что, сидя там, сам в этом не сумел разобраться? Ты бы еще столовал-

ся прямо во дворце,— дробный смех старика отдавался в голове у Фрея, словно стук копыт по каменной мостовой.

— А где же...— он не успел задать вопрос, как Асгенор перебил его:

— Встретимся в «Луне и яичнице». Здесь недалеко, за углом. Да смотри, не бросайся мне на шею, когда я появлюсь. Жди, когда сам подойду. Понял, на этот раз ничего не перепутаешь?

— П-п-понял,— в голове у Фрея гудело от пережитого страха и унижения, он уже почти ничего не соображал.— Завтра и послезавтра в «Луне и яичнице»...

— Вот и хорошо,— кивнул головой старикашка.— Не перепутай, больше тебя выручать никто не станет,— повторил он на прощание.

Выпроводив посланца Готлебиса, цирюльник задумался.

Узнать нынешнее местоположение перстня было для него делом не таким уж сложным. Асгенор держал свое заведение так, для отвода глаз, а на самом деле он был колдуном, и весьма способным, ну и, разумеется, вдобавок немедийским шпионом.

Когда-то, уже много лет назад, советник принца Тараска Готлебис завербовал его для того, чтобы иметь сведения о том, что происходит в столице Аквилонии, и оборотистый Асгенор не зря получал из Немедии увесистые кошельки с золотыми монетами. Его заведение также помогало в деле шпионажа: где, как не у лекаря, цирюльника или банщика люди частенько говорят

то, чего, может быть, никогда не сказали бы в другом месте. Жить можно было совсем неплохо. Только вот неудачливый пьяница-шпион пришел за помощью к Асгенору не в лучший для себя день.

Дело в том, что лже-цирюльник уже сменил своего хозяина, здраво рассудив, что за каким демоном ему стараться для далекой и, в общем-то, чужой для него Немедии, когда гораздо проще можно добиться всего, если примкнуть к группе заговорщиков, что возглавлял вельможный граф Этельстейн.

Пронюхав о них, Асгенор несколько раз раскидывал кости, желая узнать будущее, и всякий раз выходило, что противники короля Конана должны добиться успеха в своем заговоре.

Круг знакомых среди нобилей у старика был довольно-таки большой, и поэтому он смог, приняв кое-какие усилия, а также применив своим колдовские способности, внедриться в ряды заговорщиков и даже пользовался особым доверием самого Этельстейна. Разумеется, он никому и не заикнулся о том, что одновременно добывает сведения для немедийского принца Тараска, благополучно продолжая получать деньги и из прежнего источника.

Теперь, узнав, что существует заколдованный перстень, с помощью которого варвара можно запросто отправить на Серые Равнины, Асгенор понял, что его звездный час настал.

«Вот почему кости всегда предсказывали удачу заговора! — возликовал он. — А теперь и моя

роль в этом деле будет уже гораздо значительнее. Ну да, пожалуй, Этельстейн может стать королем, а я — его советником, а то и канцлером. Вот только этот красноносый осел может испортить все дело, если, не приведи боги, за ним следят. Скорее всего, это не так, но проверить не мешает, кто его знает, чего можно ждать от такого охламона...»

Старик торопливо спустился в подвал и зажег огонь в медном треножнике. Потом он рассмотрел нитку, которую незаметно вытащил из обтрепанного обшлага камзола Фрея, когда приглашал того войти в дом.

— Не такая уж длинная, но должно хватить, — пробормотал он, раскрывая толстый фолиант в кожаном переплете.

Асгенор долго листал страницы, подходил к полкам, заставленным всевозможными принадлежностями для колдовства, смешивал порошки и перетирал сухие листья растений, снова смотрел в книгу и, наконец, начал тщательно втирать в нить приготовленное снадобье. Старик поднимал нитку перед глазами, внимательно смотрел на нее, снова окунал в мазь, сушил над огнем, окунал снова, пока вместо тонкой, почти не приметной для взгляда вещи, у него в руке не оказался стерженек, похожий на гвоздь: толстый и крепкий.

— То, что надо! — колдун полюбовался своей работой и взял с полки стеклянный шар с отверстием посередине. — Посмотрим, имеется ли хвост у этого осла!

Он поджег стержень, и тот вспыхнул с шипением и треском. Колдун внес его в полость стеклянного шара, и мгновенно на поверхности сферы возникли фигурки людей, беспорядочно перемещавшиеся в разные стороны, словно рыба мелочь, разбегающаяся при ударе весла о воду. Для непосвященного вид снующих теней был бы полной неразберихой, но Астенор мог видеть многое в движениях этих маленьких фигурок:

— Так, так... — бормотал он вглядываясь в шар, — не страшно, теперь этот... — он наклонился ближе, и лицо его засияло. — Все хорошо, тихо и спокойно!

Колдун откинулся на спинку потертого кресла и радостно потер ладони: из проведенных им действий выходило, что пока никакой опасности от существования этого дурака Фрея не исходит, и тот покорно ждет помощи от него, Астенора.

— Неплохо сработано! — похвалил сам себя старик и рассмеялся сухим дробным смехом, столь неприятно подействовавшим ранее на незадачливого шпиона. — Насчет перстенька покладую завтра, а пока надо сообщить обо всем Этельстейну. Если спросит, откуда узнал, скажу, что этот остопоп прибежал ко мне за советом, поскольку я известен в округе как мудрый человек, а остальное я вычитал из магических книг. В общем, я не очень сильно и солгу, потому что Фрей действительно пришел ко мне сам, а в моей мудрости могли убедиться и заговорщики. Другое дело, что мы оба немедийские шпионы, но это известно только богам и Готлебису...

Предаваясь таким рассуждениям, колдун поднялся наверх и, бросив несколько распоряжений своим брাদоброям, поспешил к графу Этельстейну.

* * *

— Почему же этот человек пришел именно к тебе? — выслушав Астенора, мрачно осведомился Этельстейн.

Этот вопрос он задал просто так, чтобы выиграть время, потому что его едва не хватил от отчаяния удар.

Только что, утром этого дня, он подарил кольцо ненавистному Бреганту, и можно представить ощущения графа, когда колдун описывал кольцо с фиолетовым камнем, а самое главное, сообщил о заклинании и магическом действии перстня.

«Боги! — он с трудом унял предательскую дрожь в коленях. — За что вы так прогневались на меня? Видно, какие-то демоны затмили в тот момент мой разум... или вина перепил... Как еще объяснить такой чудовищный просчет? Своими руками, своими руками отдал... Мне бы не первому побуждению поддаваться, не приканчивать мерзавца-дворецкого, а порасспросить его как следует... Он, конечно, мог на самом деле ничего не знать о действии перстня, но от пристрастного допроса от него бы ведь не убывало... жить ему все равно оставалось недолго. Или же стоило самому обратиться к колдуну... к тому же Астенору, коли уж он причастен к нашим делам. Все,

все что угодно сделать, а я совершил такую глупость! Ведь держал в руках...»

— Откуда я знаю? — пожал плечами колдун. — Наверное, кто-то его надутил. Счастливый случай. Он мог пойти к другому магу, и тогда ты никогда не узнал бы про этот перстень. Так что можно считать, что нам повезло.

«Вот уж повезло так повезло... Однако, боги все же оставили мне надежду на удачу, — Этельстейн изо всех сил старался не выдать себя и не показать колдуну, что он знает, где сейчас находится перстень, — если только за словами старика не скрывается что-нибудь еще. На этих магов никогда нельзя положиться полностью, хотя человек он для нас, безусловно, полезный».

— Ты прав, — промолвил он. — А сможешь по своим магическим книгам узнать, куда делся перстень?

— Как вернусь домой, сразу же займусь этим, — пообещал Асгенор. — Конечно, скверно, если кольцо уехало вместе с купцом, но, по правде сказать, оно и в Кордаве не затеряется — отыщем... с моей помощью.

— На такое дело уйдет много времени, а нам медлить нельзя, — напомнил Этельстейн. — Постарайся определить местонахождение перстня и сразу же дай знать об этом мне. А с этим красноречивым ты когда встречаешься?

Асгенор сообщил, что договорился с Фреем увидеться в «Луне и яичнице».

— Я считаю, что от него надо избавиться, — граф многозначительно посмотрел на сообщни-

ка. — Лишние свидетели нам ни к чему. Когда вы встретитесь в этой таверне, наши люди увидят его и будут знать, кого следует убрать. А может быть, ты сам с ним сотворишь какое-нибудь чудо? — усмехнулся он. — Превратишь в пеня, или в мокрицу, например.

— Ты же знаешь граф, что такие вещи делаются непросто, — с некоторой обидой ответил колдун — он очень не любил, когда к его магическим способностям относятся без должного уважения. — Сил и времени уходит много, а результат не всегда можно предсказать. Легче нож в спину, и дело с концом.

— Да пошутил я. Поступим как договорились, — кивнул граф. — Остается этот Баргиш...

— Я тебе сказал, что он сбежал в Зингару.

— В Зингару, — повторил Этельстейн, и лицо его помрачнело. Пожевав губами он, наконец, заметил: — Кордава тоже не на краю света. Ну ладно, это уже не твоя забота. Действуй, как договорились.

Когда за колдуном закрылась дверь, граф с досады так хватил кулаком по столу, что у него заныли пальцы. Надо же чтобы так демоны попутали: иметь в руках столь действенное оружие против киммерийца и самому отдать его ненавистному Бреганту! Конечно, откуда он мог знать о магических способностях кольца, но для Этельстейна это было слабым оправданием. Теперь попробуй выуди назад свой подарок!

— Что же делать? — Обхватив руками голову, граф надолго задумался, но ничего путного

на ум не приходило.— Выкрасть?.. Но как снимешь кольцо с руки? — он горько усмехнулся.— Попросить обратно, придумать какую-нибудь историю так, чтобы этот деревенщина поверил?.. Нельзя, он не так глуп и может заподозрить неладное... Остается одно: беспрепятственно снять перстень можно только с мертвого... Хм,— Этельстейн еще сильнее скривил рот,— убить королевского советника, да не какого-нибудь клопа вроде Публия, а старого солдата, не так-то просто. По-тихому не получится, а подготовить все тщательно времени уже не остается. Придется делать так, как задумали...

Глава девятая

чего бы вдруг? — думал Брегант, направляющийся по галерее дворца к покоям Его Величества.— Никогда в друзьях не были, и вдруг ни с того ни с сего такой подарок... Наверное, графу что-нибудь понадобилась от меня, вот и пытается подмаслить».

Удивляться было чему: едва он сегодня вошел в приемный зал, как невесть откуда взявшийся, словно нарочно ожидавший его появления граф Этельстейн наговорил ему кучу любезностей и преподнес дорогой подарок в честь, как он объяснил, его возвращения в столицу.

Брегант не сразу нашелся, как отказаться от дара, но граф так настаивал, что старый солдат, скрепя сердце и поминая про себя Нергала, принял великолепный перстень, только бы Этельстейн, отношение которого как к себе, так и к своему сыну, генерал прекрасно знал, побыстрее от него отвязался. Когда граф, наконец, отошел от него, Брегант, хмыкнув, снял кольцо с паль-

ца и сунул его в карман. Он не очень-то любил навешивать на себя драгоценные побрякушки, чем отличалась большая часть дворцовых щеголей.

Теперь он вытащил кольцо из кармана и, посмотрев по сторонам, нет ли кого рядом, стал внимательно разглядывать вещь.

«Кольцо очень дорогое,— решил Брегант, глядя на огромный фиолетовый камень.— Я-то не большой знаток в побрякушках, но даже у самых богатых придворных подобного не видел. Значит, тем более все это неспроста. Надо быть поосмотрительней с этим нобилем. Я ведь не мастер на гладкие речи, вот и не удалось отвертеться... граф, а хуже пиявки!» — досадуя больше на себя, выругал старый солдат Этельстейна.

Он вновь засунул перстень в карман, а вечером, вернувшись из дворцовых покоев, бросил изящную вещь в дальний угол ящика стола.

— Носить его я не буду, а выбрасывать — тоже неразумно. Пусть полежит, потом найду применение. В крайнем случае, такую штучку всегда можно выгодно продать.

* * *

— Неужели мой верный боевой товарищ мог замыслить что-то против меня, или же ошибся этот дурацкий медальон, попавший ко мне неизвестно откуда? — Конан сидел, в тоске и задумчивости подперев голову руками, и размышлял о том, что произошло сегодня утром.— Что еще нужно для полного счастья такому воюке, как

Брегант? Больших денег? Власти? Никогда, хоть режь меня на части, не мог бы его в этом заподозрить! — Варвар отхлебнул из бокала остатки вина и налил себе следующий.— Но ведь амулет врать не будет, он, как предупреждал меня непонятно откуда берущийся голос, специально для таких вещей создан. Хотя... все бывает...

Утром король, как обычно, вел беседы с канцлером и советниками. Брегант пришел последним, и как только он появился в зале, медальон, висевший на груди у киммерийца, зашевелился и несколько раз ударил его в грудь. Конан и бровью не повел, однако насторожился.

Невзирая на годы дружбы со старым солдатом и доверие, которое он к нему испытывал, варвар прекрасно знал, что все-таки оснований опасаться врагов было у него предостаточно. Да и за свою богатую событиями жизнь он привык к тому, что любой правитель должен быть наготове — желающие заменить его всегда найдутся. Вот ведь чуть больше года прошло, как на него самого покушались в последний раз.

Казалось бы, взойдя на трон Аквилонии, он сделал все, чтобы исправить бедственное положение, в которое вверг страну прогневший режим прежнего короля Нумедидеса. И что же? Все равно нашлись неблагодарные, что стали превозносить до небес «невинно убиенного» монарха и поносить его, варвара, как «проклятого узурпатора». Этим воспользовался мятежник Аскаланте, граф Туны, вставший во главе заговора, и лишь небывалое мастерство киммерийца во владении

оружием помогло ему отбиться от двух десятков заговорщиков, обманом проникших в его опочивальню.

Ну, ради справедливости следует, конечно, добавить, что к тому, что Конан остался в живых, приложил руку и некий старец, явившийся киммерийцу во сне и начертавший на клинке его меча магический знак в виде феникса. Верховный жрец Митры объяснил потом королю, что ему привелось общаться, хоть и во сне, ни с кем иным, как с легендарным мудрецом Эпимитриусом, умершим пять тысяч лет назад и объявленным впоследствии святым...

Поглощенный не столь уж приятными воспоминаниями и озабоченный сомнениями, Конан довольно-таки невнимательно слушал своих собеседников, и несколько раз канцлеру по требованию короля приходилось повторять сказанное.

Когда приближенные покинули покои Его Величества, появился командир Черных Драконов Паллантид с неприятным известием: рано утром на пустыре у городского рынка была обнаружена брошенная крытая повозка, а в ней — убитые возница и седок.

Ничего, в общем-то, странного, если бы тело, найденное внутри повозки, не принадлежало дворцовому короля Гаримету.

— Ты не находишь подозрительным, что мой слуга шастает по ночам по городу, да еще не в дворцовой карете, а в какой-то коляске? — спросил Конан Паллантида, на что начальник его стражи только развел руками:

— Конечно, это весьма странно, и мы уверены, что это не простое преступление с целью грабежа. Этот Гаримет явно впутался в какую-то скверно пахнущую историю — иначе что же заставило его ночью, втайне от всех, покинуть дворец? Сейчас лучшие сыщики обшаривают все вокруг, но выяснить, где был дворецкий, они еще не смогли. — Паллантид был настолько обескуражен своим, как ему казалось, недосмотром, что киммериец поспешил его успокоить:

— Брось расстраиваться, старина! Все бывает... Если следить за каждым, то у тебя не хватит солдат, а у меня — золота в казне. Надо будет поручить кому-нибудь из людей Публия подыскать мне нового толкового парня вместо Гаримета, да и забыть об этом. Если бы я все время так дрожал за свою шкуру и подозревал в любом странном происшествии какой-то подвох, то, клянусь Владыкой могильных курганов, наверное, уже давно высох бы, как дрянной сучок. А я еще, как видишь, в полной силе, — хохотнул варвар. — Не совсем, как в молодости, конечно, но жаловаться особенно не не что. А потом, — подмигнул он Паллантиду, — наш покойный друг Гаримет тоже был еще далеко не старик, и, может быть, имел в приятельницах какую-нибудь вдовушку, живущую в городе, и не хотел, чтобы кто-то узнал об этом. Хотя... — Конан на мгновение задумался, собрался что-то сказать, но махнул рукой, прекращая разговор, — ладно, хватит о нем. Даже если у нас есть основания подозревать Гаримета в чем-то, то спросить его мы вряд ли сможем: бе-

долага уже гуляет по Серым Равнинам и поджигает нас, тогда как наша задача — не попадать туда как можно дальше. Так ведь, старина? — и, не дожидаясь ответа, король снова захохотал.

Однако, когда Паллантид покинул зал, Конан резко оборвал смех и серьезно задумался. Если сложить все, что он узнал за это время, вместе, то поломать голову было над чем.

Во-первых, предупреждение, которое он получил от Гюнньюльфа: опасаться человека с фиолетовым камнем. Во-вторых, медальон, пожалованный неизвестными силами якобы за какую-то услугу, оказанную Конаном, — причем он об этом никого не просил, — сообщил ему об опасности, когда появился Брегант. В третьих, его дворецкий тайно ездил куда-то по ночам, пока не нашел свою смерть на пустыре за рынком.

Каждое событие по отдельности можно было бы и не брать в расчет, но все вместе они уже наводили на определенные — и довольно тревожные — мысли. Киммериец по опыту знал: нельзя позволять себе расслабляться, иначе проморгаешь опасность и вместо королевской постели будешь спать на охапке соломы — и это еще, если сильно повезет.

«Что мне делать с Брегантом? Спросить его прямо, как солдат солдата? — думал Конан, но эта идея его не устраивала.

В молодости он, скорее всего, так бы и поступил, или же, не спрашивая, вытащил бы меч и решил вопрос за одно мгновение, но с годами варвар стал мудрее и осмотрительнее:

«Если он действительно, мой враг, то, конечно же, не сообщит об этом, а если вышла ошибка, то мое подозрение может смертельно обидеть старого воина, и у меня появится возможность получить со временем нового противника. Как проверишь? Встретиться с ним еще раз и доверять не тому, как поведет себя этот странный амулет, а своим ощущениям?» — вновь задумался киммериец.

Он думал долго, выпил пару кувшинов вина, и, в конце концов, пришел к такому же решению, к которому, наверное, прибегает большинство правителей, если кто-то, как им кажется, дает им почву для подозрений:

«Отправлю Бреганта на несколько дней в Зингару. Отвезет письмо тамошнему правителю, да кое-что передаст на словах. И дело сделает, и я смогу, возможно, за это время проверить кое-что с помощью Паллантида. — Принятое ценой тяжких раздумий решение пришлось ему очень даже по вкусу. — Прах и пепел! Выходит, что и варвар может управлять королевством не только с помощью силы оружия!»

Какой-нибудь правитель Иранистана или Заморы тут же вызвал бы придворного писца и потребовал запечатлеть в изящных выражениях, как владыка нашел единственно правильное мудрое решение, но Конану было совершенно наплевать на то, что подумают о нем потомки, поэтому он отправился отпраздновать свой успех в помещении, находящиеся за Зеленым залом. В хозьяйстве толстухи Муниварэ киммериец провел

время до самого утра и не оставил обиженной ни одну из девушек.

* * *

На следующее утро срочно вызванный к королю генерал Брегант без особого удивления выслушал приказание Конана без промедления отправиться в Кордаву с важным поручением. На лице советника, который отправлялся в соседнее государство как простой гонец, хотя и по особому поручению, не мелькнуло ни тени обиды.

— Сделаю все, как ты велишь, мой король,— почтительно склонил голову старый солдат.— Если ты даешь мне такое важное поручение, как я могу не выполнить его наилучшим образом? Не беспокойся за результат, ты меня знаешь...

Он хотел добавить еще что-то, но остановился и с беспокойством посмотрел на своего короля и старого боевого товарища.

Лицо Конана окаменело на мгновение и, казалось, киммериец испытывает сильное волнение или боль.

— Что с тобой такое? — Брегант сделал шаг вперед.

— Ничего, ничего, не беспокойся,— варвар уже справился с непривычным для него состоянием и выглядел так же, как и раньше.— Просто померещилось что-то. Я приказал Паллантиду дать тебе в подчинение на время путешествия в Зингару пару десятков гвардейцев. Возьми самых лучших, ты знаешь многих из Черных Драконов. Ничто не должно помешать твоей миссии.

Он положил руку на плечо Бреганту, и тому проказалось, что в глазах короля мелькнуло что-то похожее на чувство вины.

«Что это творится с Конаном? — с тревогой подумал старый солдат.— Уж не болезнь ли какая к нему привязалась? Никогда не видел его таким...»

Если бы он знал, что испытывал в эти мгновения варвар, то наверняка пожалел бы его еще больше: треклятый амулет никак не реагировал на присутствие Бреганта. Досада, гнев и даже нечто вроде растерянности охватили киммерийца. Если первые два чувства посещали его нередко, то начет растерянности ему и самому трудно было припомнить, когда он испытывал подобное состояние в последний раз.

— Рога Нергала мне в глотку! — едва Брегант покинул зал, как варвар рванул цепочку с амулетом с шеи, намереваясь зашвырнуть его как можно дальше.— К чему мне такие идиотские подарки, которые сами не знают, что делают, да еще неизвестно от кого!

Однако взмах могучей руки был остановлен неизвестно откуда раздавшимся звучным голосом:

— Не делай того, что первым приходит в голову, потом придется горько пожалеть об этом. Амулет будет предупреждать тебя об опасности в ближайшие полгода...

— Слышал я уже эту чушь! — заорал киммериец, подняв голову вверх как будто говоривший с ним мог затаиться где-то на потолке.— Как

могло получиться, что вчера мой старый друг был мне опасен, а сегодня нет?

Ответа не последовало, но на крик короля в дверь просунул голову смазливый молодой человек с множеством колец на пальцах обеих рук:

— Что прикажет Его Величество?

— А это что еще за разряженная обезьяна? — Конан окончательно вышел из себя и сделал угрожающее движение к двери; лицо, исказившись от страха, исчезло так же быстро, как и появилось.

За дверью послышался шум, и в зал вошел Паллантид:

— Прости, мой король, я не успел тебя предупредить. Ты приказал найти человека вместо Гаримета, и в службе Публия подобрали тебе нового дворецкого. Смышленный молодой человек, а что выглядит по-идиотски, так теперь так принято, посмотри только на гостей на королевских приемах. Если прикажешь, я велю ему снять все побрякушки...

— Пусть, — буркнул Конан. — Мне все равно, просто этот чижик чуть не попал под горячую руку. Ты кого из людей дал в сопровождающие Бреганту?

— Он выбрал Эсканобу и Тангора с их десятками.

— Старый солдат свое дело знает, — усмехнулся киммериец. — Соображает, на кого можно положиться.

— У меня все офицеры достойные, — в голосе Паллантида промелькнула тень обиды.

— Согласен, согласен, — успокаивающе похлопал его по плечу Конан. — Все хорошие, но это — еще лучше!

— Разве так бывает? — не понял командир королевских гвардейцев.

— А как же? — засмеялся варвар. — Именно так и бывает. Вот посуди сам: у меня в наложницах одни красавицы, но самая лучшая — это та, которую я выбираю на сегодняшнюю ночь. Так?

— Так... — не стал спорить Паллантид.

Хотя начальник охраны не очень разобрался в мудрых стентенциях своего повелителя, но он справедливо счел, что если король говорит, то значит, так оно и есть.

— Вот видишь?! — захохотал киммериец. — Все прозрачно, как день, тут и думать нечего.

Он уже окончательно справился с собой, а если сказать проще, махнул рукой на все: если так складываются дела, то богам виднее, не в первый раз приходится полагаться на их промысел, когда невозможно разобраться во всем самому.

— Пора бы и чистым воздухом подышать, — варвар посмотрел на Паллантида, — что-то душновато здесь во дворце. Давай, старина, снаряжаться на охоту. Все остальное пусть пока пойдет под хвост к Нергалу! Завтра утром и выезжаем! — Король задумался на мгновение. — Нет, через пару дней. А завтра вечером устроим праздник в дворцовом саду. Где этот сын шакала, которого мне подобрали вместо Гаримета? Кстати, как его зовут?

— Паймор,— ответил начальник королевской охраны.

— Паймо-о-ор!!! — гаркнул Его Величество.

Смазливая физиономия вновь просунулась в дверь, правда, на этот раз с некоторой опаской.

— Подойди поближе,— кивнул ему Конан,— не орать же мне все время.

Когда Паймор, непрерывно кланяясь, приблизился, король передал ему поручения в связи с завтрашним балом и взмахом руки отправил вон.

— Надо в самом деле немного развеяться, как ты считаешь? — обратился он к Паллантиду.— Что-то мы с тобой совсем завязли в скучных государственных делах.

Командир Черных Драконов охотно кивнул: он не привык обсуждать желания своего повелителя, но повеселиться был явно не прочь.

Глава десятая

ответник Брегант сидел за столом, положив голову на согнутую в локте руку. Кувшин розового пуантенского, стоящий перед ним, был почти пуст. Когда генерал перевернул его, в кружку налилось едва до половины, и он залпом осушил вино.

Уже третий день он и десяток Черных Драконов, отданных под его начало Паллантидом, обитали в роскошных помещениях гостевого крыла дворца правителя Зингары, предаваясь приятно-му ничегонеделанию и ожидая, когда канцелярия зингарского монарха составит ответ на письмо короля Аквилонии.

Брегант, как посланец всесильного Конана, был встречен при дворе правителя Зингары со всеми возможными почестями, но старому солдату от этого не стало более спокойно на душе. Он чувствовал, что за поручением киммерийца стоит тень какого-то другого события, но понять свое участие в нем генерал был не в силах. Всю

дорогу до Кордавы — столицы этого высокомерного королевства, генерал провел в раздумьях, благо путь был неблизкий, но ни к какому определенному выводу придти не смог. По правде сказать, он никогда не был силен в дворцовых интригах и всю свою жизнь провел на полях сражений или в армейских лагерях. Брегант понимал, что такое поручение Конана, заключающееся лишь в передаче письма правителю Зингары, мог выполнить любой из курьеров или младших офицеров, коих великое множество топталось по мраморным полам тарантийского дворца. Для такой работы не обязательно было посылать в соседнюю страну советника короля. Значит, за этим таилось что-то другое, и это понимал даже мало искушенный в подковерных делах ум старого генерала. Но что именно?

«Может быть, Конан за что-то на меня разгневался и желает таким образом показать это? — рассуждал про себя Брегант. — Вряд ли. Он ведь человек прямой и честный, я мог в этом убедиться не раз. Правда, когда достигаешь таких высот, как ныне киммериец, то наверняка можно и измениться. Дворец, интриги, королевская власть... одни боги знают, что теперь у него в голове. Да и раньше он не выглядел просто бесхитростным рубакой, вроде меня... А если кто-то нашептал ему про меня какую-то гадость? — Генералу вспомнилось почему-то лицо Этельстейна и его неожиданный дорогой подарок. — Я решил, что эта гнида хотела добиться моего расположения? Но зачем?» — Ответов на эти вопро-

сы Брегант так и не нашел и с сожалением заглянул в опустевшую кружку.

— Эй! Кто-нибудь! — гаркнул он, обернувшись к дверям.

Моментально в комнату влетел мальчишка лет двенадцати, приставленный к генералу и его спутникам для исполнения мелких поручений и услуг.

— Дай-ка еще вина! — потребовал Брегант. — Эсканоба вернулся?

— Нет, — замотал головой слуга, и на его плутоватом лице появилось выражение вины, как будто в его силах было обеспечить немедленное появление офицера во дворце.

— Ладно, принеси вина, сын греха.

Мальчишка скроил покорную рожу и тут же вылетел за дверь, торопясь исполнить приказ такого важного лица, каковым являлся посланник аквилонского короля.

«Экий плут! — покачал головой генерал. — Смышленный мальчишка ему явно нравился. Ему бы в балагане выступать!»

Он отпустил Эсканобу в город по его просьбе. У того здесь были какие-то старые друзья, и генерал не мог отказать офицеру в возможности повстречаться с ними, тем более, что все равно дел для его гвардейцев никаких не предвиделось. Так что какая разница, где предаваться пьянству: во дворце или в другом месте. Хотя Кордава никогда не была особенно спокойным местечком, за судьбу такого бывалого солдата, как Эсканоба, беспокоиться не приходилось: тот запросто

мог уложить двух-трех воинов, а уж с мелким бандитским отребьем справился бы без особого труда...

Размышления Бреганта прервал слуга, вернувшийся с полным кувшином вина.

— Твое приказание выполнено, мой генерал! — выпалил он, подражая подчиненным Бреганта, и встал в стороне, вытянувшись в струнку.

Теперь лицо его выражало бесконечное внимание и готовность вновь ринуться по взмаху генеральской руки куда угодно и за чем угодно.

— Сгинь! — добродушно посоветовал ему Брегант. — Отдохни пока что, твоя плутовская рожа мешает мне сосредоточиться.

Мальчишка, как стрела, вылетел из комнаты, но предаться своим мыслям генералу так и не довелось: едва он наполнил кружку, как в дверь раздался стук.

— Кто там? Можешь войти! — обернулся он к двери.

— Ты искал меня, генерал? — на пороге появился Эсканоба.

Он твердо держался на ногах, но слегка помутневший взгляд офицера выдавал, что нагрузился он изрядно.

— Да, я просто так спросил, — покрутил ладонью Брегант. — Хорошо погулял, как я вижу? — спросил он.

— Спасибо генерал, — с расстановкой ответил Эсканоба. — Встреча вышла отличной.

— Ну и что интересного происходит в Кордаве? — спросил Брегант просто так, скорее из доб-

рого отношения к своему офицеру, чем из истинного любопытства.

— Здесь все, как обычно, зато ходят слухи, будто бы у нас в Тарантии происходят прелюбопытные и удивительные истории, — усмехнулся Эсканоба. — Одни демоны знают, как такое можно придумать. Если, конечно, этот купчишка не соврал...

— Ну и что занятного можно узнать о нашей жизни, приехав в другую страну? — осведомился Брегант, указывая Эсканобе на стул напротив себя. — Садись, расскажи, если не лень...

Он налил две кружки вина и одну пододвинул офицеру, который, невзирая на совершенные недавно в компании приятелей возлияния, с видимым удовольствием принял приглашение генерала.

— Прекрасное вино! — отхлебнув пару глотков, похвалил он напиток. — Хозяин в «Лисьем хвосте» подавал нам похуже.

— Здесь все-таки дворец, — наставительно заметил Брегант. — Остался бы сегодня здесь, так и пил бы это вино. Не я же тебя отправил пьянствовать со своими приятелями.

— Асьендас — мой старинный друг, — объяснил Эсканоба. — Мы росли вместе, а потом виделись редко, сам понимаешь, служба.

— Да уж, — усмехнулся генерал. — Можешь не рассказывать, жизнь у нас, военных, подневольная, скитаться приходится до седых волос... Этот твой друг сейчас на службе у короля Зингары? — поинтересовался он.

— Нет,— покачал головой Эсканоба,— когда-то он был солдатом, но уже давно бросил это дело и, получив небольшое наследство, стал купцом.

— Он тебе и поведал небылицы, что якобы происходят у нас, в Аквилонии?

— Если бы он,— махнул рукой офицер,— я бы и задумываться не стал, но дело в том, что с нами был его брат, который только что приехал из Тарантии.

— Тоже купец?

— Угу,— кивнул головой Эсканоба, он мотнул головой, словно отгоняя наваждение, и продолжал: — Этот человек... он не приехал, а, как бы это сказать?...— на мгновение глаза офицера остекленели, словно он был не в силах подобрать нужное слово, но через пару мгновений снова блеснули.— Он бежал, да так стремительно, что почти что бросил дом и прибыльное дело в Тарантии.

— Бежал? — засмеялся генерал.— Верно, не поладил со своими заимодавцами?

— Нет, с Гариметом! — серьезно ответил Эсканоба.— Я сразу подумал, что тебе, как советнику короля, эти сведения будут безразличны.

— Ты так думаешь?... И давно это произошло? — спросил генерал без особого интереса.

— Только что! Разговор-то у нас и завязался из-за этого случая. Асьендас спросил, какие, мол, у нас новости, а я, среди всего прочего, упомянул, что перед самым нашим отъездом нашли убитым дворецкого нашего короля. Так этот Бар-

гиш прямо-таки подпрыгнул на месте и закричал, что новость эта очень даже хорошая, так тому мздолюбивому мерзавцу и надо, и что боги все видят...

— Баргиш? — потер лоб Брегант, вспоминая.— Что-то я такого имени не помню. А ты его знал до этого?

— Да нет, но он говорил что торговал деревом в Тарантии,— пожал плечами Эсканоба.

— Деревом... деревом...— повторил почему-то Брегант, наливая себе и своему собеседнику еще по кружке.— Да и пес с ним и с его деревом, но что этот Баргиш сделал плохого дворецкому короля? Я не так давно в столице, но успел понять, что Гаримет, действительно, редкостный проходимец, да и алчен без меры.

— Мне тоже не очень-то был по вкусу покойный, хотя мне, благодарение богам, сталкиваться с ним по службе не приходилось,— согласился с генералом Эсканоба.— Нам же купец рассказал, что Гаримет вроде выманил у него перстень, который дал Баргишу какой-то родственник святого Эпимитриуса...

— Святого Эпимитриуса? — воскликнул Брегант.— Ничего себе! Развелось этих родственников и потомков, как собак нерезаных!

— Верно,— не стал спорить офицер.— Так вот, Гаримет посулил, что если Баргиш проговорится кому-либо про перстень, то он устроит ему веселую жизнь...

— Не сомневаюсь! Он смог бы,— усмехнулся Брегант.— Так, стало быть, твой купчишка, опа-

саясь дворецкого, на всякий случай убежал в Зингару?

— Не только из-за этого... Сначала Гаримет вроде бы сказал, что этот перстень может причинить вред Его величеству, а потом...

— Вред королю? — поперхнулся вином генерал, и в его голове пронеслись, одна за другой, мысли об Этельстейне, Конане, фиолетовом камне, своей поездке сюда, в Зингару, таинственной смерти Гаримета... Брегант прямо-таки кожей почувствовал: во всех этих странных событиях кроется какой-то общий смысл, но уловить, в чем именно он состоит, ему было трудно. — А ты не спросил, какой это был за перстень? — В голосе генерала звучала надежда, что подарок Этельстейна не имеет с загадочными происшествиями ничего общего и все это просто совпадение, однако тут же он понял всю тщетность своих ожиданий, потому что Эсканоба, довольно ослабившись, ответил: — Кольцо с фиолетовым камнем, мой генерал, очень старой работы. Как же я мог не спросить? Не зря ведь служу в Черных Драконах, да и не простым солдатом. Было бы это у нас, в Тарантии, я живо спустил бы шкуру с этого купчишки, но все бы из него вытянул. А здесь не больно-то развернешься, — огорченно вздохнул он, — да и все-таки он брат моего друга... Но Баргиш рассказал мне все, если не соврал о чем-нибудь, конечно, — офицер вопросительно взглянул на Бреганта.

— С чего бы ему врать? — усомнился генерал. — Ты иди, отдыхай сейчас, а завтра с утра

поговорим. Но только никому из наших ни слова! Ни пол-словечка! Дело идет о жизни нашего короля! Понял?

— Как не понять? — отрубил Эсканоба. — Не мальчишка какой-нибудь, опыт в таких делах имеется!

Когда офицер, покачиваясь от выпитого вина, покинул комнату, Брегант некоторое время сидел, не шевелясь, сжав руками голову.

Что-то в рассказе купца Баргиша, да еще в изложении весьма подвыпившего Эсканобы, не совсем сходилось, но в общих чертах вырисовывалась определенная картина, и для ее осмысления, как усмехнувшись, поддел себя генерал, вполне хватало и солдатских мозгов. Выходило, что Гаримет и Этельстейн имели дело с одним и тем же перстнем, который граф потом по совершенно непонятной причине вдруг подарил ему, Бреганту.

«Когда это было? — попытался вспомнить генерал. — В этот день нашли труп Гаримета или раньше? Точно! Именно в то утро Этельстейн при встрече чуть не бросился мне на шею, всучил это треклятое кольцо, потом я пошел к королю, а потом явился Паллантид и сообщил, что Гаримета нашли убитым... А это может означать, что граф или его люди убили дворецкого. Только вот за что? Разболтал о каких-то их тайных замыслах? — Брегант даже вспотел от поразившей его догадки. — Выходит, Этельстейн заговорщик? Гаримет был его сообщником или, наоборот, каким-то образом узнал о готовящемся за-

говоре против короля и хотел предупредить, но не успел, его зарезали раньше... Тогда Баргиш врет... Что-то у них не сложилось, а кольцо, какое место предназначалось этой вещичке? Или купец просто чего-то не понял? Хотелось бы мне знать, за каким демоном граф едва ли не насильно впихнул мне этот перстень?»

За окном уже давно зажглись и сияли, словно фонари, яркие южные звезды, а старый генерал, потихоньку опорожняя кружку за кружкой кувшин вина, все не ложился спать, продолжая размышлять о том, какую же роль попытался уготовить ему граф Этельстейн. В том, что подарок был не простым знаком доброго отношения, у него сомнений, естественно, не было:

— Как же, от такого дождешься! — пробормотал Брегант. — Эти опивающиеся при дворе вельможи спят и видят — лишь бы нагадить кому-нибудь, чтобы успешнее обделать свои делишки. Народ еще тот... Прах и пепел! Даже если этот перстень имеет какое-то значение, то граф прекрасно осведомлен, что я послан в Кордаву, и вряд ли сможет сделать мне здесь какую-нибудь пакость. Если только... — он задумался, и новая мысль неприятно его кольнула, — если только... ну нет, зачем он тогда дал кольцо именно мне? Потому что я близок с королем? Ну и что? — спросил сам себя генерал и вновь не нашел на свой вопрос ответа. — Надо поподробнее поговорить с купцом Баргишем. Похоже, тот скрывает нечто важное, он явно не все рассказал Эсканобе.

Брегант перевел взгляд на темное окно.

— Сейчас глубокая ночь, придется все отложить до утра, да заодно и от Эсканобы будет побольше толку, чем сейчас. Может быть, он проспится и вспомнит что-нибудь еще из их разговора...

* * *

— Тебе удалось? — вместо приветствия спросил Этельстейн. — Удалось узнать, где этот перстень?

— Все сделано в лучшем виде, — усмехнулся Асгенор. — Это оказалось даже легче, чем я думал. Интересующее нас кольцо находится в доме советника Бреганта.

— Ты это точно выяснил? — граф нервно вскочил с кресла и принялся мерять кабинет крупными шагами. — Ошибки быть не может?

«Значит, этот солдафон не взял перстень с собой, — с ликованием подумал Этельстейн. — Огромная, просто невероятная удача! Теперь надо только навеститься в жилище советника да хорошенько поискать там, может быть, и стрельбу на охоте тогда имеет смысл отложить. Рискованно все-таки, потому что варвар весьма силен и осторожен, не хотелось бы сильно рисковать, потому что случай может предоставиться только один...»

— Обижаешь, граф, — Асгенор скривил губы в некоем подобии улыбки. — Я не первый год занимаюсь магией и кое-чего, можешь мне поверить, в этом достиг. Если я говорю тебе, что пер-

стенъ в доме советника, можешь ни мгновения не сомневаться — так оно и есть.

— А как он туда попал? — полюбопытствовал граф, у которого не было не малейшего желания, чтобы кто-либо узнал, как он сам подарил этот перстень Бреганту.

— Ты не спрашивал меня об этом, я и не пытался раскопать...— начал было колдун, но обрванный Этельстейн торопливо его перебил:

— Нет, да и пес с ним. Не в этом суть, клянусь Солнцеликим,— он благожелательно взглянул на Асгенора.— Не представляю себе, как бы мы смогли обойтись без тебя, само небо послало нам такого нужного и умелого человека.

«Небо! — хмыкнул про себя Асгенор.— Как же, дождался бы ты от богов такого подарка! Я сам к вам пришел, и теперь главное — не разевать рот, чтобы не обошли потом при дележке добычи. А то от этих чванливых нобилей всего ожидать можно».

— Когда мы совершим то, что собираемся, я сделаю тебя своей правой рукой,— как будто прочитав его мысли, произнес Этельстейн.— Человек с такой светлой головой достоин быть не менее, чем канцлером. Что, сможешь заменить коротышку Публия?

— А то? — довольно осклабился колдун.— Тем более, как мне кажется, он не очень уж и хороший канцлер. Налоги низкие, дохода в казну почти никакого...

— Да,— кивнул головой граф,— этот варвар из Киммерии окружил себя сплошными просто-

людинами. Прямо весь двор кишит ими, словно крысами на гумне.

Асгенор в ответ пожал плечами, не заостряя внимания собеседника на том, что сам он тоже не является знатным человеком.

— Или ты предпочел бы быть командиром королевских гвардейцев, или, может, даже главным советником? — задумчиво глядя на него, спросил Этельстейн.— Мне кажется, это больше подходит для твоих способностей, да и к тому же мы тогда будем всегда рядом.

«Хочешь, чтобы я всегда был у тебя на глазах? — усмехнулся про себя Асгенор.— Что ж, я тебя понимаю, сам поступил бы точно так же».

— Думаю, что мы еще успеем поговорить об этом,— ответил он вслух.— Нашей главной целью сейчас является расправиться с киммерийцем, а уж о наградах и должностях успеем и потом договориться...

— Что ж,— кивнул головой Этельстейн,— может быть, ты и прав. Поговорим после, а сейчас тебе следует подумать, как без особого шума изъять этот перстень из дома Бреганта.

— Да ты смеяться надо мной изволишь? — хихикнул колдун.— Хочешь, чтобы я поверил, что ты, с твоими опытом и хитростью, не знал, как добыть кольцо? Я слышал, что советник уехал куда-то по поручению короля, вот и наведайся к нему в гости, пока хозяина нет. Небось, слугам тоже дали отлучку на это время. Кто там остался? Один-два человека! Ночь придет, ножичком по горлу — чик, да и пошарить хорошенько по-

всюду. Найдется твой перстень, никуда не денется!

— А ты не мог бы узнать, в каком месте Брегант спрятал перстень?

— Вот так сразу? — изобразив раздумье, важно протянул Асгенор. — Сразу не смогу, надо будет потратить на это некоторое время, а оно для нас дорого. Проще поступить, как я предлагаю. Куда быстрее выйдет, — убежденно добавил он.

— Ты прав, — не стал спорить Этельштейн. — Сейчас же пошлю за своими умельцами. Есть у меня два мастера таких дел, слава богам, в городе никто не знает, что они иногда работают на меня. Пусть разведдают, как там обстановка, а потом и займутся поисками перстенька. Только никому не слова, как договаривались, — предупредил он колдуна. — Меньше знающих, целее будем.

— Я не болтлив, — коротко кивнул Асгенор, поднимаясь с кресла. — Если вдруг понадобится, ты знаешь, где меня найти. И пусть боги пошлют нам удачу!

* * *

Наутро, когда Брегант вышел из своей комнаты в прихожую, он увидел прислуживающего им мальчугана, который, прислонившись к висевшему на крюке его собственному камзолу, что-то тихо бормотал про себя.

Занятый своим делом, мальчишка даже не заметил генерала и очнулся только тогда, когда тот схватил его за ухо:

— Что ты тут делаешь, сын греха? — грозно спросил Брегант.

— Я...я... — зубы служки залязгали от страха, и он никак не мог перевести дух, чтобы складно ответить своему господину. Генерал заметил, что мальчишка пытается спрятать за спиной правую руку:

— А там у тебя что? Отвечай, или, клянусь Митрой, я выброшу тебя в окно! — загредел старый солдат и, схватив его руку, резко вывернул ее вперед.

— Ай-яй-яй! — мальчишка завопил от боли, и какой-то предмет, стукнувшись о пол, подкатился прямо к ногам Бреганта.

Не отпуская уха маленького плута, генерал нагнулся и поднял с пола эту вещицу, оказавшуюся серебряным кольцом с выгравированным на печатке орлом, сжимающем в лапах змею.

— Недурная работа, — он крутанул ухо мальчишки так, что тот изогнулся дугой, не переставая вопить от боли и страха. — Заткнись, мошенник! — гаркнул Брегант. — Где взял, признавайся! Украл?

— Не... не... нет, — выдавил из себя служка. — Это мне мать дала.

— Мать? — удивился генерал. — Разве у таких плутов может быть мать? Ну, ладно, допустим, — он слегка отпустил ухо. — А что ты делал около моего камзола, сын греха? Хотел, наверное, незаметно положить в карман? Подарок мне сделать, наверное? — Шутка понравилась ему самому, и Брегант рассмеялся. — Ну, отвечай!

— Не бей меня, я все скажу,— чуть не зарыдал мальчишка.

— А я тебя разве бью? — генерал отпустил ухо и, схватив плута за ворот рубахи, хорошенько встряхнул и поставил на ноги перед собой.— Но если будешь врать, точно выкину в окно. Даже и отворять не буду,— пообещал он, грозно нахмурившись,— своей головой откроешь. Ну, говори!

— Мать... мать мне...

— Мать, мать,— прикрикнул на него старый солдат.— Заладил одно и то же! Давай побыстрее!

— Мне мать дала этот перстень и сказала, что если я притронусь к твоей одежде и произнесу заклинание, то тоже смогу стану большим начальником... потом когда-нибудь...— единым духом выпалил мальчишка и со страхом воззрился на генерала, ожидая неминуемой трепки.

Однако Брегант сосредоточенно смотрел на службу и некоторое время молчал, видимо, обдумывая что-то.

— Она у тебя колдунья, что ли?

— Нет,— шмыгнув носом мальчуган, чувствуя что самое худшее для него, пожалуй, уже позади,— ей кто-то сказал об этом.

— А, все равно,— махнул рукой генерал.— Возьми свое кольцо, давай сюда вина и еды, а потом слетай на конюшню и скажи, чтобы заложили экипаж. И разбуди Эсканобу! И чтобы мигом!

Служка соколом вылетел за дверь, несказанно образованный, что так дешево отделался.

«Заклинание! Вот чего не хватало в рассказе Эсканобы! — Брегант даже вспотел от своей догадки.— Если этим кольцом прикоснуться к кому-нибудь, предположим, к королю, и сказать заветное словцо, или там, пару слов, то... Но тогда почему Этельстейн подарил мне перстень, а не сделал этого сам? — опять засомневался генерал.— Или граф чего-то не знал? А может быть, и заклинания никакого не надо? Пожал руку Конану — и его нет... и меня тоже...— хмыкнул Брегант.— Дешево и сытно. Экий мерзавец, рога Нергала ему в глотку! — старый солдат сжал кулаки.— Хорошо, не на того напал, знатный недоносок!»

Брегант рассчитывал узнать еще кое-что у бежавшего из Тарантии купца, но, когда они с Эсканобой подъехали к дому его приятеля, то услышали печальную новость: кто-то воткнул Баргишу кинжал в бок, когда тот возвращался к себе на постоялый двор.

— Очень некстати! — присвистнул Брегант.— Ох, неспроста все это!

«Перстень! — промелькнуло у него в голове.— Все из-за него! А вдруг граф решит, что кольцо осталось у меня дома и захочет воспользоваться им сам или через кого-то другого? Что мне сделать, чтобы не допустить этого?»

— Вот что,— повернулся он к Эсканобе,— я должен еще пару дней проторчать здесь, пока эти бездельники-писаря не составят, наконец, отчет, Нергал им в задницу! А ты возьми пару человек и как можно быстрее возвращайся в Та-

рантию. Поедешь прямо ко мне домой. Там сейчас только кухарка и дворецкий. Или, еще лучше, поезжай к Альгиманту! Нет! — снова передумал генерал. — Не надо его впутывать в эти дела. Значит, поедешь в мой дом и будешь охранять мою спальню — чтобы никто туда не мог войти. Понял?

— Понял, что ж тут непонятного? — ничуть не удивившись странному приказу, ответил офицер. — Сидеть в спальне и никого не впускать, чего проще! А твои люди впустят меня в дом?

— Я напишу дворецкому послание, но ты лети в Аквилонию стрелой! Может быть, от скорости твоего коня зависит сейчас жизнь нашего короля. Опоздаешь, и все пропало!

— Не беспокойся, — заверил его Эсканоба, — конь у меня великолепный, домчит, как ветер!

«Лишь бы не было поздно, — с тревогой подумал Брегант, — но что я могу еще сделать? Теперь жизнь Конана в руках богов... или в копытах коня Эсканобы!»

Глава одиннадцатая

Моржества в королевском саду удались на славу! Сначала приглашенные вкушали множество яств, приготовленных умелыми руками поваров, и за длинными дубовыми столами не смолкал оживленный гомон, перемежавшийся стуком ножей и громким голосом дворецкого, возвещавшего очередную перемену блюд.

Вино и пиво лилось рекой, и даже самый изысканный знаток мог найти для себя все, что он мог бы пожелать: и аргосское «Сердце золотой лозы», и зингарское «Поцелуй красотки», и особенно любимое королем барахтанское — только щелкни пальцем, и расторопный слуга тут же наполнит бокал доплна живительной влагой.

Постепенно разговоры становились оживленнее, смех громче, и к тому моменту, когда дворецкий известил, что представление начинается, и все гости, оставив столы, перешли на лужайку, где были расставлены в несколько рядов

длинные скамьи, веселье било во все стороны, словно струи буйного фонтана.

Королевские шуты разыграли целое представление, где в масках действующих персонажей каждый мог узнать недавних врагов короля: Арпелло Пелийского, Амальруса и Страбонуса, и даже кое-кого из ныне действующих правителей соседних стран. Каждая шутка актеров встречалась громовым хохотом, от которого примостившиеся на ветках ближайших деревьев птицы беспокойно взлетали вверх и, покружив некоторое время над садом, вновь успокаивались, однако ненадолго, потому что через несколько мгновений следовал очередной взрыв веселья.

Затем шуты сменили танцовщицы и фокусники, и их выступление также сопровождалось смехом и одобрительными криками изрядно раззадорившихся гостей.

Слуги беспрерывно сновали меж гостей с подносами и кувшинами с вином, и каждый в меру своих сил и желания мог вновь освежиться прохладным пенистым вином из королевских подвалов.

Когда ночь окутала дворец и сад своей темнотой, и только пляшущий свет факелов и желтоватые лучи масляных ламп едва выхватывали из мрака верхушки вековых деревьев, гости разделились и разбрелись по лужайкам: те кто помоложе и пободрее, вняли призывным звукам труб королевских музыкантов, возвещавшим начало танцев, старики же собрались поближе к столам — продолжить выпивку и обменяться по-

следними новостями в спокойной обстановке, пожилые дамы и почтенные матери семейств образовали несколько кружков, чтобы без помех посплетничать и посудачить — всем нашлось место и занятие по вкусу.

— Этот, как его?.. — обернулся Конан к Паллантиду. — Ну да, Паймор... Совсем неплох оказался, даже искуснее, чем покойничек, бывший наш дворецкий. Знал бы, что эта обезьяна такой праздник закатит, придушил бы Гаримета еще раньше, — безыскусно пошутил король.

— Я рад, что тебе понравился прием, — улыбнулся командир Черных Драконов.

Они, вместе с канцлером, сидели втроем на небольшом возвышении в окружении нескольких десятков гостей и наблюдали схватку двух карликов, которые тузили друг друга деревянными мечами. Коротышка Публий, успевший изрядно нагрузиться вином, все время норовил сползти с кресла вниз, так что если бы не киммериец, время от времени встряхивающий его за шиворот и подтягивающий на сиденье, канцлер, несомненно, давно преуспел бы в этом своем намерении.

— Слабы что-то у меня придворные, — усмехнулся варвар, в очередной раз водружая канцлера на его место.

— Что ж тут удивительного, мой король, Публий никогда не умел особенно хорошо пить. Некогда ему — весь в делах. Вот если бы под стол с такой дозы свалился военный, я понял бы твое недоумение, — в кои-то веки не согласился с киммерийцем Паллантид. — Но странно кое-что дру-

гое: я замечал, что чем человек толще, тем больше он может выпить, а вот наш канцлер...

— Э, не скажи,— опрокидывая в себя очередной бокал вина, в свою очередь, выразил свое несогласие с мнением командира Черных Драконов Конан.— Помню, был у меня в юности, в бытность мою в Шадизаре приятель Ши Шелам, тощий обглодыш такой, в чем только душа держится, а выпить мог целый бурдюк, и ни в одном глазу...

— Я не смыкаю глаз на твоей службе, мой король,— по своему истолковав последние слова киммерийца, внезапно пискнул как раз очнувшийся Публий, очумело потрянув головой.— И мне как раз пришла в голову мысль, что неплохо бы...

— Только не сейчас, не приведи боги, опять начнешь про дела,— махнул на него рукой король.— Ценю я тебя, ценю, только помолчи, неугомонный ты наш,— он хлопнул канцлера по плечу, отчего тот глубоко погрузился в мягкое кресло.— Если уж так нейметсЯ, завтра поговорим! Кстати, а кто эта девушка? — сменив тему беседы, вновь повернулся Конан к командиру Черных Драконов.— Ты всех должен знать.

— Служба у меня такая. В темно-вишневом платье? — Паллантид проследил взгляд киммерийца и, получив утвердительный кивок, ответил:— Падчерица Этельстейна. Удивительная красавица, странно, что ты не запомнил эту девушку, ведь в свое время граф представлял ее тебе, мой король.

— В самом деле? — удивился варвар.— Странно, обычно я не забываю таких красавиц. А эту что-то не узнал, старею, наверное...— и он снова повернулся в сторону дубасящих друг друга карликов.

Мелисса, о которой шла речь, только что ускользнула от окружавших ее поклонников и, стараясь остаться незамеченной, направлялась к беседке в глубине сада, чтобы посидеть немного в уединении. Она до сих пор чувствовала себя виноватой перед Альгимантом за свое непростительное поведение на празднике у Саморы, которое могло стать причиной гибели юноши. Девушка до сих пор не могла понять, какой демон ее попутал.

Молодой офицер с тех пор, когда им случилось встречаться, лишь вежливо приветствовал девушку. Мелисса сильно переживала охлаждение своего преданного поклонника и несколько раз, понимая, что сама во всем виновата, хотела подойти к нему первой, но гордость и уязвленное самолюбие все же не позволяли ей снизить до такого поступка.

Вот и сегодня Альгимант даже не пытался заговорить с ней, а только отчужденно поклонился, когда они встретились у пиршественных столов, и тут же отошел в сторону. И странное дело, чем больше проходило времени, тем больше привлекательных черт находила Мелисса у этого человека, которого в свое время частенько встречала насмешками. Ей даже начинало казаться, что она не сможет перенести разрыв с ним, и

вместе с чувством вины девушка ощущала все нараставшую симпатию и даже, что было для нее совершенно непостижимо, нежность к молодому офицеру.

В сегодняшний праздничный день поведение юноши, который танцевал с другими дамами и даже не смотрел в ее сторону, окончательно расстроило Мелиссу, и королевский прием, которого она так ждала, стал казаться девушке пустым и ненужным, а липнувшие к ней кавалеры только раздражали своей болтовней и затертыми комплиментами. Даже Тасвелу, к которому девушка благоволила более других, она надерзила по какому-то пустяковому поводу и теперь жалела и об этом тоже. В общем, побыть немного в уединении Мелиссе было сейчас просто необходимо.

Кроме того, на днях произошло еще одно неприятное событие: разговор с отчимом, после которого у Мелиссы до сих пор иногда пробегала дрожь по телу. Началось все с того, что граф не терпящим возражений суровым тоном потребовал от падчерицы, чтобы она прекратила общаться со всякой шантрапой — девушка с изумлением поняла, что так Этельстейн назвал сыновей знатных нобилей, молодых офицеров и еще кое-кого из молодых людей, которые считали себя ее ухажерами.

— Но как же? — удивилась Мелисса. — Что в этом дурного? Все девушки из хороших семей должны рано или поздно выходить замуж, и это вполне естественно, если...

— Никаких «если», — перебил ее граф. — У меня другие виды на тебя. Ты достойна не таких молокососов, как твои никчемные воздыхатели, особенно, — он скривил губы в недоброй усмешке, — подобные Альгиманту простолюдины.

— Но почему ты не спросишь моего мнения? Я не твоя собственность! — вспыхнула девушка.

— А чья же? — граф крепко схватил ее плечо и тряхнул. — Вместе с замком твоей мамы ты досталась мне по наледству — больше-то у нее ничего не было. Что захочу, то с тобой и будет. Ты меня знаешь, — с угрозой добавил он. — Если король не захочет взять тебя в жены, я подберу тебе другого мужа, или, — его усмешка стала зловещей, — отдам тебя в монастырь, куда-нибудь в Пуантен, чтобы служила Митре. А захочу, — глаза Этельстейна словно буравили ее насквозь, — отдам в наложницы какому-нибудь правителю. Ты вполне сгодишься для этого, — он причмокнул языком, в упор рассматривая ее, и девушка почувствовала себя так, будто он сорвал с нее одежду и она, нагая и беззащитная, стоит перед его похотливым взглядом.

— Но, граф... — попыталась возразить совершенно ошарашенная Мелисса.

— Запомни хорошо, что я сказал, — резко прервал разговор Этельстейн. — Осталось подождать совсем немного, и судьба твоя решится, — загадочно усмехнулся он. — Ступай...

После этого разговора они почти не встречались, хотя и жили в одном доме, потому что Мелисса старалась избегать своего отчима...

Девушка прошла мимо группы придворных, сидевших вокруг короля и наслаждавшихся каким-то дурацким представлением с участием карликов, и свернула на боковую тропинку, ведущую к одиноко стоявшей на берегу пруда беседке.

Изящное строение было оплетено густыми плетями выющихся растений, и если бы сейчас там никого не оказалось, Мелисса могла рассчитывать хоть какое-то время посидеть в одиночестве вдали от шума и буйного веселья королевского праздника. Она легкими шагами уже направилась было к полукруглым ступенькам, ведущим под полог беседки, как вдруг явственно услышала идущие из нее голоса. Раздосадованная тем, что побыть одной не удалось, девушка повернулась, направляясь прочь, но внезапно голоса показали ей знакомыми а одна из четко произнесенных фраз заставила просто застыть на месте.

— Колдун обещает сделать так, чтобы он был один, и тогда, благодарение богам, мы завершим, наконец, это дело.— Голос, без всякого сомнения, принадлежал Этельстейну, ее отчиму.

«Что он замышляет? Уж не касается ли это меня?» — с тревогой подумала Мелисса и замерла на мгновение, а потом сделала несколько шагов вдоль по окружии беседки, чтобы не быть заметной со стороны выхода и лучше слышать, о чем говорят внутри.

— Пять лучников я подготовил,— ответил другой голос.

«Тасвел! Что у него за дела с графом Этельстейном? И какие-то лучники...» — Мелисса вся обратилась в слух.

— Лучники самые меткие, и вдобавок, они исключительно мне преданы,— продолжал Тасвел.— Самое главное, чтобы твой маг вывел его на нас.

— Не беспокойся,— ответил Этельстейн, и в его голосе послышался скрытый смехок,— тепленьким доставим прямо на ту поляну, ваше дело — не промахнуться.

— Вообще-то, мне слегка не по себе,— признался его собеседник.— Как подумаю о том, что с нами будет, если дело сорвется, прямо мороз по коже...

— Сомневаться уже поздно! — резко оборвал его граф.— У тебя, как и у нас всех, обратной дороги быть уже не может. Мы должны убить его на предстоящей охоте, или же нам еще долго придется ждать подходящего случая, причем весьма вероятно, что кто-то дрогнет и выдаст нас. Есть, правда, и другая возможность,— таинственно понизив голос, добавил Этельстейн,— но я еще не могу говорить об этом наверняка. В любом случае мы должны быть готовы...

— А вдруг кто-то проговорится уже сейчас? — в голосе Тасвела явно слышался страх.— Что тогда?

«Кого собирается убить мой отчим? — в висках Мелиссы застучало от напряжения.— И Тасвел у него в подручных... Неужели он, юноша из благородной семьи, собирается поступить, как

лесной разбойник? Еще и в мужья мне набивается!»

Девушке стало противно и гадко. Слышать хоть и не предназначенные для чужих ушей, но от этого не менее ужасные вещи! Эти люди замышляют чье-то убийство. Что касается отчима, то особого удивления его участие в подобных делах у Мелиссы не вызывало, но вот сын барона Патриана...

— А ты, я смотрю, уже и в штаны готов наложить? — злобно зашептал Этельстейн. — Раньше надо было думать. А то вам всем нейдется стать министрами и канцлерами, а как до дела доходит, так руки должны пачкать другие?

— Нет, что ты! — с возмущением ответил Тасвел. — Ты не можешь обвинить меня в трусости. А сейчас я просто тревожусь, как бы что не сорвалось...

— Ладно, — примирительно ответил граф, — я тоже не хотел тебя обидеть. Думаешь, я сам не волнуюсь? Время подходит... Каждый из нас должен точно исполнить все, что ему поручено, и тогда ему несомненно придет конец. И никакой Кром ему не поможет! — язвительно добавил он. — Трон Аквилонии не может принадлежать грязному неотесанному варвару!

«Трон? Они замыслили покушение на короля! — в совершеннейшем ужасе сообразила, наконец, Мелисса. — Неужели и Тасвел может быть замешан в столь ужасном деянии?!»

— Так что будь наготове, — снова слышался голос Этельстейна. — Нам не следует особо пока-

зываться вместе. В случае чего связь через бродяг, ты об этом помнишь?

— Ладно, — отозвался Тасвел. — Да помогут нам боги...

Послышались шаги, скрип ступенек. Мелисса вжалась в кустарник, чтобы ее не заметили, но мужчины, один за другим, торопливо прошли по тропинке и разошлись в разные стороны. Девушка стояла неподвижно, не в силах даже пошевелиться от страха.

«Они хотят убить Конана, и тогда... — мысли лихорадочно заметались, — тогда... Этельстейн будет королем! А что со мной? Я буду королевской падчерицей и наследницей престола Аквилонии? Или королевской наложницей?! — ледяной ужас охватил девушку. Она вспомнила жесткий взгляд отчима во время того, недавнего разговора. — Никто тогда не сможет помешать желанию нового короля, да и осмелится ли кто?»

Мелисса сжала руки и почувствовала, как бешено колотится ее сердце.

«Что делать? Немедленно бежать и рассказать, что я услышала? — она сделала произвольное движение к тропинке, но ноги не слушались девушку. — Но кому рассказать, кто мне поверит? Король? Командир Черных Драконов? Мое слово против слова графа Этельстейна?! Да просто сочтут сумасшедшей и посоветуют отчиму отправить в монастырь, а он только этого и хочет...»

Мелисса чувствовала себя попавшей в ловушку, из которой нет выхода. Она понимала, что любое ее действие или бездействие представляют

для нее опасность, смертельную опасность, потому что ей равно жуткой казалось возможность как стать наложницей старого разратника, так и провести всю свою жизнь в монастыре.

«Найти Альгиманта и все рассказать ему?.. Но ведь он даже не смотрит на меня после того ужасного случая! — горько усмехнулась она. — Может быть, Тасвел? Не может же он быть таким же негодяем, как мой отчим. Наверное, Этельстейн запугал его чем-то, и если мы вместе с ним пойдем и расскажем о заговоре, это будет моим единственным выходом. Он ведь клянется, что любит меня, вот пусть и докажет это!»

Мелисса почувствовала: правильное решение найдено, и она, стараясь выглядеть спокойной и безмятежной, направилась на поиски Тасвела.

* * *

— Чем ты еще попотчуеть нас? — Паллантид склонил голову к почтительно стоявшему рядом с ним Паймору и тихо добавил: — Смотри, не осрамись, пройдоха, король пока что очень доволен тобой.

— Сейчас начнутся петушинные бои, — так же тихо ответил ему Паймор. — Думаю, это должно понравиться Его Величеству.

— Петушинные бои? Ты уверен, что это понравится королю? — недоверчиво спросил Паллантид. — Смотри у меня!

— Петушинные бои? — Острый слух Конана уловил, о чем говорят командир Черных Драконов и его дворецкий. — Я не ослышался?

— Нет, мой король, — Паймор с поклоном выступил вперед. — Я привез лучших офирских петухов и думаю...

— Ха-ха! — неожиданно покотился со смеху киммериец. — Я тебя явно недооценил сразу, шельма! Откуда ты узнал, что я понимаю толк в этом деле?

— Ты понимаешь толк в петушинных боях? — Паллантид уставился на Конана, словно видел его впервые.

— А ты как думал! — гордо ответил варвар, наслаждаясь произведенным впечатлением. — И не только знаю, но и видел это действо на празднике раххават в Шадизаре. Слышал о таком?

— Нет, — признался командир гвардейцев.

— А ты, свистулька, откуда откопал это? — Конан подозрительно посмотрел на Паймора.

— Я и не знал... просто подумал, что хорошо бы развлечь, — боязливо пролепетал дворецкий.

— И попал в самую точку! — хлопнул его по плечу король. — Молодец! Если так пойдет и дальше, станешь богатым человеком... если не помрешь преждевременно, как твой бедолага-предшественник. Действуй! —

Киммериец явно повеселел. Удачная догадка дворецкого заставила его вспомнить опасное, но и доставившее ему массу удовольствия приключение, случившееся с ним в юности. Он жестом подозвал к себе слугу и протянул бокал:

— Лей до краев! Тебе тоже? — повернулся он к Публию, который понемногу пришел в себя и уже внимательно прислушивался к разговору. —

Сейчас расскажу историю, почище тех, что нас потчует Самора. Эй, Самора, Тальпеус, Альвий! — обратился он к сидящим неподалеку нобильям. — Подсаживайтесь поближе, кое о чем вам поведаю, позабавитесь от души!

Кружок вокруг киммерийца сдвинулся потеснее, и пока расторопные слуги устанавливали ограждение для петушинных боев, король рассказал своим приближенным историю о том, как он за три ночи заработал триста монет, переспал с тремя наложницами хозяина и уколошил дюжину разбойников из шайки Рябой Рожи, а случилось все это, когда его нанял старый купец для охраны бойцового петуха стоимостью в тысячу монет! Рассказ киммерийца то и дело прерывался взрывами хохота — не потому даже, что придворные желали сделать приятное своему повелителю, а исключительно из-за самой истории, оказавшейся, как и обещал варвар, весьма забавной и поучительной.

— И самое главное! — Конан поднял вверх палец. — Самое главное, что я тогда-то и понял: если Митра захочет явить свое расположение смертному, то следует идти по той дороге, которую он укажет и не роптать на валяющиеся под ногами камни.

— Истину возвещаешь! — угодливо поддакнул подошедший к концу рассказа Этельстейн. — Все в руках Солнцеликого.

— Всем вина! — гаркнул киммериец. — За это необходимо выпить, иначе боги не простят нам бездействия...

Глава двенадцатая

Михо, пададь! Все дело испортишь, — зашипел Шарак на своего подельника. — Смотри по сторонам, как бы не заметил кто...

Он вновь склонился перед дверью, старательно орудуя металлическим предметом внутри замочной скважины:

— Ух, ты! Хитрая вещица, — бормотал он, пытаясь повернуть засов, но, чуть двинувшись в нужном направлении, планка вновь отходила назад. — Ну что там? Никого?

— Все спокойно, — ответил его напарник, озираясь по сторонам. — Давай побыстрее действуй!

— Заткнись, свинячье рыло! — ответил, не оборачиваясь, взломщик. — Сам бы попробовал, я бы на тебя посмотрел...

Посреди притихшей улицы щелчок щеколды показался таким громким, что его напарник едва не подпрыгнул от неожиданности.

— Не бойся, Турамбар, все уже сделано. Заходим!

Они осторожно приотворили дверь и вошли в полутемную прихожую, освещенную лишь двумя небольшими масляными лампами. В помещении было несколько дверей и широкая лестница, поднимавшаяся на второй этаж.

— Куда идти? — шипящим шепотом спросил Турамбар.

— Откуда я знаю, не приглашался сюда, знаешь ли, ни разу, — хихикнул его напарник. — Придется посмотреть везде.

— Кто там! — раздался вдруг громкий голос из-за правой от взломщиков двери. — Это ты, Чезира?

Вслед за этим послышались шаркающие шаги.

— Сюда! — почти беззвучно шепнул Турамбар, и они с подельником едва успели встать за полотном двери так, чтобы при ее открытии не быть сразу обнаруженными.

— Чем ты так гремишь? Вечно заснуть из-за тебя невозможно...

Дверь отворилась, и на пороге появился невысокий старичок в белом одеянии с лампой в руке. Он осмотрелся по сторонам и увидев, что входная дверь приоткрыта, сделал к ней пару шагов.

Больше он совершить ничего не успел: Шарак бросился вперед и схватил несчастного за волосы, разворачивая лицом к себе, а Турамбар мгновенно чиркнул его ножом по горлу.

Разбойники хорошо знали свое дело, и видно было, что совершали они подобное далеко не впервой.

— Отлично, — Турамбар вытер нож об одежду. — Даже не пискнул на прощание... Пусть гуляет себе по Серым равнинам.

Он с осторожностью взял лампу из руки убитого и прислонил тело спиной к маленькому столику, стараясь не запачкаться в хлеставшей из располощенного горла крови.

— Куда теперь?

— Начнем с верхних комнат, скорее всего, господские покои там, — прошептал Шарак. — Но осторожно, здесь может быть еще кто-нибудь.

В этот миг небрежно прислоненный к ножке стола труп, качнувшись, повалился на пол. Медный кувшин, до этого мирно стоявший на столике, покачнувшись и грохнувшись на пол, произведя немалый шум.

Турамбар, метнувшийся было, чтобы поймать сосуд, промахнулся и едва не растянулся на полу, запнувшись о лежащее тело.

— Что ты шумишь, пес! — зашипел на него напарник. — Вот сейчас...

Он не успел договорить, потому что противоположная дверь отворилась, и в проеме показалась белая фигура, привлеченная шумом. Увидев двоих незнакомцев, кухарка, а это была она, отскочила внутрь и попыталась закрыть за собой дверь на засов, но Турамбар оказался проворнее, успев сунуть в щель лезвие кинжала.

— На помощь! Грабят! — истошно завопила женщина, оставив попытки закрыть дверь.

Она бросилась к окну, но прыгнувший в комнату Шарак успел ударить ее в плечо и сбить на

пол, а через мгновение Турамбар уже помогал напарнику. Кухарка оказалась неожиданно сильной, и в темноте они достаточно долго боролись с ней, опасаясь применить ножи, чтобы ненароком не ранить друг друга. Крики женщины могли бы всполошить весь квартал, но на ее беду окна были плотно закрыты, и звуки почти не проникали из дома на улицу.

— Держи! Ай, кусается, сука! Дави ее! Вот так! — слышалось в промежутках между воплями женщины.

Раздался треск раздираемой ткани.

— Вяжи ее! Руку, руку я сказал! Дай по голове! Ну, наконец-то!

Раздался последний сдавленный крик, и все смолкло.

— Нергалово семя! У, дрянь кусачая! — слышался в темноте голос Шарак, прерываемый шумным выдохом. — Сбегай за лампой, что застыл, губошлеп!

Турамбар нырнул в прихожую и возвратился с лампой.

— Ух, ты! — одновременно вырвалось у обоих.

Женщина лежала на спине, подвернув под себя ногу. Ее рубаша была полностью разорвана в борьбе с двумя мужчинами, и обнаженное тело белело пятном на темном полу.

— Дышит, сейчас очухается, — склонившись к ней, сообщил Турамбар. — Приятная бабенка, может быть, попользуемся? — похотливо ухмыляясь, обернулся он к напарнику.

— Я тебе попользуюсь! — злобно скрипнул зубами Шарак. — Чего уставился, голой бабы никогда не видел? Тебя сюда прислали не для этого, ублюдок! Сейчас оторву тебе твою хотелку! Кончай ее, да пошли быстрее наверх, а то дождемся сейчас, что стражники нагрянут, рога Нергала им в задницу! Если не сделаем дело, граф с нами чикаться не будет!

— Жалко, — протянул Турамбар со вздохом сожаления, однако подчинился приказу и, повернув голову женщины к себе, ловко полоснул ее кинжалом по горлу.

— Пойдем быстрее! Да лампу не забудь, — распорядился Шарак, и оба бандита, не оглядываясь на убитую, вышли из комнаты и, крадучись, поднялись по лестнице.

К их удовлетворению, они очень быстро нашли, то за чем их послал сюда Этельстейн, пришлось всего-навсего выдернуть все ящики из шкафа и стоявшего прямо перед окном стола:

— Вот он, смотри! — довольный Шарак повертел перстнем перед глазами подельника. — Повезло, ничего не скажешь, клянусь своей правой рукой! — хихикнул он. — Ладно, смываемся!

Они поспешили выйти из комнаты и направились к лестнице, ведущей вниз, но в этот момент послышался скрип ступенек.

— Тс-с-с! — замер на месте Шарак. — Доигрались! Давай через окно, другого выхода нет! — прошипел он. — Стражники, не иначе!

Бандиты бросились обратно в комнату, окна которой выходили в сад.

* * *

Искать Тасвела не пришлось долго: его высокая стройная фигура выделялась среди танцующей молодежи.

Мелисса подождала, пока звуки оркестра смолкнут, и молодые люди, как принято по придворному этикету, отведут своих партнерш по танцу к расставленным по краям лужайки скамьям. Тасвел сразу же заметил стоявшую на дорожке девушку и, едва не бросив свою даму на полпути, подбежал к ней.

— Принцесса больше на меня не гневается? — с легкой улыбкой склонился он к руке Мелиссы.

— Нам надо серьезно поговорить, — ответила девушка, — давай отойдем куда-нибудь, я не хочу, чтобы нас кто-либо услышал.

— Что-то важное? — полюбопытствовал Тасвел, внимательно взглянув на Мелиссу. — Да что это с тобой? Ты вся дрожишь!

Девушка, ни слова не говоря, пошла по дорожке в сторону от освещенной факелами поляны, и Тасвелу ничего не оставалось, как следовать за ней. Мелисса шла быстро, не оглядываясь, но чувствовала, что он не отстает и идет следом.

Они миновали поворот дорожки, и девушка шагнула на полянку, окаймленную стриженным кустарником, образующим нечто вроде изгороди высотой с человеческий рост, совершенно скрывавшую их от посторонних глаз.

— Что все-таки произошло? — Тасвел взял ее за локоть, пытаясь увидеть глаза девушки в от-

ветах огней, пробивавшихся из покинутой ими освещенной части сада.

— Ты говорил, что любишь меня и пойдешь за мной куда угодно?

— Я готов и сейчас повторить это хоть сотню раз, — с готовностью ответил Тасвел.

— Тогда я в безопасности, — прошептала Мелисса, сжимая его руку. — Я была уверена в том, что ты меня не покинешь!

— Да в чем дело? Ты говоришь какими-то загадками, — молодой нобиль никак не мог понять причину волнения Мелиссы и неожиданно доброго к себе отношения.

— Дело в том, — неуверенно начала девушка, — дело в том, что я слышала твой разговор с моим отчимом...

— К-какой разговор? — голос Тасвела непроизвольно дрогнул.

— Вы обсуждали, что убьете короля на предстоящей охоте...

— И ты это слышала? — в голосе Тасвела чувствовался уже неподдельный страх.

— Да. И я хочу, чтобы ты немедленно пошел вместе со мной и рассказал обо всем королю.

— Это невозможно, даже и не думай об этом, — голос nobility был жесток и сух.

— То есть как невозможно?! — едва не вскрикнула Мелисса. — Ты подумал о том, что будет, если мой отчим вдруг станет королем Аквилонии.

— Будет очень даже неплохо, — самодовольно улыбнулся Тасвел. — Граф Этельстейн обещал на-

значить меня главнокомандующим вместо Просперо. Представь себе, что через несколько дней я могу стать членом королевского совета!

— Что ты скалишься, безумец! Опомнись! — вскричала девушка. — Подумай лучше хорошенько. Неужели ты веришь графу?

— А почему я должен ему не верить?

— Потому что он нечестный и дурной человек. Он использует тебя в своих делах, а потом выбросит, словно пустой бурдюк. И, кроме этого, ты подумал, что будет со мной?

— Да что с тобой может случиться? — уже без прежней уверенности ответил Тасвел. — Я попрошу у него твоей руки и, надеюсь, граф позволит мне взять тебя в жены.

— Ты так думаешь? — горько усмехнулась Мелисса. — Он сделает меня своей наложницей, и никто даже не посмеет перечить королю...

— Что ты такое говоришь? — изумился Тасвел. — Граф Этельстейн — представитель славного и знатного рода, и обвинить его в том...

— Может быть, он и знатного рода, но мерзавец, можешь поверить, законченный. Мне лучше знать! — отрезала Мелисса, уже пожалевшая о том, что приняла решение отговорить Тасвела от преступления. — Так ты отказываешься идти со мной?

— Я так и не понял, о чем ты?

— Если ты не пойдешь к королю вместе со мной, я сделаю это одна!

— Да ты что? — нобиль крепко схватил ее за локоть. — Даже и не думай, ты все испортишь!

— Конечно, я хочу испортить весь ваш заговор! — девушка попыталась вырвать руку. — Пустить меня!

Тасвел перехватил ее запястье:

— Постой, — зашипел он, — не кричи, нас услышат!

— Ну и пусть! Сейчас закричу так громко, чтобы сюда пришли!

— Ну нет! — Тасвел попытался зажать ей рот ладонью, Мелисса вырвалась у него из рук и попыталась бежать к дорожке.

«Она выдаст нас королю, и вместо членства в королевском совете меня будет ждать подземелье тайной службы, пытки и позорная казнь! — стучало в голове нобиль, дрожь пронизывала все его тело. — За что такое невезение? Только что все было так хорошо, и вот...»

— Стой, предательница! — Тасвел, не осознавая от страха, что делает, выхватил кинжал и снизу вверх ударил Мелиссу в левый бок.

— А-а-ах, — выдохнула девушка и стала медленно оседать на траву, выскользая из его рук.

— Боги! — опомнился Тасвел. — Что же я наделал?

Леденящий ужас от содеянного охватил нобиль. Он только что убил девушку, на которой хотел жениться!

Как это получилось, Тасвел вряд ли смог бы себе объяснить... Он оглянулся вокруг. Было тихо и спокойно, только вдалеке слышались звуки инструментов да шум веселящейся толпы. Тело вновь охватила дрожь, и зубы сами собой лязг-

нули так громко, что Тасвел непроизвольно застыл на месте.

«Что же мне теперь делать?! Надо побыстрее убраться отсюда, пока здесь не появился какой-нибудь неожиданный свидетель. Хорошо, что никто не видел нас вместе,— промелькнула испуганная мысль.— Но вдруг заметили там, на танцевальной лужайке? — Озноб прошиб Тасвела, и он, словно зачарованный, оглядываясь на лежащее на земле тело, медленно направился в ту сторону, откуда слышалась музыка.— Надо будет сделать вид, что я ищу Мелиссу, спрашивать всех, не видели ли они ее, тогда никто меня не заподозрит...»

* * *

Альгимант тоже чувствовал себя не очень хорошо на этом веселом празднике. Случай во время турнира, устроенного бароном Саморой, вызвал достаточно много пересудов в обществе и прибавил сыну Бреганта поклонниц среди дочерей аквилонских нобилей. Но юношу это не радовало. Ведь среди этого сонма красавиц ему была нужна лишь одна-единственная, отношения с которой он сам же и испортил. Альгимант уже давно простил в душе девушку за ее своенравную выходку, могшую стоить ему жизни, и жалел о том, что потерял тогда хладнокровие и обошелся с Мелиссой столь круто и, может быть, несправедливо. Нельзя сказать, что до этого случая она предпочитала его другим кавалерам, но все же он не был и из последних и надеялся за-

нять место в сердце девушки, а вот поди же, как все получилось!

Они не разговаривали друг с другом с того самого дня, хотя прошло уже немало времени, и Альгимант уже больше не имел сил терпеть такое отдаление от Мелиссы, хоть отец постоянно советовал ему плюнуть на все это и заняться мужским делом.

«Сдались тебе эти столичные вертихвостки! — видя мрачное лицо сына, говорил Брегант.— Ты еще слишком молод, за каким демоном тебе сейчас жениться, да еще на падчерице графа Этельштейна? Придет время, подберем для тебя приличную девушку из хорошей семьи, а родство с этим ублюдком вряд ли принесет нам удачу. И не придумывай,— обрывал он порывавшегося возразить сына,— знаю, считаешь, что она не такая, как ее отчим, не той крови. Может так, а может быть, и нет. Кровь кровью, а все же Мелисса прожила в графском замке с самого, почитай, младенчества, а как ты знаешь, даже камень, лежащий в сыром месте, покрывается мхом, что уж тут говорить о людях. Выбрось эту блажь из головы, сынок, пока я только прошу, но скоро, видит Солнцеликий, потеряю терпение и посоветую Конану отправить тебя куда-нибудь подальше от столицы, хоть на границу к боссонцам, например. Изнежился ты здесь, я смотрю...»

Альгимант твердо решил на празднике в королевском саду подойти к Мелиссе и, наконец, решительно с нею объясниться. К его удаче, король отослал отца с важным поручением в Кор-

даву, и юноша был свободен от пристального отцовского взгляда. Однако, плану его все никак не удавалось исполниться, потому что в начале праздника король пригласил его за свой стол, и юноше пришлось сидеть среди приближенных Конана, потом его отвлек каким-то поручением Паллантид (все-таки Альгимант был офицером), так что когда он появился на лужайке, где веселилась молодежь, то Мелиссу там не увидел.

Юноша побыл там некоторое время, со всей возможной вежливостью отбиваясь от заигрывания столичных невест, но в паре танцев ему все-таки пришлось принять участие, и когда он, наконец, смог почувствовать себя свободным, то отправился на поиски Мелиссы. Он твердо знал, что девушка пришла на праздник, так как видел ее мельком вместе с графом Этельстейном на церемонии открытия.

Он обошел несколько аллей, надеясь на то, что предмет его вздыханий находится где-то поблизости, и подходил к каждому кружку веселящейся молодежи, но ни у кого не решился расспросить о цели своих поисков, не желая послужить лишним поводом для сплетен.

«Неужели она ушла с праздника, а я и не заметил этого? — сокрушался про себя Альгимант. — Вряд ли, ее отчим здесь, а она покидает приемы только вместе с ним, — ответил он на свой вопрос, заметив Этельстейна среди толпы придворных, с весельем внимавших какому-то рассказу короля. — Может быть, секретничает с кем-то из своих подружек? — подумал Альгимант и

огорчился своему предположению: — Если так, разговора у нас не получится, поднимет на смех, как обычно, и все...»

Юноша обошел по боковой тропинке площадку, где веселились король и придворные, стараясь держаться в тени деревьев, чтобы не попасться кому-нибудь из них на глаза. Если его окликнут, отвертеться не удастся, придется слушать какие-нибудь дурацкие рассказы барона Саморы или скабрезные воспоминания Этельстейна о его похождениях во время путешествий по Офиру и Кофу. Он их уже достаточно наслушался... Альгимант свернул на широкую аллею, освещенную светом масляных ламп, укрепленных на треножниках. Дорожка была пустынной, и только вдали какой-то, как показалось ему, придворный торопливо прошел до конца и свернул направо. Юноша медленно прошел вперед, не увидел более ничего, что могло бы привлечь его внимание, и уже намеревался повернуть обратно, как его ухо уловило нечто похожее на стон. Он замер, прислушиваясь, звук повторился слева от него. Альгимант сделал несколько шагов по направлению к обрамлявшему алею кустарнику и раздвинул ветви. Рядом со стволом раскидистого дерева он различил что-то, лежащее на земле, и, приглядевшись пристальнее, понял, что это человеческое тело.

«Кто бы это мог быть? — подумал молодой офицер. — Наверное, кто-то из гостей короля не рассчитал своих сил и завалился спать подальше от людских глаз. Не мое это дело, — он повернул-

ся, собираясь уйти, но вновь раздавшийся стон заставил его вздрогнуть.— Женщина?..»

Альгимант подошел поближе и, склонившись в полутьме, с ужасом узнал в лежащей на земле женщине в темно-вишневом платье ту, кого безуспешно искал. Это была Мелисса!

— Что с тобой? Тебе нехорошо? — спросил он, наклоняясь, чтобы приподнять девушку.

Он только успел подсунуть ладонь правой руки под ее плечи, как ощутил на пальцах липкую теплую жидкость. Кровь? Альгимант еще не воспринимал разумом в то, что произошло, но по каким-то неведомым человеку признакам уже понял: случилось ужасное...

— Мелисса! Родная! — в отчаянии воскликнул он, склоняясь к лицу девушки. Ее глаза были закрыты и веки даже не шевельнулись, когда он осторожно приподнял ее голову.— Ты меня слышишь? — горестно выдохнул Альгимант.— Кто?

Губы девушки дрогнули и почти неслышно прошептали:

— Бладобрей... король... на охоте...

— Что ты говоришь? Мелисса! — Альгимант попытался приподнять ее, чтобы прислонить к стволу дерева.— Я сейчас... за лекарем...

Через мгновение он понял тщету своих попыток: голова Мелиссы откинулась назад, и последний вздох слетел с губ девушки.

— Ауди! Сюда! — закричал Альгимант, опуская тело Мелиссы на траву.— На помощь!

Глава тринадцатая

огда Эсканоба и двое солдат на взмыленных лошадях подскакали к южным воротам Тарантии, ночь уже готова была покинуть улицы города.

— Кого там Нергал несет в такое время? — окошечко в воротах приоткрылось, и глаз стражника внимательно оглядел всех трех всадников.

— Открывай, Лапент! — гаркнул офицер, теряя терпение.— Не узнаешь меня, что ли, сонная мышь?

— А! Это ты, Эсканоба! — лязгнули засовы, и ворота, скрипя, стали медленно раздвигать свои створки.— А мы ждали вас только через пару дней. То-то я думаю... А где все остальные?

— Не твое дело! — обрезал его офицер.— Лучше скажи, у вас тут все в порядке?

— А что здесь может случиться? — на заспанном лице стражника отразилось искреннее удивление.— Слава богам, и не припомню уж, когда в Тарантии случалось что-нибудь такое уж сквер-

ное... ну, после возвращения короля Конана, я имею в виду. В королевском дворце, кстати, сегодня праздник, все нобили там веселятся.

— Успели! — выдохнул Эсканоба. — Хотя неизвестно, может быть именно сейчас... — он не договаривал, кивнув своим спутникам: — Давайте быстрее!

По тихим улицам дробно застучали конские копыта. Один переулок, второй, и небольшая кавалькада вылетела на широкую улицу, которая вела к королевскому дворцу, и скоро уже мчалась вдоль длинной каменной изгороди, окаймлявшей сад, из которого слышались звуки музыки, смех и гомон множества развлекающихся от души людей. Эсканоба с товарищами свернули на короткую притихшую улицу, и офицер осадил коня. Солдаты последовали его примеру, и теперь всадники двигались медленной поступью, направляясь к видневшемуся в нескольких десятках шагов дому.

— Тихо! — офицер легко спрыгнул с коня, солдаты сделали то же самое. — Дверь приоткрыта, видишь, Миттерус? Держи коней, мы с Тайретом посмотрим, что там, а ты пригляди пока за улицей.

Солдат расторопно выполнил приказ и схватил под уздцы лошадей, а двое Черных Драконов, словно тени, скользнули вдоль ограды и, оглянувшись еще раз на пустынную улицу, вошли внутрь дома. То, что они увидели при свете тускло мерцавшей лампы, заставило Эсканобу похолодеть: на полу, скорчившись, лежало тело, бу-

рое пятно, растекшееся около него не оставляло сомнения — человек, скорее всего, был мертв.

— Теплый еще... — Эсканоба приложил руку к шее мертвеца. — Совсем недавно зарезали. — Он перевернул тело на спину, и из перерезанного горла хлынула кровь. — Тихо! Может быть, бандиты еще здесь.

Тайрет взял тускло мерцавшую лампу. Они вытащили из ножен кинжалы и, осторожно двинулись вглубь дома, но ступенька старой лестницы предательски скрипнула, едва нога ступила на нее. Тут же наверху раздался топот, метнулся сполох света.

— Вот они! Быстрее! — Эсканоба рванулся наверх, его товарищ последовал за ним.

Черные Драконы, как молния, в мгновение ока очутились наверху, но поздно: в комнате царил страшный беспорядок, ящики кто-то перевернул вверх дном, но никого не было видно, лишь створка окна колыхалась от свежего утреннего ветерка. Офицер выглянул в сад, но и там никого не увидел.

— Упустили! — сплюнув от злости, прошипел Эсканоба. — На улицу, герои, надо успеть поймать их там.

В свою очередь, Миттерус, привязав поводья лошадей к стволу дерева и положив руку на рукоять меча, старательно всматривался в полумрак. Небо уже чуть-чуть посветлело, но было еще достаточно темно, и больше приходилось полагаться на слух, поэтому солдат сначала услышал, как в двух десятках шагов от него раздал-

ся шум, и лишь мгновение спустя смог увидеть две тени, спрыгнувших с каменного забора.

— Стой! — выхватив меч, он бросился к ним.

— Бежим! — крикнул кто-то из двоих, и они припустили прочь, в направлении горевшего на углу переулка фонаря.

Миттерус бегал не хуже доброго рысака, и через несколько мгновений уже приблизился настолько, что смог различить фигуры обоих беглецов. Еще пара-тройка шагов, и он в прыжке настиг ближайшего к нему.

— Стой, говорю! — гаркнул Черный Дракон, с размаха опуская свой клинок на спину беглеца.

Бежавший, вжав голову в плечи, попытался увернуться, но меч чиркнул по воздуху, и острие все-таки задело ему плечо. Он как-то по заячьи вскрикнул и споткнулся, а Миттерус в это мгновение обрушил всю силу своей левой руки на затылок преследуемого. Раздался сочный шлепок, и беглец кубарем покатился в канаву, где, дернувшись несколько раз, затих. Второй надал, и пока солдат, на миг остановившись, наблюдал за первым, успел метнуться к ограде дома и перемахнул во двор. Сзади слышались шаги, Миттерус оглянулся и различил подбегавших к нему товарищей.

— Это мы! — крикнул на бегу Эсканоба. — Ну что, поймал?

— Только одного! — указав кончиком меча в сторону канавы, крикнул в ответ Миттерус. — Второй вроде бы прыгнул туда.

— Давайте за ним, — приказал офицер, — а я займусь этим!

Солдаты рванули за беглецом, а Эсканоба, пригнувшись, принялся разглядывать скорчившееся в придорожной канаве тело. Руки, раскинутые в сторону, не двигались, чуть в стороне поблескивал кинжал. Офицер прыгнул к лежащему и схватил его за шею, но по тому, как обмякло в руках тело человека, понял, что вряд ли уже сможет чего-нибудь от него добиться: удар Миттеруса оказался смертельным.

— Поздно! У этого ничего уже не узнаешь, — сокрушенно заметил Эсканоба и, схватив человека за ворот куртки, вытянул из канавы на мостовую, чтобы лучше рассмотреть.

Офицер подтащил тело поближе к фонарю, по камням за ним тянулся кровавый след. Эсканоба перевернул труп на спину и обшарил карманы убитого. Там было несколько медных монет, но ничего такого, что могло бы навести хоть на какой-то след, он не нашел. Послышались шаги, и из-за угла появились Миттерус с Тайретом.

— Убежал? — сокрушенно спросил Эсканоба, хотя ему и так было ясно, что второго бандита его товарищи упустили.

— Все обшарили, но не нашли, — ответил Тайрет, разводя руками. — Быстроногий, гад, попался!

Пока Эсканоба возился с убитым, а солдаты гонялись за вторым беглецом, рассвет уже полностью вступил в свои права, и стало гораздо лучше видно все вокруг.

— Ну, ты и вдарил этому бандиту! — кивнул офицер на труп, обращаясь к Миттерусу. — Шею сломал своим кулачищем.

— Чуток не рассчитал, — виновато заметил солдат.

— Чуток! — засмеялся Тайрет. — Таким ударом можно и быка свалить. А что они искали в доме? — обратился он к Эсканобе.

— Если бы я знал, — огорченно заметил офицер. — Мне советник ничего не сообщил, приказал только охранять его покои. На всякий случай, Тайрет, посмотри в канаве, может, какая вещь и выпала из карманов этого ублюдка.

Солдат послушно направился к указанному месту.

— Ничего не вижу, — повернув голову, разочарованно сказал он, — пусто.

— Пес с ним, — махнул рукой Эсканоба. — Придется доложить наверх. Ты, Тайрет, слетай в казармы и найди Паллантида, или... — он посмотрел на небо, — сам понимаешь, еще рано, поищи, кто там сегодня дежурный. В общем, расскажи, что произошло. Дело непростое, надо предупредить. Мы с Миттерусом посмотрим еще в доме, может быть сообразим, что к чему. Да... — сокрушенно посмотрел он на труп, — не повезло.

Если бы Эсканоба знал, что выкатившийся из кармана Шарака перстень лежит сейчас в двух шагах от него, прикрытый только что слетевшим с дерева листом, незамеченный не слишком внимательно осмотревшим канаву солдатом!..

Глава четырнадцатая

утра в королевском дворце кипели приготовления к завтрашней охоте. Конюшие готовили лошадей и экипажи, проверяли прочность подков и сбруи, дробно звенел молоток кузнеца в дальнем конце двора, и скрипели ножи шорников под навесом.

Толпы слуг суетились по всему двору с тюками и корзинами, бурдюками с вином, связками кольев от шатров, из сараев выгонялись огромные телеги, на которые грузился весь этот скарб, ибо выезд был большим и все должно было быть приготовлено так, чтобы Его Величество и придворные не чувствовали ни малейшего неудобства, возвратясь к своим палаткам после удачной охоты.

Над двором стоял неумолчный гул голосов, выкрики и свист плетей, густой запах дегтя, которым смазывали колеса экипажей, словно укутывал все вокруг незримой пеленой и напоминал, что завтра все это скопище лошадей, пово-

зок, всадников и пеших двинется отсюда, и здесь на несколько дней, наконец, ненадолго воцарится тишина.

Варвару в своей жизни охотиться приходилось частенько, но, в основном, для того, чтобы добыть себе пропитание, а вот став королем, он посвящал этому занятию время скорее по правилам этикета, нежели по большому влечению. С другой стороны, его всегда привлекала возможность убратся на время из королевского дворца, вольная душа киммерийца требовала свежего воздуха, шороха ветвей над головой и стука копыт коня, когда он бросал его в погоню за оленем.

Конану было не очень по душе все свое время и силы посвящать государственным делам, бесконечным приемам и пиршествам, и хотя умом он понимал, что совсем неплохо быть королем и не заботиться о том, где приклонишь голову на ночлег, не придется ли уснуть голодным и как раздобыть денег на лишнюю кружечку винца, но сердце варвара начинало тосковать по многому из того, что он проклинал, когда приходилось переживать это раньше.

Иногда он был готов послать ко всем демонам эту королевскую жизнь и вновь почувствовать себя вольным и свободным от всех забот странником, который встречает рассвет в степи, где за каждым поворотом дороги его может поджидать опасность, и он рад, если чудом остался жив сегодня и сидит, довольный, в прокопченной таверне с кружкой кислого вина в одной руке и сви-

ным ребром в другой и слушает шум дождя за окном.

С окончания последних сражений с врагами прошло уже несколько лун, и киммериец чувствовал, как ему чего-то не достает в этой жизни, вроде вкуса в том самом свином ребрышке, если недотепа повар забыл или пожалел в должной мере натереть его чесноком. Правда, жизнь в королевском дворце тоже не была сплошным развлечением и мало ли что могло случиться, но все-таки его существование здесь не шло ни в какое сравнение с теми опасностями, каким он подвергался прежде.

Теперь, как-никак, на страже его персоны стояли королевские гвардейцы, Черные Драконы Паллантида, и огромное число поваров, портных, банщиков и цирюльников, танцоров и наложниц готовы были ублажать его плоть и дух столько, сколько пожелает король.

«Не гневи богов,— часто повторял сам себе киммериец, когда совсем уж начинала подступать тоска по вольной жизни,— все в их руках, и не смертному роптать на промысел Светлоликого или кого еще из этой братии. Можно подумать, ты к этому не стремился, и если будешь выказывать недовольство, раньше всех о тебе вспомнит не кто иной, как Нергал, и тогда придется хорошенько потрудиться, чтобы выбраться из того дерьма, которое сам на себя и накличешь».

Похоже, в последнее время как раз происходило что-то подобное, и киммериец своим звери-

ным чутьем ощущал, как вокруг него обвивается и стягивается не совсем понятная, но тревожащая цепь событий, каждое из которых вроде бы и не связано с другим, однако, собранные вместе, они заставляли его думать о том, как бы не проспать в неге и довольстве дворцовой жизни притаившуюся — он это чуял нутром — где-то совсем близко опасность.

«Клянусь Кромом,— размышлял Конан,— все это неспроста, и я должен своими варварскими мозгами распутать этот клубок и сообразить, кем и как он завязан. Конечно, куда проще иметь дело с открытым врагом, сколь бы хитер и вероломен он ни был, чем с аквилонским нобилем, который готов вылизать тебе до блеска задницу, но мгновенно воткнет нож под ребра, даже не стерев угодливой улыбки с холеной физиономии... Жалко девчонку, молодая, красивая...»

* * *

Невеселые размышления киммерийца прервал приход Паллантида.

— Ничего подозрительного мои люди так и не нашли,— сообщил он в ответ на вопросительный взгляд варвара,— сын твоего друга Бреганта тоже не сообщил ничего нового. Кстати, мой король, он просил личной встречи с тобой.

Конан кивком головы указал командиру Черных Драконов на кресло напротив себя:

— Садись. Раз уж твои ребята здесь оказались бессильны, то что мы с тобой можем придумать? Странно как-то все... Может быть, девушка отка-

зала кому-нибудь во взаимности,— предположил варвар,— а ее ухажер и...

— Не думаю, мой король,— возразил командир Черных Драконов, даже не дослушав своего повелителя, на что киммериец, впрочем, даже не обратил внимания,— хотя придурков среди наших нобилей хватает, но не настолько, чтобы резать девушек прямо в королевском саду посреди праздника.

Паллантид не слыл среди военных большим умником, и некоторые вещи понимал своим основательным, но не слишком быстрым умом не сразу, однако в этом случае варвар вынужден был признать правоту его рассуждений:

— Похоже на правду, клянусь Митрой. Тогда что же?

Паллантид молча развел руками, здесь его способности рассуждать о неизвестном, по всей видимости, благополучно заканчивались.

— Где Альгимант? — спросил король, вспомнив о сыне своего друга.— Может быть, он согласится поведать мне то, что не захотел раскрывать тебе?

— Он ждет за дверью. Позвать?

— Угу,— кивнул ему варвар,— а ты спокойно занимайся своими делами. Если будешь нужен, я тебя найду.

Командир гвардейцев гвардии вышел, и через мгновение в зале появился Альгимант. Поклонившись королю, он застыл у двери.

— Проходи, что встал,— грубовато приветствовал его Конан.— Какое у тебя дело ко мне?

— Мелисса перед смертью успела сказать мне несколько слов,— глухим голосом начал Альгимант, подходя к месту, где сидел король,— и я прошу тебя, мой король, отменить завтрашнюю охоту.

— Постой, постой,— прервал его варвар,— не так быстро. Я видишь ли, свои решения меняю очень редко, да еще тем более когда непонятно, по какой причине я должен это сделать. Что сказала девушка?

— Я понял, что кто-то собирается совершить на тебя покушение во время охоты.

— Покушение? — недоверчиво переспросил киммериец.— Из чего ты это заключил?

— Она сказала: «Брадобрей... король... на охоте».

— Брадобрей и король на охоте,— сузил глаза варвар.— Король на охоте,— повторил он еще раз,— ну и что с того? Действительно, она была права, я завтра собираюсь поохотиться, все знают об этом, только при чем здесь брадобрей? Явный бред, вот что я тебе скажу.

— Подумай хорошенько,— не смутившись от его взгляда, продолжал настаивать Альгимант,— человек умирает, и последнее, что он хочет сказать — это два слова: «король и охота». Тебе не кажется, будто она хотела предупредить меня о чем-то скверном, что может случиться с тобой на охоте?

— Не кажется,— отмахнулся Конан.— Ты не обижайся, я понимаю, что ты тяжело пережил ее гибель, но мало ли что может сказать женщина

в предсмертном бреду. Клянусь Кромом, я еще и не такое слыхивал от умирающих. Тем более, ты сам сказал, будто она упомянула еще какого-то цюрюльника.

— Она же не от горячки умерла,— взволнованно продолжал Альгимант,— а ее убили в твоём саду...

— Да, весьма неприятно, когда таким образом оканчивается праздник у короля,— сжал кулаки киммериец.— Прах и пепел, я буду не я, если не найду того, кто это сделал! Но не понимаю, каким образом ее смерть связана с моей охотой. Вроде бы обычная скромная девушка из знатной семьи. Не скажу, что я очень уважаю ее опекуна, но это не причина, чтобы подозревать ее в чем-то...

— Скорее всего, против тебя вновь образовался заговор, и она каким-то образом узнала об этом...— начал молодой офицер.

— Или она сама была среди заговорщиков! — перебил его киммериец.

— Нет,— побледнев, ответил Альгимант.— Она никогда не могла бы сделать этого, клянусь милостью Солнцеликого.

— Фью! — присвистнул киммериец.— Ты ведь не мальчик и сам знаешь, как иногда случается в этой хитрой и быстротекущей жизни. Мне приходилось видеть и не такое, но...— Конан задумался,— может, быть в твоих словах и есть маленькая доля истины. Вот такая,— король чуть расставил два пальца,— но не отменять же королевскую охоту ради столь неясных подозрений.

Хорошо еще, что ты не стал говорить о своих подозрениях Паллантиду, тот мне всю плешь проел бы.— Варвар явно преувеличивал, говоря о плачевном состоянии своей шевелюры — его жесткая черная грива не потеряла густоты со времен юности.— Скорее всего, ты что-то неверно расслышал.

— Нет,— Альгимант был непреклонен,— я не мог ошибиться, именно эти слова я слышал от нее. И у меня есть план...

— План? Я не ослышался? — удивленно поднял брови варвар.— Ты хороший воин, но мне кажется...

— Да, ты не ослышался,— пылко продолжал молодой офицер.— Хотя ты не очень-то веришь тому, что я говорю, все же предлагаю тебе, мой король, поменяться на время охоты одеждой. Ты наденешь мою, а я...

— Хочешь ненадолго почувствовать себя королем? — насмешливо перебил киммериец.— Что ж, ничего дурного в этом нет. На, поноси немного,— он стал стягивать с себя шитый золотом камзол,— хоть ты и пытаешься убедить меня в какой-то чепухе, для сына лучшего друга не жалко...

— Не смейся надо мной,— Альгимант печально покачал головой,— ты сможешь это сделать завтра, когда выяснится, что я ошибся и затея с переодеванием — бред человека, обезумевшего от потери любимой девушки. И все-таки я прошу тебя поступить именно так. Если те, кто, как я предполагаю, устроили заговор, попытаются на-

пасть на меня, я от них отобьюсь, если на то будет воля богов, а вот если они метят в тебя...

— Что ж ты думаешь, я не отобьюсь? — почти обиделся киммериец.— Видимо, успехи на турнире у Саморы слегка застили тебе глаза. Уж не кажется ли тебе, мой мальчик, что я не смогу сделать того же, что и ты?

— Конечно, можешь, и в сотню раз лучше,— поклонился молодой офицер,— вряд ли во всей Аквилонии найдется более искусный и сильный воин, чем ее король. Но ты не должен рисковать своей жизнью.

«К чему он клонит? — подумал Конан.— Нет ли здесь какого подвоха? Ладно, сделаю вид, что согласен, а завтра посмотрим».— Уговорил,— вслух рассмеялся киммериец.— Сделаем, как ты предлагаешь, это даже забавно, но бьюсь об заклад, что все это чепуха.

— Будем молить богов, чтобы это так и было,— серьезно ответил Альгимант.

«Это начинает мне нравиться все меньше и меньше,— выпроводив Альгиманта, подумал варвар.— Медальон молчит с тех пор, как я отправил Бреганта в Кордаву. Вряд ли его сын знает, что я уже предупрежден тем юношей из Немедии. Что ж, постараюсь перехитрить его, если все это подставка. Но если он заодно с замышляющим недоброе отцом, как бы мне ни было противно в это верить, то почему сейчас проклятый медальон не дал никакого сигнала? Думаю, завтра найду ответ,— хмыкнул про себя Конан,— не первый раз меня подстерегает опасность, и глав-

ное здесь — не хлопать ушами, рога Нергала им всем в печень!»

Он повеселел и, кликнув Паймора, велел принести вина:

— Да найди мне поскорее Паллантида, пройдоха!

Командир королевской гвардии словно подслушал мысль киммерийца, и не успел дворецкий выскользнуть из зала, как громадная фигура командира Черных Драконов возникла в дверном проеме:

— Скверные новости, мой король!

— Да что ты говоришь? — даже не пошевелил бровью варвар. — Не иначе, как на нас наступает армия Немедии?

— Об этом мы узнали бы давно, — серьезно ответил Паллантид, — а вот в доме твоего друга Бреганта сегодня ночью двое грабителей перевернули все вверх дном.

— Ну, это бывает, — усмехнулся киммериец. — Когда-то я сам молил Бела, чтобы у меня удачно прошли дела такого рода. Но насколько я помню, мой старый друг не очень уж и любил роскошь, так что вряд ли злоумышленникам могло особенно повезти. Поскольку ты говоришь, что их было двое, я так понимаю — они пойманы?

— Увы! — Паллантид виновато склонил голову. — Одному удалось убежать, а второго один из моих солдат отправил на Серые равнины. Не рассчитал удара, — почти с гордостью произнес он, — сломал шею, как цыпленку.

— Однако, — почесал бровь король, — большой силы парень. Я знаю его?

— Может быть, — ответил Паллантид, — его имя Миттерус.

— Миттерус? — переспросил киммериец. — Такой здоровенный детина, губастый, верно? — припомнил он еще одну приметку обладающего недюжинной силой солдата.

— Точно, — согласился командир Черных Драконов. — У тебя прекрасная память на лица, мой король.

— Не жалуюсь пока что, — усмехнулся Конан. — Я также припоминаю, что этот парень из десятка Эсканобы. Это раз, — он загнул один палец, — во-вторых, они должны быть где-то на пути из Зингары, потому что уехали вместе с Брегантом, — он загнул второй палец, лицо короля сделалось суровым, и он с металлом в голосе закончил: — И если ты объяснишь мне, почему твой солдат здесь и ловит воришек, если это является заботой городской стражи, а не королевской гвардии, то я подожду погибать третий палец...

— В том то все и дело, — начал было Паллантид, но остановился и, подумав немного, спросил: — Может быть, ты лучше захочешь выслушать их самих?

— Кого это — их? — не сразу понял, о чем речь, король.

— Ну, Эсканобу и его двоих солдат.

— Так что, Брегант вернулся?

— Нет, он прислал только своих людей...

— Давай их сюда,— Конан хлебнул изрядный глоток вина,— ты прав, так будет лучше. Кроме того,— остановил он Паллантида, двинувшегося было к двери,— тебе не кажется, что слишком уж много трупов появилось за последние несколько дней? Я уже начинаю думать, будто нахожусь не в Тарантии, столице благородной Аквилонии, не тревожимой ныне войнами, а, скажем,— он усмехнулся,— где-нибудь в Шадизаре времен моей молодости. Это там за ночь лихие ребята могли нарезать с десятков трупов, клянусь Кромом. Похоже, мои советники совсем разучились делать дело и только даром едят мой хлеб.

— Ты же сам отослал Бреганта в Зингару,— напомнил ему Паллантид,— а он твой главный советник, как я понимаю.

— Это ты, конечно, верно подметил, можно сказать, уличил своего короля,— мрачно отозвался Конан.

— Я не...

— Не извиняйся,— махнул рукой киммериец. — Боги тебя простят, я уверен... или демоны,— добавил он, подумав.— Зови своих головорезов, или шееломов, как их там... Разберусь, не первый раз.

* * *

Дурные новости в это утро посетили не только короля.

Граф Этельстейн, белый от ярости, срипнул зубами и, размахнувшись со всей силы, влепил пощечину Турамбару:

— Ты, сын недоношенного осла! Как ты смел явиться ко мне с такими вестями, ублюдок?

Бандит, окропляя графские сапоги кровью, капавшей из разбитого носа, рухнул на пол:

— Пощади! — взмолился он.— Это все Шарак, у него кольцо было, это он...

Вопль оборвался чмокнувшим звуком сапога, врезавшегося в физиономию незадачливому грабителю:

— Что мне с того, что перстень лежит в кармане трупа, или, того хуже, сверкает на пальце какого-нибудь стражника! — заорал Этельстейн в бешенстве.— Вам было сказано тихо и без шума найти перстень, а вы мало того, что наделали шороху...

Граф отвернулся к окну. Выдалась ночка, ничего не скажешь! Сначала кто-то зарезал его падчерицу прямо на королевском празднике, теперь вот эти ублюдки не смогли сделать самое простое дело...

— Уберите его,— махнул Этельстейн двум здоровенным слугам, все это время почтительно стоявшими у двери, ожидая приказаний.— Как обычно,— добавил он сквозь зубы.

Несчастный Турамбар верно понял слова своего господина, но сделать ничего уже не успел. Его короткий вопль мгновенно прервало движение дубинки, которой один из головорезов графа врезал жертве по затылку. Тело дернулось и затихло.

Слуги деловито подхватили за ноги того, кто только что был Турамбаром, и поволокли его

вниз, в подвал, и некоторое время Этельстейн еще слышал дробный стук бившейся о каменные ступени головы.

* * *

— Ну-ка, дай взглянуть! — вихрастый парнишка вырвал из рук своего товарища какой-то предмет и поднес ладонь поближе к глазам. — Ух ты! Вот это вещь, наверное, стоит немалых денег, — он причмокнул и с вождением уставился на найденный приятелем перстень, потом воровато оглянулся вокруг. — Давай смотаемся поскорее отсюда. Вдруг тот, кто потерял его, возвратится назад!

Оборванцы сорвались с места и, сверкая босыми пятками, помчались вдоль по проулку, выскочили на широкий проезд, и вскоре облачко пыли, поднятое ими, осело на мостовую, а топот ног стих где-то вдали за поворотом.

— Значит так, — отдышавшись, сообщил вихрастый своему товарищу, — я знаю, кому можно продать это без лишнего шума.

— Ну вот, — плаксиво затащил второй оборванец, — ведь я нашел его, а ты распоряжаешься, будто...

— Заткнулся бы лучше, — вихрастый поднес к его носу кулак. — Это видел? Только из нашей большой дружбы я согласен на то, чтобы разделить то, что мы за него получим, пополам. Мы же вместе увидели его...

— И нет, — заканючил его товарищ, — я первый, я...

— А я говорю, вместе, — тоном, не терпящим возражений, перебил его вихрастый, — а потом ты все равно такой дурак, — усмехнулся он, — что тебя либо облапошит какой-нибудь старьевщик, или, еще хуже, просто отберут перстень, и тебе останется только сопли утереть. Я же проверну все по-умному.

— А не обманешь? — подозрительно покосился на него мальчуган. — Помнишь, как в тот раз, когда мы еще обчистили сарай одноглазого купца...

— Ну, сравнил тоже, — в голосе отвечающего слышалось презрение, — совсем ничего не варит твой котелок! Хорошо, если уж тебе так хочется... — оборванец задумался на мгновение, видимо, соображая, какую-бы произнести клятву по сильнее, и, наконец, торжественно провозгласил: — Клянусь Солнцеликим, вот так...

— Ну, если самим Митрой, то тогда, конечно, — неуверенно ответил мальчишка и преданно заглянул в глаза своему товарищу: — А когда?

— Что когда? — не понял сразу вихрастый. — А-а-а, — протянул он неопределенно, — вот в полдень и пойдем к нему.

— К кому?

— К кому, к кому! Заблеял, как баран, — насмешливо ответил первый мальчишка, — к кому надо, к тому и пойдем. Тебе об этом знать совершенно незачем, вообще будешь ждать за углом, пока я схожу...

— А точно не обманешь?

— Верняк,— для убедительности вихрастый поднял глаза к солнцу, которое уже показалось над крышами домов.—Сказал же: клянусь Митрой, чего тебе еще надо...

— Понял, понял,— торопливо закивал головой мальчуган, видимо осознав, что если будет слишком надоедать приятелю, может вообще остаться безо всего,— я верю тебе, верю.

— Так-то,— важно протянул его товарищ,— к полудню приходи сюда, и пойдём.

Глава пятнадцатая

авалькада всадников, экипажей и воезов со скарбом растяннулась далеко по дороге, и пыль, поднятая колесами и копытами лошадей, уносилась легким ветерком в сторону, оседая на остатках листьев придорожных деревьев. Скрип колес, крики извозчиков, лай собак, громкие возгласы и взрывы смеха были слышны далеко вокруг. Королевский двор и благородные нобили отправлялись в Руазельский лес на лисью охоту.

Конан ехал верхом впереди всего каравана в сопровождении своих Черных Драконов.

Чуть сзади следовали ближайшие советники и приближенные. Королю полагалась походная карета, но киммериец, как всегда, предпочел быть в седле. Варвар почти не разговаривал ни с кем, углубившись в раздумья, и лишь иногда обменивался несколькими фразами с Паллантидом, почтительно следовавшим на полкорпуса лошади позади.

Путь предстоял неблизкий: надо было доехать до Хорота, переправиться вброд и остановиться на ночлег близ деревни Верхняя Суннила, а завтра ехать дальше по направлению к селению Мокрый Чорох, находящегося у самого края Руазельского леса. Варвар, усмехнувшись, потрогал висевший на груди под рубахой талисман, которым непонятно какая сила наградила его при последнем посещении королевских охотничьих угодий.

«Молчишь, сучий потрох? — без всякого почтения обозвал он волшебный медальон. — Значит ли это, что мне ничего не угрожает? Хорошо бы так, — подумал варвар, — но сердце мое продолжает чуять опасность, хотя я изо всех сил постарался не показать этого мальчишке, сыну Бреганта. За чередой непонятных убийств, без всякого сомнения, что-то кроется. Среди аквилонской знати у меня, разумеется, осталось много врагов, но вот если бы знать, кто они.... Посмотрим, конечно, что получится с этим смешным планом Альгиманта, — хмыкнул киммериец. — Я всегда был уверен, что он и его отец — верные мне люди... если бы не эта проклятая штуковина.

...Только ведь она может и ошибиться. Вот сейчас, например, я чувствую опасность, а медальон молчит. Как во всем этом разобраться? Ладно, чего голову ломать, — решительно оборвал сам себя Конан. — Поглядим, что из всего этого выйдет, а если что — отобьюсь от убийц, впервой, что ли?..»

Если бы он знал, о чем сейчас велся разговор в карете графа Этельстейна, то многое для варвара прояснилось бы настолько, что остальное, как говорят, было бы уже совсем не королевским делом.

С этим более чем успешно справился бы и простой палач с крепким кнутом из бычьей кожи.

— Ты узнал, в каком именно месте будет устроена охота? — обратился Этельстейн к маленькому плюгавому человечку в зеленом камзоле и шляпе с большим пером, говорившему о том, что его обладатель принадлежит к королевским егерям.

— Узнал, мой господин, — ответил человечек. — Недалеко от деревни Поледуи, там, где лес поднимается на холм, и вот за ним как раз и будет гон.

— Хорошо, — благосклонно взглянул на него граф. — Успеем хорошенько подготовиться. Ты все понял, Асгенор?

Колдун молча кивнул.

— Я на ночевке поговорю с Тасвелом, и мы наметим место, где он выставит своих лучников, а завтра вечером встретимся с тобой и все решим окончательно, — нахмутив брови, сказал Этельстейн. — И не забудь подготовить все, как договорились, — многозначительно добавил он.

Асгенор еще раз молча кивнул, покосившись на егеря.

— Он наш человек, — успокоил его Этельстейн. — Будущий главный охотничий короля, —

поднял вверх палец граф, отчего на лице человека появилась подобострастная улыбка.— Та-ким людям можно доверять.

* * *

Вихрастый не обманул своего подельника, и в полдень маленькие оборванцы уже подходили к дому на котором красовалась вывеска «Бреем, стрижем и пиявки», предвкушая как совершенно ненужный им перстенок обратится в груды монет, на которые можно не один раз плотно по-есть, и может быть, даже купить себе новые баш-маки.

Вихрастый исчез за дверью, но почти сразу же появился вновь, и по его разочарованному лицу было видно, что сделка не удалась.

— Отобрал? — упавшим голосом спросил то-варищ.

— Не повезло,— мрачно ответил вихрастый.— Он уехал с королевским двором.

Мальчуганы понуро стояли, молча соображая, к кому можно без особого риска обратиться даль-ше, раз уж цирюльника Асгенора не оказалось на месте.

— Эх, жалость какая, верный был человек,— со знанием дела протянул вихрастый.— Надо же, не повезло так не повезло.

Однако, как говорил один древний мудрец: если убудет в одном месте, непременно прибудет где-нибудь в другом.

Двум малолетним оборванцам, конечно, не повезло, зато судьба показала свое благоволение

к киммерийцу, оберегая его от появления в ру-ках его врагов заколдованного перстня. Зная, как воспользоваться этой вещью, они без большо-го труда смогли бы отправить короля Аквилонии напрямик на Серый равнины. Неисповедимы пу-ти богов!

— Есть мысль! — вдруг с довольным видом изрек младший из оборванцев.

— У тебя — мысль?! — донельзя удивился вихрастый, явно не ожидавший такой прыти от своего «подчиненного».

— А что? — шмыгнул носом мальчуган.— Я тоже могу придумать что-нибудь, не ты один та-кой умный...

— Ну, говори,— снисходительно разрешил вихрастый, чертя пальцем босой ногой затейли-вые вензеля на пыльной мостовой.

— Помнишь косого?

— Косого? Того, что прислуживал раньше в «Белом коне»? Этого придурка, я, конечно же, помню.

— Ну, это ты хватил! — огрызнулся его то-варищ.— И вовсе даже никакой он не придурок, раз его взяли на службу к такой благородной госпоже.

— Надо же, — насмешливо заметил вихрас-тый,— какие у тебя важные приятели. И за ка-ким демоном его туда взяли? Отпугивать лету-чих мышей? — он первым засмеялся своей шут-ке.

— Вовсе нет. Он пока что помогает повару на кухне.

— Повезло Косому, ничего не скажешь,— протянул вихрастый.— Наверное, всегда жратвы от пуза.

— Можешь не сомневаться,— подтвердил мальчуган.— Случалось, и мне кое-что перепало. Вот я и думаю...

Оборванцы еще долго спорили, но поскольку лучшего предложения все равно не нашлось, они побежали к дому благородной госпожи Эрионы, и их предприятие увенчалось успехом: вскоре каждый держал в руках по увесистому кошельку серебра, не в силах поверить свалившемуся на них неожиданному богатству.

Новая хозяйка перстня, в свою очередь, полюбовавшись игрой самоцвета, приобретенного за столь пустячную цену, со вздохом сожаления упрятала драгоценность в шкатулку.

Вздох объяснялся тем, что перстень был чересчур велик для изящной женской ручки, но прелестная Эриона здраво рассудила, что такую прелестную вещицу она может подарить одному из своих знакомых, или же продать за гораздо большую сумму.

* * *

Кости разлетелись к разным углам стола, но легли весьма недурно для бросившего их Малера.

— Ну как? — победно захохотал он.—Считай, эта пара монет моя!

— Посмотрим,— не сдавался Эсканоба, забирая кости в ладонь.

Он долго тряс их, потом, крикнув, бросил. Опять раздался довольный хохот Малера: у его командира вышло всего два очка.

— Еще разок? — сгребая в карман монеты со стола, предложил он.

Эсканоба уже готов был ответить, как в помещение вошел солдат.

— Еще один! — сообщил он.

— Где? — хором спросили оба офицера, которым не надо было объяснять дополнительно, о чем говорит их подчиненный: любому было понятно, что найден еще один труп.

— В «Луне и яичнице», точнее, рядом с таверной,— отчеканил солдат.

— Ну вот! — проворчал Эсканоба, нехотя отрываясь от стола.— Ни дня покоя в этом городе... Иди, Малер, посмотри кто там и что. Да не забудь, о чем говорил Паллантид, и возьми с собой кого-нибудь из этих...

Он пощелкал пальцами, и лицо его приняло насмешливое выражение, потому что Черные Драконы не особенно жаловали людей из тайной службы.

— Ладно,— усмехнулся Малер, и кривые ноги уверенно понесли офицера к выходу.— Скоро вернусь, продолжим,— обернулся он у дверей.

— Угу,— кивнул головой Эсканоба, оставаясь один.

В отсутствии Паллантида именно он замещал начальника королевской гвардии и командовал той половиной Черных Драконов, которые оставались охранять дворец.

Такое высокое доверие объяснялось тем немаловажным обстоятельством, что Эсканоба умел читать и писать, а это не так уж и часто встречалось среди гвардейских офицеров. Кроме того, он был предан, честен и умеренно неглуп — а чего еще желать командиру от своего подчиненного?!

Кроме обычных наставлений именно сейчас Эсканобе строго-настрого было приказано не оставлять городских стражников без надзора и особенно тщательно расследовать каждый случай убийства, которое может произойти в городе.

Именно поэтому бедняге Фрею относительно повезло, и его не просто закопали на пустыре за городской свалкой, как происходило обычно с теми неизвестными, чьи трупы находили на улицах.

Его тело привезли в подземелье дворцовой тюрьмы, где сыщики тщательно вывернули карманы его одежды и положили в особый мешочек все находившееся при нем вещи, а также со скрупулезностью опросили посетителей «Луны и яичницы» и других близлежащих таверн и постоялых дворов на предмет, не узнает ли кто незнакомца.

В общем, к вечеру Эсканоба уже записывал на большом пергаменте со слов своих людей все, что можно было узнать об убитом.

Хотя сведения были довольно скудные, а имя и происхождение этого человека остались неизвестными, все же, хвала богам, на листе кое-что оказалось записано.

Кое-кто из свидетелей признал в мертвом теле красноносого торговца лесом откуда-то с севера Аквилонии.

Более того, один брадобрей даже припомнил, что именно его он видел в цирюльне своего хозяина, господина Астенора, несколько дней тому назад.

— Приезжий, зашел побриться, — отмахнулся офицер. — Тоже мне сведения!

— Но этот человек заходил к самому хозяину.

— Это другое дело, — насторожился Эсканоба. — А сам цирюльник что говорит? Допросили его?

— Его нет, господин офицер, — почтительно ответил дознаватель. — А в цирюльне сказали, что он уехал с двором на охоту.

— Рога Нергала ему в бок! — выругался Эсканоба. — С каких это пор брадобреев приглашают охотиться вместе с королем? Вроде бы при дворце и своих цирюльников хватает... Ладно, запишу и это. А ты, — ткнул он пальцем в грудь сыщика, — хорошенько тряхни его людей, пусть покопаются у себя в головах и расскажут побольше о жизни своего хозяина. Если что забудут, разрешаю освежить им память, сам знаешь каким образом, — усмехнулся он. — Слава Солнцеликому, у нас в подвалах найдутся большие мастера в таких делах. Только не перестарайтесь! Иди, — кивнул он, обмакивая перо, — я пока все запишу. Да! — остановил он парня. — Узнай, кто еще заходил в эту цирюльню. Мало ли что... А

впрочем, чего я тебя учу, сам все знаешь лучше меня, не мальчик. Короче говоря, давай... одна нога здесь — другая там, и пока все толком не разузнаешь, не возвращайся!

Глава шестнадцатая

лучаются поздней осенью такие дни, когда кажется, что вновь возвратилось лето — для того, чтобы окончательно попрощаться со всеми до следующего года. Воздух чист и свеж, а солнце ярко сияет на прозрачном небе, одаряя землю последним теплом, и не чувствуется ни малейшего дуновения ветерка, так что если бы не деревья, с которых облетела почти вся листва, можно было бы подумать, что до зимы еще далеко.

Огромное поле за деревней Поледуй раз в год преображалась: огромное множество всадников в расшитых золотом костюмах и шляпах с яркими перьями, своры собак, рвущихся на поводках и еле сдерживающие их егеря, звук рожков, веселые крики и смех, предвкушающих удачный гон охотников... Словом, королевская охота вот-вот должна была начаться!

— Мой король, ты не забыл? — тихо окликнул кто-то Конана.

Он оглянулся. Альгимант в синем камзоле на точно таком же, как и у него самого, белом коне, смотрел сосредоточенно и чуть, как показалось киммерийцу, угрюмо.

— Ты по-прежнему считаешь, что надо поступить так, как ты предложил? — спросил варвар.

— Мы же договорились, мой король, — почти дерзко ответил юноша. — Если я окажусь неправ, никто из нас не проиграет. Ты еще позабавишься, посмеявшись над глупыми опасениями возмнившего невесть что щенка. Но заклинаю тебя не отвергать моего совета. Я буду ждать твоего решения вон за той опушкой, — он, не поднимая руки, указал плетью на дальний угол поля. — А дальше все окажется в руках богов.

— Ну, если так... — нехотя проговорил Конан, не особенно привыкший подчиняться чужому мнению. — Раз договорились, пусть будет по-твоему.

Альгимант повернул коня и, не говоря больше ни слова, поскакал прочь, на правый фланг растянувшихся подковой охотников, в центре которой стояли королевские егеря, готовые, по приказу короля, трубить в горны, возвещавшие начало осеннего гона. Конан некоторое время неподвижно смотрел вслед удалявшемуся юноше, потом перевел взгляд на подъезжавшего к нему главного егеря.

— Все наконец готово, мой король, — почтительно склонил голову охотничий, — прикажешь трубить?

— Давай, — равнодушно разрешил киммериец, которому вдруг разонравилось и это чистое небо, и ядреная свежесть осеннего воздуха, и даже охваченный охотничьим азартом строй придворных начал его чем-то раздражать. — Давай, — повторил он егерю, который с некоторым недоумением смотрел на него, — я же сказал: начинай.

Егерь хлестнул коня и тот, взвившись на дыбы, опустил ся через мгновение на все четыре копыта и потом, ведомый опытной рукой, галопом поскакал к трубачам.

Трубы взвыли, и над полем полетел их напевный и тягучий звон. Собаки, разделенные на несколько свор, понеслись в разных направлениях, вытягиваясь вслед за жоками каждой стаи в извилистые ленты, мелькавшие среди стеблей уже подсыхающей желтоватой травы. За ними с гиканьем и свистом устремились группы охотников, стремясь не упустить из виду собак и поймать тот момент, когда они начнут гнать вперед дичь, до той поры притаившуюся в кустах и на опушках леса.

Конан, как и было договорено, поскакал вслед за правой от него группой собак, которые взяли с самого начала направление именно в ту сторону, где они собирались встретиться с Альгимантом.

В мгновение ока та часть луга, где только что толпились празднично одетые люди, опустела, и охотники живописными группами рассыпались по всему пространству, окаймленному с трех сторон синеватой стеной леса.

— Скачите вперед! — крикнул Конан сопровождающему его Паллантиду с несколькими гвардейцами.

— Но...— начал было командир Черных Драконов.

— Никаких «но»! — гаркнул варвар, приподнимаясь в стременах.— Ждите меня там, у дуба! — Он указал вперед, где в пяти сотнях шагов возвышалась громадное дерево.— Я сейчас буду!

Он направил своего коня чуть правее, и скоро уже был в том месте, где они договорились встретиться с Альгимантом.

Тот ждал короля, держа коня за повод.

— Я рад, что ты внял голосу разума, мой король,— приветствовал его молодой офицер.— Вот мой камзол. Давай поменяемся одеждой.

— Ладно,— махнул рукой киммериец, уже второй раз за это утро пропуская мимо ушей уверенный до дерзости тон юноши.— Поноси королевский наряд. Надеюсь, что все наши приготовления окажутся напрасными, но все равно благодарен тебе за заботу,— насмешливо поклонился Конан, влезая в синий камзол Альгиманта.— Надо же, как раз впору. Ну, вперед, герой! Увидимся после охоты,— он махнул рукой и стегнул коня плеткой.

Молодой офицер, в свою очередь, неторопливо натянул на себя королевскую одежду, вставил ногу в стремя и, не спеша, поехал вдоль опушки леса, внимательно осматриваясь вокруг.

«Заговорщики должны каким-то образом проявить себя,— думал он, направляя своего коня

так, чтобы деревья не закрывали его,— значит, у меня есть преимущество. Они не знают о том, что мне известны их замыслы. Наверное, пошлют пяток бандитов, с ними я попробую справиться,— юноша положил руку на рукоять своего меча,— пусть рискнут своими головами, не возражаю».

Он не чувствовал страха. После того, как он держал в своих объятиях мертвое тело девушки, которую любил всей душой и с которой обошелся так по-детски жестоко, у Альгиманта внутри что-то надломилось, и он уже не думал о себе. В сущности, ему было все равно, что с ним произойдет, и лишь желание не позволить неизвестным заговорщикам осуществить свои гнусные намерения и тем самым как бы выполнить последнюю волю погибшей Мелиссы придавало ему силы и хоть какое-то желание существовать.

Молодой офицер уже довольно долго ехал так в одиночестве вдоль края леса, далеко впереди слышались крики охотников и хриплый лай собак, но ничего подозрительного не происходило. Альгимант уже начинал думать, что Конан оказался прав и ему просто померещились те слова, которые слетели с губ умирающей Мелиссы. Ничего! Ровным счетом ничего!

Вдруг впереди послышался шорох, и на поляну выбежала лисица. Она метнулась чуть не под ноги его коня и стремительно побежала вдоль опушки.

Пышный хвост рыжего зверька замелькал среди низкорослого вереска, иногда вовсе пропадая

за стволами деревьев, но потом вновь появлялся, словно дразня охотника. В юноше разыгрался охотничий азарт: он с детских лет с наслаждением участвовал в осеннем гоне. Альгимант гикнул, прищипорил коня и помчался за дичью, нащупывая дротик в седельной сумке. Главное в охоте за лисой было не дать животному достичь чащи леса, где оно могло бы легко укрыться от погони среди зарослей и где конь вряд ли был бы помощником, поэтому молодой офицер сразу же принял правее, стремясь отсечь зверю спасительный путь.

Если бы охотник скакал вслед за сворой собак, то эту задачу выполнили бы они, но теперь он сам не без успеха сумел сделать это. Лисица бежала стремительно, но конь был гораздо быстрее, и вскоре Альгимант уже хорошо видел спину зверька и приподнялся на стременах, изгнанный дротик к броску. Вот животное уже почти под ним, каких-то десять-пятнадцать шагов оставалось между охотником и его добычей. Альгимант отвел назад руку, выбирая момент для броска, и в этот миг почувствовал резкую боль в правом плече.

«Стрелы! — мелькнула мысль. — Глупец! Как я не подумал об этом!»

Юноша, осаживая коня, развернулся в том направлении, откуда был произведен выстрел, но тут еще три стрелы, просвистев в воздухе, впились ему в грудь.

Альгимант рухнул из седла, и некоторое время конь еще тащил за ногу его запутавшееся в

стремени тело, но потом оно, зацепившись за дерево, замерло на земле, лицом вниз.

— Готов, клянусь Митрой! — раздался голос, и на поляну выбежали несколько человек, среди которых был Тасвел. — Мы сделали это! Теперь в нашем королевстве все будет по-другому, и не варварам править аквилонцами!

Он подошел к лежавшему на земле без признаков жизни человеку и, наклонившись, перевернул его лицом вверх.

То, что он увидел, заставило его вздрогнуть. Тасвел почувствовал, как его тело охватывает мелкий озноб, моментально сковывавший все его члены.

— Нет! — почти нечленораздельно прохрипел он. — Этого не может быть!

Человек в шитом золотом черном королевском камзоле, украшенным вензелями правителя Аквилонии, глядел на него мертвым потускневшим взором, но это был не проклятый варвар, а его недавний соперник по турниру и по благосклонности Мелиссы, сын советника Бреганта, ненавидимый им Альгимант! В другой момент Тасвел несказанно обрадовался бы такому событию, но теперь...

— Проклятье! — Ноги молодого нобилия подкосились, и он рухнул на колени. — Но где же тогда король?!

Он сбросил перчатку и правой рукой потряс тело за плечо, словно можно было ожидать, что Альгимант сможет превратиться в киммерийца. Голова юноши откинулась назад, и рот его слег-

ка приоткрылся, как будто насмехаясь над своим убийцей.

— О-о-о! — застонал Тасвел, обхватив голову руками.

Окружившие его пять человек с недоумением взирали на происходящее, также не веря своим глазам и холодея от страха и досады. Наконец, один из них решился приблизиться к Тасвелу, который словно безумец, продолжал стоять, раскачиваясь из стороны в сторону:

— Господин! — тронул он его за плечо. — Надо быстрее уходить отсюда. Неровен час...

— Пошел к демонам! — оттолкнул его нобиль. — Теперь все пропало!

— Господин! Пока нас никто не видел, ничего не потеряно, а вот если кто-то придет сюда раньше, чем мы уберемся, то тогда я не поручусь за наши жизни.

Тасвел, которого продолжала сотрясать дрожь, тем не менее внял голосу рассудка и уговорам лучника. Он заставил себя подняться на ноги и, махнув рукой, направился в чашу леса, где на опушке они оставили своих лошадей.

«Это кара богов! Я убил двух человек, но все напрасно, — мелькнула у него мысль. — И что теперь скажет Этельстейн? Нас обманули! — внезапно понял он. — Значит, король все знал, или хотя бы догадывался, — похолодел он. — Это конец...»

Как замороженный, Тасвел забрался в седло коня, услужливо подведенного кем-то из его людей, и медленно поехал по тропе к тому месту,

где они договорились встретиться с графом. В его голове уже не было никаких мыслей, только тупая и покорная судьбе безнадежность. Не хотелось ничего, ни думать, ни чувствовать, было только одно желание — уснуть и не видеть ни этого проклятого леса, ни покачивающихся в седлах притихших спутников, ни даже клочка пронзительно голубого неба над головой. Все пропало...

Молодой нобиль даже не заметил, как пространство вокруг них стало как бы сгущаться и темнеть, и только панические крики ужаса сопровождавших, заставили Тасвела очнуться.

Он поднял голову и увидел, даже скорее почувствовал, как черное облако, спустившееся неизвестно откуда, охватило его тело, а мерзкая, холодная и липкая слизь сковывает движения, впиваясь в тело тысячами мелких колючек. Тасвел попытался сбросить с себя наваждение, но, к его ужасу, это была явь, столь же реальная, как едва различимые сквозь черноту небо над головой и стволы деревьев вокруг.

Последнее, что увидел молодой нобиль, были тела его спутников, корчившихся от невыразимой муки, в этот момент жуткая боль пронзила все его тело, в глазах стало темно, и Тасвел перестал чувствовать и соображать.

Все действительно было кончено.

— Отличная работа, — похвалил сам себя Асгенор, все это время внимательно наблюдавший издали за покушением на короля и бегством стрелков с места преступления. — Теперь никто

ничего рассказать уже не сможет. Этельстейн будет доволен.

Колдун почти бегом спустился с пригорка и вскочил на коня, мирно щипавшего травку на опушке леса. Асгенор был почти счастлив, предвкушая богатую и сытную жизнь, когда он займет важный пост при новом короле. Ведь с ним-то не может случиться того, что произошло с этим мокрохвостым щенком, поверившим в посулы Этельстейна!

* * *

— Ты с ними покончил? — граф Этельстейн откинулся в седле, придерживая рукой поводья. — Все как договорились?

— В лучшем виде, — усмехнулся Асгенор. — Пришлось попотеть, не без этого, зато теперь никто и никогда не узнает, кто убил варвара. На всякий случай, тем кто заинтересуется их трупами, я приготовил подарочек. Признаюсь, видел все только издалека, но сделали свое дело они хорошо. Конан рухнул, как подрубленный, — засмеялся он. — Правда, твой Тасвел все-таки оказался слабаком, зарыдал вроде бы над мертвым телом короля. Или это он так от радости?.. Все равно, хорошо, что мы его убрали. Теперь чем прикажешь заняться?

— Да, собственно говоря, мы почти все уже и сделали. Осталось избавиться от королевского цепного пса Паллантида, но это мои люди делают и без тебя. Можешь готовиться к должности канцлера, или советника. Ты еще не выбрал,

кем хочешь стать? — подъезжая ближе к Асгенору и полуобнимая его правой рукой, спросил Этельстейн. — Сам понимаешь, я столь многим обязан тебе, что моим долгом является выполнить любую твою просьбу. Клянусь милостью Митры!

— Я бы... — осклабившись в ухмылке, начал колдун, но договорить не успел, потому что нож, который Этельстейн до поры прятал в рукаве камзола, аккуратно вонзился в шею Асгенора. — П-пы-пы, — замычал недалёковидный и слишком самоуверенный маг, розовая пена выступила на губах несостоявшегося царедворца и, покачнувшись, его тело сползло с седла.

— Ну вот так совсем хорошо, — удовлетворенно усмехнулся Этельстейн. — Тоже мне, канцлер выискался. Эй!

Двое человек выскочили из зарослей.

— Уберите эту пададь куда-нибудь подальше. Надо же и лесному зверю чем-нибудь поужинать, — засмеялся граф своей шутке. — И давайте живо за мной. Мы должны быть в Тарантии прежде, чем приспешники киммерийца сообразят, что к чему.

Он поскакал вперед к дороге, не оборачиваясь на своих слуг, которые за ноги оттащили труп Асгенора подальше в лес. Теперь дело было за малым: надо было поспешить в столицу и занять королевский дворец прежде, чем захваченные охотой придворные, обнаружив отсутствие короля, устроят погоню. У Этельстейна уже был наготове отряд верных ему людей, с которым он

надеялся без труда расправиться с теми, кто остался в Тарантии и захочет воспрепятствовать его воцарению на троне. Хотя граф был уверен в том, что Черные Драконы вряд ли станут ввязываться в драку, узнав, что их король мертв. Какая разница солдату, кому служить, лишь бы им хорошо за это платили. Конечно, неплохо бы с известием о гибели Конана привезти в столицу еще и голову их командира Паллантида, но пусть пока поживет: может быть, и пригодится в дальнейшем, все-таки хороший воин... Сейчас осталось только отделить голову бывшего короля от туловища, чтобы доказательство победы было налицо. Этельстейн еще издали, подскакав к черному камню, увидел лежащее на траве тело с обломками стрел, торчащими из спины.

— Ха-ха! — Он потер руки. — Вот что значит успеть вовремя: был варвар королем могущественной державы, а теперь он кто? Труп!

— Отрежьте голову и положите в мешок, — властным голосом приказал граф подскакавшим за ним слугам. — Будет что показать этим придуркам в Тарантии!

Слуги спешили и направились к лежавшему в десятке шагов от них телу. Один из них привычным движением взмахнул мечом, но внезапно остановился и повернулся к Этельстейну:

— Господин, — хрипло проговорил он. — Клянись богами...

— Что такое? — недовольно воскликнул граф. — И тебя, как этого дурня Тасвела, охватило запоздалое почтение к Его Величеству?

— Н-нет, — с трудом выдавил из себя второй. — Это не он...

— Кто не он?! — соскакивая с лошади, гаркнул Этельстейн. — Что вы, лоботрясы, морочите мне голо... — он умолк на полуслове и лицо его страшно исказилось.

Слуги были правы: перед ними, одетый в королевский, шитый золотом, камзол, лежал не киммериец, а сын Бреганта Альгимант. Еще не веря в случившееся, Этельстейн сделал два шага вперед и пошатнулся, еле устояв на ногах. У него потемнело в глазах, и слуги с тревогой наблюдали за своим господином: лицо графа налилось кровью, глаза вылезли из орбит, казалось, он вот-вот рухнет на землю. Такого удара судьбы ему не приходилось переживать в своей жизни, кончики пальцев онемели, дрожь пронизала все тело.

«Почему сын советника? Королевский камзол? — вихрем, обгоняя одна другую, закружились в голове Этельстейна бессвязные мысли. — А куда же смотрел Асгенор? Король все знает?»

Он не вполне владел собой и некоторое время стоял, как истукан, тупо уставившись на мертвое тело. Слуги, со страхом глядя на него, тоже не шевелились, ожидая каких-то действий своего хозяина. Наконец, граф все-таки справился с охватившей его дрожью и с усилием процедил сквозь зубы:

— Чего уставились, бездельники? Поехали отсюда! И запомните, вы ничего не видели, мы весь день охотились. — Он направился к лошади и с трудом взобрался в седло.

«Собственно говоря,— невероятным усилием воли взяв в себя в руки, подумал граф,— бояться мне особенно нечего. Тот, кто мог бы рассказать о заговоре, гуляет сейчас по Серым равнинам, в своих слугах я уверен... Как все получилось таким образом, известно только богам. Что ж, подождем другого удобного случая. Надо обязательно отыскать перстень... Пожалуй, колдунешку-цирюльника я прирезал напрасно, он сейчас бы пригодился,— граф скрипнул зубами в досаде.— Поторопился, моя ошибка. Но кто же мог знать, что так получится. Так что же теперь делать? — он оглянулся вокруг.— А ничего,— успокоительная мысль пришла сама собой.— Ничего не надо делать, а просто вернуться с охоты, как и все остальные».

Этельстейн немного повеселел и, обернувшись к своим подельникам, scomандовал:

— Давайте быстрее! Нам надо успеть покрутиться среди охотников, чтобы все меня видели. Где они?

Всадники остановились и некоторое время прислушивались.

— Вон там! — указал один из слуг.— Слышишь, собаки?

— Ну и хорошо,— граф хлестнул плетью коня, и все трое поскакали в том направлении, откуда слышались звуки охоты.

Глава семнадцатая

Вновь, как и утром, поляна возле деревни была заполнена толпой людей, верховых и пеших, снова слышался лай собак, крики и смех множества охотников, похвалявшихся своими трофеями. Расторопные слуги, подготовляемые дворецкими, натягивали ткань шатров и расставляли длинные дубовые столы, за которыми их господа будут пировать сегодняшним вечером, празднуя окончание осеннего гона. Над разожженными кострами на вертелах уже крутили бараньи туши, разносились бурдюки с вином и бочонки с пивом.

Возле королевского шатра толпились придворные, слушая рассказ Саморы, который, как обычно, веселил собравшихся своими рассказами, и взрывы хохота неслись над полем после каждой его шутки.

Конан почти не прислушивался к немудрящим историям барона и настороженно вглядывался в каждого всадника, который направлялся

к скоплению придворных. Еще не все вернулись с охоты и беспокоиться вроде бы было не из-за чего, но киммериец своим звериным чутьем, отточенным за многие годы опасностей и смертельных приключений, уже чувствовал, что с сыном Бреганта что-то случилось. Или ему мерещится? Вот кто-то показался вдали, на краю леса. Варвар сощурил глаза, всматриваясь. Нет! Это скачет граф Пуантенский, окруженный своей челядью. Или вон там, одинокий всадник, не Альгимант ли? Опять не он, а советник Патриан. Неужели Альгимант все-таки оказался прав? Конан с хрустом сжал кулаки, он не привык следовать за событиями, а всегда старался держать нити происходящего в своих руках, или хотя бы понимать, что происходит.

«Кром! — хмыкнул он про себя. — И на этот раз мне придется надеяться лишь на свои силы... или, как сказал сын Бреганта, на милость богов! Да где же он, в конце концов, прах и пепел!»

— Король! — подкатился к нему дворецкий. — Все готово! Прикажешь начинать?

Киммериец оторвался от своих раздумий и потянул носом. Ноздри приятно щекотал запах жареного мяса и приправ, доносившийся со стороны ярко горевших костров.

— Зови! — сощурившись, буркнул варвар. — Не люблю, когда мясо подают пересушенным.

Он поднялся с места и, сопровождаемой толпой нобилей, направился к накрытым столам.

«Никогда не надо оставлять на завтра то, что можно съесть сегодня, — почему-то вспомнил он

поговорку одного своего давнишнего подельника. — Верно подметил Ловкач, — усмехнулся киммериец, — дела делами, а хороший ужин не помешает при любых обстоятельствах. Может быть, все и не так плохо, как мне кажется. И король не всегда бывает прав».

— Все ли вернулись с охоты? — тем не менее, спросил он вполголоса Паллантида, усаживаясь за стол.

— Сейчас спрошу. Тагмор! — повернулся командир Черных Драконов, подзывая к себе офицера. — Но сразу же могу сказать, что не вижу сына советника Патриана, — Паллантид привстал, оглядывая длинный стол. — Так... — он отдал распоряжения своему подчиненному и вновь опустился на стул рядом с королем, — сейчас все разузнаем.

— Думаешь, он заплутал в лесу?

— Все бывает, — рассудительно ответил Паллантид. — Помнишь, как ты сам свалился с косогира тогда? Мы тебя не сразу нашли, уж и не знали, что думать.

— Угу, — согласился киммериец, впиваясь зубами в изрядный кусок бараньего бока. Некоторое время он молчал, с аппетитом прожевывая сочное мясо, потом добавил: — Угораздило же меня провалиться непонятно куда. Лес большой, для каждого медведя найдется своя берлога! — хохотнул он. — Может быть, и этого парня вытаскивают сейчас из какой-нибудь ямы!

— Да я что-то его с самого утра не видел! — заметил сидящий напротив барон Тальпеус. —

Правда ведь, Альвий? Мы с тобой почти все время были вместе.

— Он прав,— степенно ответил граф, отхлебывая из своего кубка,— как только протрубил рог к началу, он сразу же поскакал от нас. Наверное, хотел больше всех настрелять дичи, чтобы у него под ногами никто не путался! Такая уж молодежь пошла...

— Ха-ха-ха! — покатился со смеху Самора.— А помнишь, как в прошлом, нет,— поправился он, — в позапрошлом году граф Этельстейн чуть не провалился в болото?

— Точно! — подхватил Этельстейн.— Я здорово вымок тогда в проклатущей трясине! Вернулся весь грязный, хуже, чем скотник! Нет уж, теперь я предпочитаю поменьше дичи, но зато оставаться сухим и чистым! Стоит ли лезть неведомо куда, не зная, выберешься ли обратно!

— Вот сегодня ты и вернулся с пустыми руками! То-то я вижу, что даже побледнел от неудачи! — захохотал Альвий тыча в него пальцем.

Все принялись вспоминать случившиеся с ними на прошлых охотах приключения, и вдоль по столам понеслись волны смеха, крики перебивавших друг друга людей — в общем, установилась обычная для пиров веселая и шумная обстановка. Конан тоже отвлекся от своих дум и присоединился к общему веселью. К действительности его вернул Паллантид, который склонился к уху киммерийца и произнес:

— Король, ты приказал узнать, так вот, докладываю: из приехавших с нами на охоту на пи-

ру нет двоих: Тасвела, сына твоего советника Патриана и Альгиманта, сына генерала Бреганта.

— Ишь ты, сыновья какие у моих советников, видимо, любят ночные прогулки по лесу. Селянок, должно быть, нашли хороших,— попытался обратить все в шутку Конан, но сам чрезвычайно встревожился — такие совпадения вряд ли могли оказаться делом слепого случая.— А их слуги?

— Только люди Альгиманта на месте, их уже расспросил мой офицер, но они ничего путного сказать не смогли. Слуг Тасвела в лагере не оказалось.

— А что говорит советник Патриан? — тихо, чтобы их не услышали сидящие рядом, спросил киммериец.

— Он с начала охоты не видел Тасвела, но сказал, что сын взрослый мужчина, он ему не сторож, сам позаботится о себе, если что.

— Если к утру не вернутся, пошли людей на поиски,— приказал король командиру Черных Драконов.— Не нравится мне все это...

Тут грянули звуки музыки, и на подсвеченную факелами поляну выпорхнула дюжина танцовщиц. Девушки были на подбор хороши, гибкие, полногрудые, с длинными стройными ногами и подхваченными красными лентами гривами темных волос, развевавшихся при каждом движении. Собственно, кроме лент на них ничего и не было, поэтому появление плясуний было встречено ревом восторга, и все глаза впились в обнаженные тела девушек, изгибавшиеся, словно

стебли тростника, в такт тягучей и зачаровывавшей слух мелодии.

— Уф, хороши! И как им только не холодно, голым-то.— Альвий утер рукавом рот и откинул спину стула.— Что скажешь, Самора?

— Угу,— опрокидывая в себя очередной бокал вина, согласился барон.— Рад, что они тебе нравятся. Считаю, в этом есть и моя заслуга. Это ведь я рекомендовал Муниварэ нашему повелителю. Так ведь, король?

— Да уж, спасибо,— отозвался киммериец.— В знак благодарности я позволяю тебе первому выбрать себе красавицу по вкусу, а потом,— он захохотал,— потом сам выберешь следующего, а он тоже...

Все радостно засмеялись, предвкушая большое веселье. Выезд на охоту считался чисто мужским мероприятием и поэтому нобили оставляли своих жен дома, так что одним из развлечений этих дней был дележ наложниц и танцовщиц среди тех, кто оставался на ногах после основательного употребления рекой лившихся горячительных напитков. Иногда их разыгрывали по жребию, иногда король сам назначал каждому ту, которую считал наиболее подходящей, и это было одной из самых веселых забав пира, потому что какому-нибудь грузному и осанистому нобилю предлагалась самая тоненькая женщина, а коротышке вроде канлера Публия под хохот собравшихся доставалась полная и высокая наложница с необъятной величины грудями, каждая из которых размером превышала голову кавалера.

Оргиям, которые разыгрывались в разбитом в поле лагере, мог бы позавидовать любой правитель, настолько пылко потомки благородных аквилонских родов предавались старому, как мир, но тем не менее весьма занимательному и всеми любимому занятию.

Одних танцовщиц сменили другие, потом выступали фокусники и факиры, затем новые плясуньи услаждали взор уже весьма захмелевших нобилей. Гремела музыка, меж пирующих мелькали слуги с наполненными живительной влагой сосудами, возгласы и взрывы смеха сменялись на время наступавшей тишиной, и опять пьяный гомон заполнял пространство, едва выхватываемое из темноты мерцавшим пламенем догорающих факелов. Конан вполуха прислушивался к несвязной болтовне окружавших его придворных, его взгляд рассеянно скользил по влажным от пляски телам танцовщиц и лицам людей, но мысли его были далеко отсюда, и хорошее настроение, пришедшее в начале пира, уступило место раздумьям о том, что же может ждать его вместе с наступающим рассветом. Когда лагерь утих, и стало ясно, что двое отсутствующих так и не вернулись, варвар едва дождался забрезжившей на востоке зари, приказал подать коня и вместе с Паллантидом, несколькими гвардейцами и егерями со сворой собак отправился в лес, по местам вчерашней охоты.

— Возьмите побольше факелов,— распорядился он.— Мало ли какую пещеру надо будет осмотреть.

Киммериец сделал это на всякий случай, но впоследствии не раз вспомнил свою предусмотрительность, которая спасла им всем жизнь.

«Люди просто так не пропадают, всему должна быть какая-то причина,— поглядывая на еще притихший лес, думал он,— и если речь может идти о собственной шкуре, то лучше поторопиться, нежели потом клясть себя остаток жизни за нерасторопность».

* * *

Брегант прибыл в Тарантию поздно вечером. У ворот его ждал гвардеец, присланный Эсканобой. Он сообщил советнику о происшествии в его доме. Генерал сразу же бросился искать перстень, оставленный им в ящике стола и, не найдя его, понял, что стал, сам того не желая, причиной серьезной опасности для Конана.

«Пожалуй, я был не прав, не рассказав Эсканобе, в чем дело,— подумал Брегант.— Даже больше того, мне нужно было послать его прямо к королю или Паллантиду, чтобы сообщил им все, о чем мне стало известно. Эх! Демоны замутили мне голову! Чем же я думал? — сокрушался генерал, укоряя себя за непредусмотрительность.— Старый осел, как же я мог так опростоволоситься? Что теперь делать?»

У него уже не оставалось сомнений в том, что граф Этельстейн замышляет козни против Конана, хотя прямых улик против него вроде бы не было. Подарил перстень? Может быть, действительно от чистого сердца, такое бывает... редко,

правда. Во всяком случае, на основании этого ничего не докажешь.

«Так,— продолжал размышлять Брегант.— Кто еще, кроме него, знал, что перстень находится у меня?»

Конечно, с другой стороны, это могло быть и случайной кражей, просто двое грабителей забрались в дом, который на время покинул хозяин, вот и весь сказ».

Однако столь простое объяснение совсем не успокоило генерала. Он понимал, что таких совпадений не бывает, и за каждым действием должен лежать чей-то умысел.

«Надо поподробнее расспросить Эсканобу,— решил Брегант.— Если еще не поздно и этот мерзавец не успел воспользоваться перстнем, но это уже не в моей власти. Даже предупредить ведь короля не успею... Экая незадача!»

Однако, встреча с офицером ничего нового к мыслям советника не добавила: кольца у убитого грабителя не нашли, куда делся второй — не ясно, так что по-прежнему полный мрак.

— И еще,— помедлив, доложил в конце Эсканоба,— тут в городе произошло несколько не совсем понятных событий...

— Ты о чем? Каких еще событий? — вздохнул генерал.

Эсканоба рассказал про убитого неизвестного, который заходил к цирюльнику, к которому, в свою очередь, наведывались некоторые из известных нобилей, а именно, граф Этельстейн и сын советника Патриана Тасвел.

— Что же ты сразу не сказал мне об этом? — вскричал Брегант. — Теперь мне многое понятно. Где этот цирюльник?

— Тут еще более странно, — на лице офицера появилась усмешка, — Этот брадобрей, видишь ли, уехал на охоту вместе с двором.

— Ничего себе! — присвистнул генерал. — Зачем цирюльник едет на королевскую охоту?

— Я то же самое спросил у дознавателя, — ответил Эсканоба. — И он мне не мог ничего сказать, и я тебе не могу ответить. Не знаю...

— Зато я, кажется, знаю, — сокрушенно заметил Брегант. — говоришь, у этого убитого записочка оказалась в кармане?

— Точно так, — кивнул головой офицер. — «Чья сила, того и действие». Не очень понятно, но именно так было написано на клочке пергамента.

— Этот убитый, цирюльник, граф Этельстейн и сын Патриана Тасвел как-то связаны между собой. Я еще могу понять отношения графа и сына советника, молодой человек вроде бы добивался руки его падчерицы. А вот что общего между цирюльником и нобиями? Ты можешь мне сказать?

Эсканоба в ответ только развел руками.

— Никого не подозревают в убийстве падчерицы Этельстейна?

— Никого, — покачал головой офицер.

— Значит, она тоже каким-то образом замешана во всем этом, — решительно сказал Брегант. — Не бывает таких совпадений. Да, — он обхватил

голову ладонями, — я совершил серьезную промашку. Теперь все в руках богов...

Он не договорил и на мгновение задумался.

— Эсканоба! — голос советника звучал решительно и твердо. — прошлого уже не вернешь, теперь нам так или иначе надо действовать.

Офицер выпрямился, вопросительно глядя на собеседника.

— Во-первых, если я не ошибаюсь, а боюсь, что это так и есть, — Брегант загнул палец, — граф Этельстейн с сообщниками задумал убрать Конана. Похоже, что кроме них в заговоре замешаны тот купец, брат твоего приятеля, бывший дворецкий Гаримет и еще многие, кого мы не знаем.

Он смотрел на Эсканобу, но у того на лице не дрогнул ни один мускул: к подобным поворотам событий офицер привык давно.

— Может быть, еще не поздно, — Брегант загнул второй палец, — и мы можем предотвратить самое скверное. Надо послать верного человека к королю, пусть он немедленно предупредит его об этом.

Эсканоба кивнул:

— Сейчас же пошлю Малера.

— В-третьих, — продолжал генерал, — Конан вылезал и не из таких передраг, и просто так в руки этим мерзавцам не дастся. В-четвертых, распорядись, чтобы на все дороги, ведущие на север, выслали отряды армии с приказом арестовать Этельстейна и всех, кто будет с ним. У него не должно быть много вооруженных людей и

нам неизвестно, где он сейчас. Ждут удобного случая, наверное. И потом, вряд ли в рядах заговорщиков высшее командование войск, иначе никаких заколдованных перстней не понадобилось бы, и я не уверен, что король, даже такой воин как Конан, смог бы противостоять всей армии. Вот так. Эти ублюдки рассчитывают на то, что втайне расправятся с королем, а когда всем объявят о его смерти, не найдется охотников защищать убитого варвара и противостоять заговору. Все просто смирились бы с узурпатором, вот и все.

— Ты так думаешь? — позволил себе усомниться Эсканоба. — Я не думаю, что, например, Паллантид...

— Я не говорю специально о ком-то, но ты же не первый день живешь на свете, — укоризненно перебил его генерал. — Помнишь заговор Аскаланте? Разве Больмано, граф Карабана, или Дион, барон Атталуса, что пытались вместе с ним скинуть Конана с трона, не считались преданными королю людьми? Так что действуйте, не медля.

Глава восемнадцатая

Недалеко послышался лай собак, и из зарослей вынырнул егерь. Он был в сильном возбуждении, на лице мужчины был написан страх.

— Король! — выдохнул охотничий. — Там такое!

— Что вы там отыскивали такое уж страшное? — стараясь отогнать собственную тревогу, проворчал варвар, направляя коня вслед за егерем.

Когда всадники выехали на тропку, огибающую подковообразный склон, их встретил мрачный Паллантид.

— Клянусь Кромом, я подумал, что вам должен был встретиться сам владыка Серых Равнин, такая перекошенная рожа была у твоего посыльного! — сказал киммериец.

— Поехали за мной, сам увидишь, — ответил командир Черных Драконов. — Было от чего перекошиться, зрелище не для слабых.

Совсем скоро, проехав вдоль тропы, король увидел то, что так напугало охотничьего: на от-

крытом месте, где деревья расступались в стороны, образуя небольшую поляну, лежали шесть человек — однако назвать их людьми язык уже не поворачиваясь.

Пораженным взорам предстали скелеты с многочисленными кусками сохранившейся плоти, по которым совершенно невозможно было определить, кто были эти люди.

Пятеро из них, судя по платью, были слугами какого-то важного господина, может быть, его охраной, поскольку рядом с ними валялись луки, дротики, на поясных ремнях болтались сабли. Шестой, по всей видимости, и был тем самым нобилем — его одежда отличалась щеголеватостью покроя и обилием золотого шитья.

— Да!.. — буркнул киммериец, вглядываясь в останки. — Не иначе проделки нашего большого приятеля Сета. Как ты думаешь, Паллантид?

Тот пожал в ответ плечами.

— Странная картина, — один из гвардейцев пощупал одежду. — Совсем новенькая, никакого намека на тление, а тела... — он недоуменно посмотрел на Конана, возвышавшегося над ним в седле. — Как будто черви обглодали.

— Колдовство, не иначе, — киммериец был совершенно уверен, что перед ним — страшные последствия чьих-то магических действий, на полных опасностей дорогах его жизни ему не раз приходилось сталкиваться с подобным. — Эти маги, Сетово отродье, способны сотворить и не такое. Мне не единожды приходилось попадать в похожие переделки. Вот как-то в Немедии...

Конан говорил, стараясь отвлечь внимание своих людей от развернувшейся перед ними жуткой картины. Действительно, при упоминании о Немедии по рядам слушателей прошел сдержанный ропот: аквилонцы всегда не слишком жаловали своих северных соседей.

— Там встречаются и приличные люди, — заметил варвар, в очередной раз вспомнив юную герцогиню Хельсингера, — но должен согласиться: мерзавцы в этой стране встречаются чаще, чем в иных, ну, разве что со Стигией сравнить можно... Так вот, тот колдун опутал меня паутиной, которая ни двинуться, ни вздохнуть толком не позволяла. И хохотал при этом, — киммериец скрипнул зубами, вспомнив издевательство мага. — Потом ему это отлилось полной чашей, — с явным удовлетворением продолжал он. — Слава богам, хоть кровь не высасывала эта мерзость, как здесь. Хотя, как сказать, — задумчиво продолжал Конан, — их смерть, может быть, была полегче той, что уготовил мне тогда этот мерзавец по имени Краутвурст. Похоже, эти люди умерли достаточно быстро.

— Как же ты выбрался? — осмелился спросить Тагмор, который только что подъехал с еще несколькими гвардейцами.

— Совсем просто, — повернулся к нему король, — эти придурки, тоже, случается, допускают ошибки. Этот болван не учел, что его паутина расплзается от воды, — редко, наверное, издевался над людьми таким способом. Я простоял полдня на жаре, спеленутый вместе с конем,

словно шелковичный кокон. Не то что почесаться, вздохнуть глубоко не мог и уже представлял, как сгнию заживо, но вдруг налетела гроза. Видимо, боги решили, что мой земной путь еще не окончен, и через какое-то время вся работа мага пошла насмарку. Никогда в жизни я так не радовался дождю, клянусь милостью Митры!

— А что колдун? — спросил кто-то из гвардейцев.

— Колдун-то? — переспросил киммериец. — Крепкий, надо признать, оказался негодяй. Он еще разок попытался со мной справиться, только я вновь ускользнул от его чар, а уж потом... — довольная усмешка тронула губы Конана. — Когда мы встретились в последний раз, он сгорел на моих глазах, объятый синеватым пламенем.

— Просто взял и сгорел? — спросил Тагмор.

— Ну, не совсем просто так, — скромно ответил варвар. — Колдун тот был истинным слугой тьмы, и когда я сломал принадлежащую ему же золотую фигурку Сета, все кончилось в один миг. Как говорится, даже на проворную мышь всегда найдется ловкий кот. Все в мире связано, — назидательно закончил он и вновь обратил свой взгляд на лежащие перед ними останки. — Нам, пожалуй, здесь делать уже нечего, но кто эти люди, я мог бы догадаться. Возьми пока что с собой вот это, — показал он егерю на валявшуюся у трупа нобиля перчатку, расшитую по общагам золотыми нитями, — сдается мне, при жизни этот человек был сыном советника Патриана. Покажем отцу, он скажет точно.

— Но он также может быть и сыном генерала Бреганта, — возразил Паллантис, хранивший до этого молчание.

— Думаю, что моя догадка вернее, — ответил киммериец. — Ты вспомни, что все слуги Альгиманта находятся в лагере, а этот явно был в сопровождении своей охраны.

— Возможно, — согласился командир Черных Драконов, — я как-то упустил это из виду.

— На то я и король, чтобы держать в голове все, и, видят боги, не знаю, зачем я держу при дворе такое количество советников, с деланным вздохом заметил Конан и, уже серьезно, добавил: — А теперь нам надо отыскать Альгиманта. Действуй, Тагмор! — приказал он офицеру гвардейцев. — Сдается мне, парень где-то совсем неподалеку.

В тот же миг он ощутил дрожь медальона.

«Какого демона еще? — выругался про себя варвар. — Экая проклятая штуковина!»

Он оглянулся по сторонам. Ему показалось, что в глубине леса сгущается странное темное облако.

«Эге, а вот, похоже, и червячок, что обглодал косточки этих ребят, — подумал варвар, — надо убираться отсюда, и побыстрее».

— Эй! — крикнул киммериец, обращаясь к своим спутникам. — Смотрите!

Все повернулись в сторону, куда указывал Конан, и некоторые из гвардейцев не смогли сдержать крика ужаса: облако выплывало из леса, закрывая небо.

— Живо! За мной! — скомандовал король, хлестнув коня.

Всадники бросились по тропе, стараясь уйти от темной массы, что стремительно охватывала их с двух сторон. Мгновение спустя стало ясно, что вряд ли они смогут осуществить свое намерение, потому что черное облако передвигалось гораздо быстрее их лошадей.

«Огонь! Огонь!» — густой голос, казалось, прозвучал прямо в голове киммерийца.

— Тагмор! Зажигай факелы! — Конан, не раздумывая, повиновался своему неведомому советчику. — Нам все равно не уйти! Да шевелись ты, рога Нергала тебе в зад!

Он выхватил факел у замешкавшегося солдата, вытащил свое кресало и зажег огонь. Тут же рядом вспыхнуло пламя в руках гвардейцев.

И вовремя!

Черное облако почти накрыло их, и люди уже начали чувствовать противное покалывание на теле, однако разгоравшийся огонь заставил колдовскую массу остановиться.

— Все в кучу! — закричал Конан, быстро сообразивший, как надо действовать. — Спешиться и укрыться под лошадьми! А вы, с факелами, встаньте по сторонам!

Все повиновались командам варвара, прыгнули с коней, и в потемневшем воздухе виднелись только круги пламени.

Это киммериец и те, у кого в руках были зажженные факелы, размахивали ими, пытаясь разогнать черное облако.

Если бы Конану кто-нибудь сказал, что таким простым способом можно противостоять колдовским, он рассмеялся бы советчику в лицо, но теперь он с удивлением наблюдал, как черная масса, нехотя, но все же отступала от них, съеживаясь и становясь менее плотной.

— Давайте! Гоните прочь эту дрянь! — закричал варвар, направляя коня в гущу облака.

Люди с факелами присоединились к своему королю, и облако под напором огня стало быстро рассеиваться, разбиваясь на мелкие части, становясь похожим на утренний туман, и, наконец, с треском и шипением исчезло окончательно.

— Уф! — король смахнул пот со лба. — Мы его отогнали, клянусь Кромом! Эй, как вы там? Все живы?

Гвардейцы и егеря, помаленьку очухиваясь от пережитого ужаса, садились на коней. Все произошло невероятно быстро — они даже не успели отойти на значительное расстояние от того места, где обнаружили объединенные трупы. Люди переглядывались, не в силах поверить в чудесное спасение.

Киммериец посмотрел лежащие в сотне шагах от них тела.

— Повезло нам! — оглядывая спутников, воскликнул он. — Чуть бы замешкались, и быть бы нам такими же, как они. На всякий случай не гасите огонь.

— Как тебе пришло в голову зажечь факелы? — с восхищением глядя на киммерийца, спросил

Паллантид. Командир Черных Драконов был поражен.

«Действительно, точнее не выразишься,— ухмыльнулся Конан.— Пришло в голову... Нет, не стоит говорить — это еще больше собьет всех с толку».

— Я много повидал на своем веку,— ответил он вместо этого.— Всякое бывало. Опыт — чрезвычайно ценная вещь в нашей жизни.

— Да-а! — почти хором протянули остальные, глядя на своего повелителя, как на живое божество.— Если бы не ты, король, нам всем пришел бы конец.

— Все в его руках,— киммериец неопределенно ткнул пальцем куда-то вверх.— Надо не забыть принести хорошую благодарность Светлоликому Митре, когда вернемся в лагерь. Теперь,— он оглядел спутников,— продолжим поиски.

— Ты сказал, что Альгимант может быть где-то рядом,— напомнил Тагмор.

— Сказал, и скорее всего, так оно и есть. Всем удвоить внимание!

Солдаты и егеря вновь рассыпались по лесу, а Конан и Паллантид медленно поехали вдоль по тропе, стараясь не отстать от них слишком далеко.

— Почему ты думаешь, что Альгимант может быть где-то рядом? — спросил командир Черных Драконов.

— Ты не знаешь всего,— посмотрел на него киммериец. — Я тебе намеренно не рассказывал обо всем, что произошло, потому что у меня са-

мого не было уверенности в правоте своих действий. Дело в том, что вчера, на охоте, я переменил камзол...

— Ну, и что с того? — удивился Паллантид.— Ты король, и сам знаешь, как поступать, тем более в таких пустяковых вещах.

— А то,— с оттенком горечи сказал король,— что сын Бреганта, который, невзирая на мое сопротивление, посоветовал мне сделать это, оказался прав. Тут такие странные дела творились... Послушай.

И король рассказал командиру Черных Драконов всю историю, что началась с рассказа Альгиманта два дня назад, или даже еще раньше — когда во дворец пришел юноша из Немедии, первым предупредивший его о грозящей опасности.

Закончил он тем, как молодой нобиль предложил королю обменяться нарядами...

— Ничего себе,— почесал затылок изумленный Паллантид.— Но почему же ты не рассказал мне обо всем раньше? Усилили бы охрану... Или ты уже и мне не доверяешь?.. — в голосе верного соратника короля прозвучала обида.

— Да брось ты,— махнул рукой киммериец.— Я и сам не придавал этому большого значения и поменялся камзолами с Альгимантом из-за того... из-за того... — так и не подобрав нужного слова, варвар сбивчиво закончил: — В общем, надоел он мне, я и подумал, да пес с ним, пусть потешится мыслью о том, что спасает жизнь короля. К тому же он такую трагедию пережил — девушка парня, падчерица Этельстейна, скончалась у него

на руках. Но теперь у меня самые дурные предчувствия.

— Ты думаешь, что заговор действительно готовился, и Альгимант убит вместо тебя?

— А что я должен еще думать? — сердито ответил Конан. — Что он сидит сейчас где-то в таверне в ближайшей деревеньке и преспокойно хлещет вино?

Где-то впереди раздались призывные громкие крики.

Паллантид привстал на стременах, прислушиваясь.

— Нас зовут, — повернулся он к королю.

— Сам слышу, — огрызнулся варвар. — Давай, отродье, шевели копытами, — тронул он поводья коня.

Они промчались сквозь мелкое редколесье, ориентируясь на голоса, обогнули небольшую скалу черного камня и наконец выскочили на поляну.

— Видишь? — Конан указал рукой на толпу гвардейцев и егерей возле лежавшего на траве тела. — Я был прав, к сожалению. Прах и пепел, я сгупил, не поверив парню до конца. Если бы не так, разве я послал бы его на верную смерть? — выругался варвар.

Они спешили, и киммериец подошел к лежащему на спине Альгиманту. Глаза юноши были закрыты, его бледное лицо выделялось на фоне влажной утренней травы.

Конан с грустью посмотрел на него, и некоторое время стоял, не говоря ни слова.

— Смотри! — прервал его мысли Паллантид. — Вторая перчатка! Точно такая же!

— А вот это совсем интересно, — король взял поданную кем-то из егерей перчатку. — Действительно, она! Значит, — оглядел он столпившихся вокруг него людей, — мы можем подозревать, что Тасвел видел убитого.

— Или? — высказал догадку Паллантид, и тут же прикусил язык, взглянув на короля.

— Ты прав, может быть, — кивнул Конан. Потом выразительно поглядел на окружающих и добавил: — Чтобы никто из вас ни словечка, ни пол-словечка, — погрозил он кулаком, — не брякнул о том, что видел на этой поляне. Понятно?! — рыкнул он, и все дружно закивали головами. — Шкуру спущу, самолично, — прибавил он для верности, — с головой у меня пока еще в порядке, слава богам, всех запомню, кто здесь сейчас со мной. Тагмор! — подозвал он офицера. — Распорядись, что надо сделать, и немедленно в лагерь!

Варвар хлестнул коня и, не оборачиваясь, посккал по тропе.

На душе у него было скребли кошки, во-первых, потому что из-за его недоверия погиб юноша, сын его давнего друга, а во-вторых, киммериец теперь понимал четко, очертания заговора против него приобретали уже совсем другие размеры.

Не было сомнений: в него были вовлечены люди из высшей знати, причем помогал им какой-то колдун. Знать бы, кто был среди заговор-

щиков, в этом состоял теперь самый главный вопрос.

Король потрогал медальон, висевший у него на шее:

— За каким демоном мне навязали эту штуку? Молчишь, сучий потрох? Когда не надо, ворочаешься, а теперь тебя не видно и не слышно... — не получив ответа, Конан прищипил коня.

Глава девятнадцатая

Нрошло несколько дней. События на королевской охоте, наделавшие столько шума, постепенно уступали место другим, жизнь в столице текла своим чередом, и все было бы спокойно, но Конана продолжало тревожить одно не до конца проясненное обстоятельство: действительно против него готовился заговор, главой которого был граф Этельстейн, или все происшедшее — стечение странных случайностей?

Когда присланный из столицы Малер передал королю послание Бреганта, то первым побуждением короля было приказать немедленно схватить Этельстейна и вздернуть его на дыбу. Раньше, по молодости лет, варвар, несомненно, так бы и поступил, однако по опыту, и не только чужому — случалось, у него не раз проясняли память таким суровым способом — он знал, что под плеткой палача можно наговорить такого, чему потом сам удивишься — если останешься в

живых, конечно. Ему самому до сих пор везло... Подозрения против графа имелись сильные, но явных улик не было, если не считать того, что Этельстейн не единожды заходил к цюрюльнику, который, якобы, был на королевской охоте, но которого там никто не видел. Впрочем, этот бродячий по имени Асгенор вообще пропал, не оставив после себя никаких следов. Пропало и кольцо, которое Этельстейн подарил несколько дней назад Бреганту.

— Я доверяю тебе полностью, — сказал король, в который уже раз выслушивая рассуждения своего советника, — в последнее время мы многое потеряли из-за того, что я не прислушался к словам таких людей, как ты и твой сын Альгимант.

Они сидели вечером в Малом зале вместе с Паллантидом и обсуждали, как поступить с графом Этельстейном. И Брегант, и командир Черных Драконов убеждали короля, что испытанный веками способ всегда дает результат, но Конан не соглашался с ними.

— Не забывайте, — напомнил им киммериец, — что этот перстень явно попал к графу волей случая. Если бы он с самого начала знал, как с ним поступить, то за каким демоном он подарил бы его тебе?

Брегант в очередной раз пожал плечами: на этот вопрос у него не было достаточно внятного объяснения.

— Но, Конан, — в очередной раз заговорил он об одном и том же, — для меня ясно, как день:

граф — заговорщик, и его целью было убить тебя. Непонятно, почему ты медлишь?

— Я тоже так думаю, — вернул Паллантид. — И слепому видно, что он, сын Патриана и еще кто-то из их сообщников хотели расправиться с тобой на охоте!

— Вот именно! — воскликнул киммериец. — И еще кто-то! Ты сам так говоришь. Не забудь, о чем меня предупреждал тот юноша из Немедии. Перстень с фиолетовым камнем! И эта безделушка, которая невеста как пришла ко мне, она же предупредила, когда человек с кольцом приблизился! Прости еще раз, — повернулся он к Бреганту. — Я усомнился в тебе тогда...

— Чего уж там, — melancholically ответил Брегант. — Понимаю, времена непростые.

— Я и сам думаю, что Этельстейну неплохо бы отделить голову от туловища, — продолжал Конан. — Для меня его роль ясна, но еще не все понятно до конца. Может быть, те люди, которые перевернули вверх дном все в твоём доме, совсем не люди Этельстейна, а немедийские шпионы, и колечко-то сейчас у кого-нибудь из них? Что тогда делать, разорви меня Нергал?! Вот тот убитый с записочкой про силу и действие, он точно подходит под описание подручного Готлебиса, тайного советника принца Тараска. Кстати, зачем ему этот пергамент? Три слова эта немедийская собака не могла запомнить, что ли?

— Ты знаешь? — вдруг встрепенулся Брегант. — Мне пришло в голову, что это... это заклинание! — повторил он волнуясь. — Шпион, навер-

ное, не надеялся полностью на память, а ведь слова должны быть произнесены точно так, а не приблизительно, вот он и записал их на всякий случай. Вот зачем ему пергамент!

— Ну, ты и скажешь! — недоверчиво pokrutil головой киммериец. — Он что же, совсем тупой?

— Ты сам говорил, что он пьяница, — напомнил ему Паллантид. — Точнее, этот юноша тебе так сказал. Видно, у нашего шелудивого приятеля Готлебиса дела совсем плохи, если посылает таких шпионов! Жирный боров!

Все трое весело захохотали.

— А ведь верно! — потер ладонями король. — Вот в чем дело! Чья сила, того и действие... Стоит так сказать и поднести камень к человеку, то, если верить словам юноши, он вспыхнет огнем. Давайте немного подождем, может быть, Этельстейн как-нибудь и проявит себя. Сейчас он спокоен, поскольку думает, что его никто ни в чем не подозревает. Пусть твои люди продолжают следить за ним денно и ночью!

— Не сомневайся, — заверил короля Паллантид, — к графу приставлены наши лучшие ребята.

— Ну и хорошо, — вздохнул киммериец. — Глядишь, заодно и узнаем, с кем он особенно близок. Тогда всех и накроем, как мух, — он хлопнул ладонью по столу. — А?

— И раздавим, как тараканов! — засмеялся Брегант, но глаза советника короля оставались печальными.

* * *

Через пару дней в Большом зале проходил королевский прием в честь послов сопредельных стран, и Конан вновь, со ставшей уже привычной тоской, в который раз разглядывал колонны, рассеянно слушая славословия, которыми одарял его посол Немедии.

«Экая крыса! — подумал киммериец. — Кажется, задницу готов вылизать, а ведь, наверное, с куда большим удовольствием прирезал бы меня! Но не можешь, немедийская собака! И никогда не сможешь!» — с удовлетворением хохотнул он про себя. — И все-таки, — совершили явно непоследовательный поворот его мысли, — давненько я там не бывал. А что? Разберусь вот с государственными делами и съезжу в Хельсингер, навестю Хайделинду... и Эрленда, конечно. Белеза, конечно, будет скучать, но почему бы королю Аквилонии не повидаться со знатной дамой из дружественной, по крайней мере, пока, страны?»

Эта идея ему понравилась, и Конан еще раз окинул взглядом колонны и группы придворных, чинно взирающих на короля, и склоненного в поклоне посла, мечтая, чтобы это действие поскорее закончилось. Вдруг медальон, висевший под рубахой, несильно стукнул его в грудь.

«Началось! Кто? — варвар медленно обвел глазами присутствующих. — Кто? Посол Немедии? Но он уж сколько времени разливается соловьем прямо передо мной. Наверное, из тех, что только появились в зале, — подумал он и пожалел о своем невнимании. — Так, так, — переводил

он взгляд, стараясь оставаться спокойным,— это должны быть те, что ближе к дверям. Граф Просперо, какой-то служка, подошедший к дворецкому, угу, сам Паймор, его не было раньше...— память услужливо подсказывала, что было некоторое время назад, кто и где стоял,— Брегант, опять он,— на этот раз со смешком решительно отмел подозрения по отношению к своему верному советнику киммериец,— а, это певец, как его там?... Тилбери,— вспомнил король,— еще этот пройдоха Люций... остальные вроде бы так и находились в зале. Значит, пять человек. Еще раз... граф Просперо отпадает, Тилбери, пожалуй, тоже, эта обезьяна Паймор? Если вспомнить о его предшественнике, то вполне может быть, но это проверить просто. Так, слуга? Проверим. Люций? Тоже можно узнать. Никуда он не денется. Хм!» — перевел дух Конан, но тут по внезапно наступившей в зале тишине понял, что, занятый своими делами, пропустил окончание речи немедийского посла.

— Хм! — приосанившись и выждав некоторое время, он сурово посмотрел на посла.— Передай своему королю благодарность за столь любезные слова. Надеюсь, наши добрые отношения останутся таковыми и впредь,— добавил он, усмехнувшись, и кивком головы отпустил посла, который, несколько удивленно озираясь на короля, с поклонами отошел.

«Почему эта собака так раскрыла пасть? Наверное, что-нибудь из его речи я пропустил,— подумал киммериец.— И пес с ним, скажу Пат-

риану, пусть сам объяснит ему потом все, что надо».

Прдворные задвигались, готовясь к окончанию церемонии приема распределиться в два ряда вдоль пути от трона к выходу.

В этот миг медальон два раза стукнул Конану в грудь.

Он перевел глаза от немедийского посла и увидел, что к нему приближаются двое: полководец Просперо и его дворецкий Паймор.

С их приближением постукивания медальона становились все чаще.

«Ага, кто-то из них! — лихорадочно думал киммериец.— Но в графе я полностью уверен, уж если Просперо собирался мне изменить, то небо должно было упасть на землю... не стоит повторять ошибки, подозревая доказавших свою верность людей... Тогда выходит, это мой дворецкий. Экий мерзавец!»

В следующее мгновение у него изумленно полезли на лоб глаза. Паймор остановился около барона Этельстейна и почтительно слушал, что говорил ему нобиль, в то время как Просперо продолжал шагать прямо к трону, и медальон застучал в грудь киммерийца, будто частый дождь. Шли мгновения, но Конану казалось, что граф так никогда и не приблизится к нему, потому что время словно остановилось для варвара.

«Не может быть! Мой полководец и соратник! Скорее я поверю, что это порождение Нергала смеется надо мной!»

Мысли вихрем крутились в голове киммерийца, надо было найти достойный выход из положения, чтобы не осрамиться перед собравшимися, не обидеть ненароком своего главнокомандующего и в то же время не подвергать себя опасности.

— Короли! Гляди! — он оглянулся на свистящий шепот позади него.

Брегант указывал глазами куда-то вниз, и, проследив его взгляд, Конан увидел фиолетовый камень, сверкавший на пальце графа Просперо. Решение созрело мгновенно. Король резко поднялся с трона, и все в зале замерли, направив удивленные взгляды на своего повелителя. Остановился в недоумении и Просперо, не дойдя всего нескольких шагов до своего места за тронном, где обычно находились советники и ближайшее окружение Его Величества. Паллантид и Брегант, как по команде, подошли ближе к королю и положили руки на рукоятки мечей.

— Послушай, Просперо, — стараясь не показать своего волнения, спокойным тоном спросил варвар, — откуда у тебя такой дивный перстень? У меня даже в глазах померкло от его блеска!

Краем глаза он заметил, как граф Этельстейн, до того спокойно стоявший рядом с Паймором, дернулся и буквально вытаращил глаза на руку пуантенского полководца.

— А, этот? — Просперо с довольным видом вытянул руку, чтобы всем был лучше виден перстень. — Подарок одной прелестной особы. — Он покрутил пальцем с кольцом, и камень засвер-

кал зловещим блеском, словно глаз демона. — Красив, верно? Хочешь посмотреть поближе?

— Упаси меня Светлолик, — король как бы в шутку заслонил себя ладонями вытянутых рук, — ты же знаешь, я не очень падоко на драгоценности. А вот граф Этельстейн, как я вижу, очень заинтересован этой безделушкой. Я не ошибся, граф?

В голосе Конана явственно прозвучали грозные ноты, и все в зале притихло, предчувствуя, что сейчас может произойти что-то необычное. Этельстейн вздрогнул от обращенных к нему слов короля, и киммериец в одно мгновение понял, что попал в точку.

— Паймор! Дай мне блюдо!

— Блюдо? — вздрогнул дворецкий, не ожидавший обращения своего владыки. — Какое блюдо?

— Я что, не ясно выразился? — сдвинул брови король, но дворецкий уже понял свою оплошность и, отыскав глазами кого-то из челяди, щелкнул пальцами.

Через несколько мгновений в мертвой тишине, воцарившейся в зале, слуга пронесся по проходу с большим медным блюдом и с поклоном вручил его королю.

— Брегант! — обернулся варвар. — Возьми у графа Просперо его кольцо и положи сюда.

Генерал молча кивнул и, взяв блюдо, подошел к пуантенцу. Полководец, несколько удивленный происходящим, снял с пальца кольцо и положил на протянутое Брегантом блюдо. Звон металла заставил графа Этельстейна вздрогнуть, он не-

произвольно сделал шаг вперед, намереваясь схватить кольцо, но Брегант мгновенно отвел блюдо в сторону.

— Ну-ка! Придержите его! — кивнул король двум гвардейцам, стоявшим у трона, указав на Этельстейна. — Клянусь Кромом, граф знает про этот перстень что-то такое, чего не знаем мы!

Солдаты мгновенно исполнили приказ короля, и по тому, как исказилось лицо графа Этельстейна, Конан понял, что на этот раз не ошибся, и его советники были совершенно правы: мерзавец все знал и своим движением выдал себя. Брегант поднес блюдо с кольцом королю, и тот внимательно рассмотрел перстень. Киммериец опасался брать его в руки, мало ли какие опасности таит в себе это проклятое творение Сета.

— Хорош, — процедил он сквозь зубы. — Именно оно было подарено тебе, а потом исчезло из твоего дома? — спросил он советника

— Да, — подтвердил генерал. — Если хочешь, можешь справиться у него самого.

— Так и сделаем. Ведь ты все расскажешь нам, граф? — спросил киммериец, устремив тяжелый взгляд на Этельстейна. — Я чувствую, что ты знаешь много интересного: и про немедийского шпиона, и про Тасвела, который пытался убить короля, и даже подозреваю, про смерть своей падчерицы. Я правильно говорю? — рявкнул варвар.

— Я не понимаю, о чем речь... — Этельстейн уже несколько пришел в себя. — Все знают, я верой и правдой служу Его Величеству...

— Да уж, — кивнул Конан. — Служишь, точнее говоря, служил до известного времени, но потом, ты, сын шелудивой овцы, задумал сам стать королем. В этом желании в общем-то нет ничего плохого, — усмехнулся варвар, — но вот меня такой поворот событий не вполне устраивает. Вряд ли мне понравилось бы лежать пробитым пятью стрелами, как Алыгимант, или превратиться в обглоданный скелет, как Тасвел.

По рядам придворных прошел удивленный ропот, но киммериец, взглядом заставил умолкнуть находящихся в зале.

— Но и это еще не все... — Конан прервал свою речь, продолжая смотреть на графа испепеляющим взглядом. — Тебе кажется, будто киммерийцы не способны хотя бы иногда пошевелить мозгами. Но это не совсем так. Раскопать твои гнусные делишки было не так уж и сложно, если постараться как следует. Спасибо Митре, у нас это получилось. Ты думаешь, я не знаю заклинания?

— К-к-какого заклинания? — даже заикнулся от неожиданности Этельстейн.

— А ведь ты попался, гусиный помет! — торжествующе провозгласил король. — Давай, проверим, действует ли оно! Брегант, а ну-ка помоги мне, — Конан с улыбкой повернулся к генералу. — Ты уже носил этот перстень, он не угрожает тебе.

— Нет! — граф произвольно дернулся в руках гвардейцев, но тщетно: в Черных Драконах служили дюжие парни.

— Пустите! — извивался Этельстейн. — Меня оклеветали подлые враги! Я ни в чем не виноват!

— Ну, так уж и не виноват! — рассмеялся киммериец. — Чего же ты боишься тогда, падаль? Человек, которого по твоему приказу зарезали в «Луне и яичнице», успел кое-что нам рассказать.

— Что же? — спросил Этельстейн, все еще надеявшийся, что варвар просто хочет поймать его на слове.

— Еще раз себя выдал, даже не спросил что это за человек в «Луне и яичнице». — почти ласково отметил Конан. — Твое хваленое хладнокровие сейчас изменило тебе, граф. Ты делаешь ошибки, одну за другой, ублюдок! Так вот слушай. Он рассказал, что надо прикоснуться камнем к человеку и произнести несколько слов... — варвар сделал паузу, наслаждаясь смятением Этельстейна.

В зале было так тихо, что за окном слышен был разговор слуг, убравших двор.

— Он сказал... — продолжил киммериец, — а, может быть, ты сам нам поведаешь? — обратился он к Этельстейну. — В последний раз спрашиваю!

— Не знаю я ничего, — приосанился граф, все еще надеясь на спасение, — и даже не понимаю, о чем ты говоришь.

— Ну, как хочешь, червь! — презрительно бросил Конан. — Действуй, Брегант! Отомсти этому мерзавцу за сына!

— Чья сила, того и действие! — провозгласил генерал, прикоснувшись перстнем к графу, тщетно пытавшемуся отпрыгнуть.

Вопль Этельстейна слился с единым возгласом удивления всех, наблюдавших за действием, и тут же синее пламя охватило графа.

Гвардейцы от неожиданности выпустили заговорщика, и он рухнул на пол прямо перед тронным возвышением, корчась от боли. Огонь пожирал его на глазах изумленных придворных, все стояли в молчаливом оцепенении, и только вой графа и треск пламени были слышны в тронном зале. В несколько мгновений все было кончено, и лишь кучка пепла осталась на месте, где совсем недавно находился всесильный нобиль.

— Вот так, — король обвел взглядом зал, — будет с каждым, кто осмелится покуситься на законную власть короля.

Почтительное молчание было ему ответом, лишь граф Просперо не удержался и воскликнул, с досадой хлопнув себя по коленям:

— Хорошенький подарочек преподнесла мне Эриона! Неужели она, мой король, тоже входила в число заговорщиков? Вот уж не ожидал!

— Твоей вины здесь нет, Просперо, — успокоил его киммериец. — И ее, как мне думается, тоже. Вряд ли твоя дама знала, какую страшную силу таит в себе фиолетовый камень. Все, что произошло с перстнем после его кражи из дома Бреганта, дело случая. Но об этом мы еще поговорим после. Паймор! Эй, Паймор, ты что, оглох, бездельник?

Опомнившийся дворецкий, до того стоявший с разинутым от удивления ртом, сделал знак церемониймейстеру, который невозмутимо ждал приказа.

Раздался удар золотого посоха, и зычный голос провозгласил:

— Королевский прием окончен!

* * *

— Все таки ты поспешил, мой король,— осмелился заметить Паллантид.— Мы нарочно медлили с предъявлением подозрений к Этельстейну, чтобы его не спугнуть, а теперь вот... Вздернули бы молодчика под потолок, и он живо рассказал бы нам об остальных заговорщиках. Мало ли, остался кто из них...

Он остановился на полуслове. Сквозь распахнутое окно донеслись слова солдатской песни:

И зачем грустить о том,
Что вдали остался дом?
Ведь кругом полно красавиц,
Так не стой с открытым ртом!
Хей-хо, гей-хо-хо,
Так не стой с открытым ртом!

Киммериец подошел к окну и выглянул наружу. Пара десятков человек, одетых в мундиры Черных Драконов, маршировали под командой кривоногого сотника, во все глотки горланя задиристую песню.

Это был походный марш гвардейцев, и начался он с того, что неплохо бы взять с собой в

поход женушек, однако постепенно, куплет за куплетом, приводящий солдат к несколько иному решению.

— Новобранцы! — Паллантид тоже подошел к окну.— Сколько солдат мы потеряли в битве с собаками из Офира и Кофа! И все-таки мы разгромили их наголову. У меня до сих пор стоит перед глазами, как ты одним ударом снес голову мерзавцу Страбонусу. Ничего, ребята, я вижу, brave. Малер быстро сделает из них хороших солдат.

— Чего же мне бояться при таких-то охранниках? — прикрывая окно, серьезно заметил король.— А потом, знаешь ли,— теперь в его глазах мелькнула усмешка,— все хорошо в королевской жизни, но маленькая опасность все-таки должна оставаться. Совсем небольшая,— киммериец сдвинул большой и указательный палец и поднес к лицу Паллантида.— Вот такая. Иначе можно закуснуть. Как говорил много лет назад в бытность мою в Шадизаре мой приятель Ловкач Ши Шелам, для того и волк в лесу, чтобы у зайца от безделья ноги не отсохли.

— Ну, раз ты так считаешь...— без особой уверенности согласился глава Черных Драконов.— Ты король, тебе виднее.

— Должно быть в жизни разнообразие, ну хоть чуть-чуть,— убежденно сказал Конан.— Маленькая опасность, например. Привычка, наверное, у меня к чему-то такому...— киммериец пощелкал пальцами, отыскивая нужное слово,— к острому, что ли,— рассмеялся он.

Как бы подтверждая его слова, осенний ветер
вновь распахнул окно, за которым солдатские
глотки в этот момент дружно гаркнули:

Возвратишься ты домой,
Снова встретишься с женой.
Может быть, тогда захочешь
Вновь отправиться на бой!
Хей-хо, гей-хо-хо
Вновь отправиться на бой!

Последняя тетрадь «Синей или Незаконной Хроники» Аквилонского королевства

Предварение

Но прошедши двадцати семи лет, миновавших с эпохи Великого Непокойствия, как теперь называют события 1288 года от основания Аквилонии, я никак не мог предположить, что история «Синей хроники» вновь коснется некоторых ее участников и мне придется вынуть из сундука запыленные пергаменты, чтобы вложить в «Хронику» несколько последних листов.

У себя в Юсдале я храню оригинал рукописи, оберегаемой от посторонних взглядов более четверти века, копию же пришлось оставить в королевском замке Тарантии, спрятав ее в тайнике библиотеки. Рано или поздно «синие тетради» обнаружат, и правда о Подземном огне наконец всплывет; внимательный читатель сможет ознакомиться с моим взглядом на пришедшую с полуночи Грозу — взглядом свидетеля и непосредственного участника событий. Мне странно, что король Конан Канах предпочел предать забвению историю Небесной горы по ведомым только ему самому соображениям — тарантийская канцелярия при-

держивается версии, изложенной в королевских хрониках. Видимо, Конан сохранил в секрете истинную подоплеку событий из-за нежелания раскрывать народу Аквилонии тайну существа, некогда занявшего его трон и устраненного в результате знаменитого Заговора Четырех. Тицо, удивительное создание, избравшее отдаленный Ямурлак своим убежищем, обещал однажды вернуться, и Конан, несомненно, опасается возрождения чуждой силы, некогда явившейся в обитаемую людьми Сферу вместе с Небесной горой. Никто не знает, каким образом можно разбудить Повелителя Зеленого пламени, но нет сомнений — Тицо просыпается только в случае, если его призовет время или человек, обладающий достаточной силой.

Два долгих десятилетия я гадал, что же происходит за рубежами туманной стены Ямурлака, ибо проникнуть в Забытые земли возможным не представлялось — магия, оберегающая чудесную страну, не пропускала людей. Разочаровавшись, я оставил любые попытки пробраться в Ямурлак и предпочел забыть обо всем, что когда-то видел в его пределах.

В начале осени 1315 года меня заставили вспомнить... Затем появилась «Последняя тетрадь Синей хроники». Рукопись я предпочел спрятать в своей замке, никому о ней не сообщив. Когда же Светоносному Митре и всем богам нашего мира станет угодно — эти записи обнаружат и прочтут.

Из вступления к «Последней тетради».

*Подписано собственной рукой Халька,
барона Юсдаля-младшего.*

1315 год от основания Аквилонии, осень.

Рассказ первый В гости по-королевски

Нсколько угодно можно называть меня наглым стяжателем, беспринципно использовавшим весьма широкие связи при дворе короля ради собственной выгоды. Я не обижусь, поскольку в этих словах присутствует немалая доля истины. Если вы являетесь младшим ненаследным сыном небогатого барона из Гандерланда, не получили от отца даже самого захудалого надела земли и значительную часть молодости провели за пределами родительской вотчины, вам сами боги велят обеспечить мирную старость. Что я и сделал ровно двенадцать лет назад, буквально выклянчив у короля жалованную грамоту на «ничейные» угодья, расположенные к полуночи от баронства Юсдаль. В действительности, это была выморочная королевская земля, владельцем коей являлось само Аквилонское государство, а следовательно и его государь — Конан I Канах. Баронский титул я сохранил, построил на сбережения, сделанные за восемнадцать

лет трудов в чине «библиотекаря и летописца Его величества», небольшой, но удобный замок, а получив отставку перевез туда семью. Мой старший брат Эргин, по смерти папеньки принявший управление коренным Юсдалем, узнав, что владения нашего рода изрядно расширились, обрадовался, помог со строительством и принимал заботы по хозяйству на время моих частых путешествий...

Местечко, что и говорить, удобное. Глядя на полночь, можно любоваться великолепным видом на воздвигающиеся в отдалении Киммерийские горы, с полуденного восхода мы соседствуем с Темрийской провинцией, а если поедешь от Нового Замка на закат — упрешься прямоком в Ямурлак, защищающий нас от возможных набегов со стороны киммерийцев. Горцы предпочитают не подходить близко к Туманной стене, не без оснований предполагая, что Ямурлак опасен.

Словом, расширившийся Юсдаль теперь стал одним из самых крупных земельных владений в полуночном Гандерланде. Старший брат живет в отцовской усадьбе, стоящей от моего дома в шести лигах, я предпочитаю постоянно обитать в Новом Замке, пускай про него и говорят, что более захолустного владения во всей Аквилонии не сыщешь. Мне здесь нравится — тихо, восхитительная природа, кметы из деревень спокойны и трудолюбивы, соседи и друзья частенько приезжают поохотиться да отдохнуть... Такой охоты, как в Юсдале, нет больше нигде, разве что в Пограничье.

Когда большая половина жизни была пройдена, Хальку Юсдалю внезапно захотелось стать «таким, как все». То есть гостеприимным хозяином, добропорядочным семьянином, уважаемым в округе дворянином с негромким, однако древним именем и приносящим стабильный доход леном. Хватит безумных приключений, коими была насыщена моя жизнь с 1288 по 1305 годы, когда я входил в свиту нашего достославного монарха, способного усидеть на месте лишь два полных дня. На третий день Конана начинало тянуть на самые замысловатые аферы, среди которых предпочтение отдавалось предприятиям, крайне опасным для жизни и рассудка.

Одна так называемая «война с Немедией», случившаяся через шесть лет после воцарения Конана чего стоила! Варвар вкупе со своим старинным приятелем, графом Мораудином, решили поставить на место чересчур зазнавшегося Страбонуса Кофийского, и провернули невероятнейшую интригу, вполне достойную приснопамятных событий Полуночной грозы и Мятежа Четырех. Эти пройдохи несколько лун водили за нос целый континент, попутно устраняя со сцены наиболее неприглядных деятелей, наподобие упомянутого Страбонуса, внезапно ожившего Ксальтоуна, известного чернокнижника Тсота-Ланти и всех присных... Впрочем, я уже описал Немедийскую войну в одном из своих сочинений, к коему любопытствующих и отсылаю.

Между прочим, в те времена наша удалая компания, в которую входили я сам, король Ко-

нан, граф и графиня Эрде, развеселые оборотни из Пограничного королевства и Тотлант Стигийский — ставший теперь знаменитостью придворный волшебник короля Эрхарда — собралась в последний раз. Жаль, что многих бывших друзей я уже никогда не увижу...

Семь лет я безвылазно обитаю в Новом замке, занимаясь приведением в порядок обширного архива и сочинением мемуаров. Моя дражайшая супруга скончалась четыре года тому, оставив мне дочь и сына. Меллис, старшая, недавно вышла замуж за отпрыска пуантенской герцогской фамилии, племянника небезызвестного Просперо, доньне занимающего высочайшее положение при дворе Конана. Сыну Ротану вскоре исполнится семнадцать, его привлекает военная служба, и Конан в редких письмах, приходящих из столицы в Юсдаль, напоминает, что моего сорванца ждет не дождется место в гвардии Черных Драконов. Будущим летом отправлю Ротана в столицу с надеждой, что он однажды прославит родовое имя баронов Юсдалей на полях сражений. К несчастью, талантов к овладению учеными дисциплинами у Ротана не обнаружилось, он более похож на деда — воинственного барона Зенса — чем на меня. Но в конце концов, не каждому же становиться чернильной крысой, наподобие вашего покорнейшего слуги?

Сейчас я не желал строить никаких планов на будущее. Пятьдесят два года не столь уж солидный возраст, иные и в семьдесят скачут, будто шестнадцатилетние. Не хотелось лишь одного —

тихого старческого угасания в отдаленном поместье. Пока Ротан остается дома, я могу надеяться на нескудную жизнь (маловозрастный негодяй никому не даст заскучать — от его проделок стоит вся округа!), но что потом? Остаться в одиночестве, заниматься хозяйством, разбирать жалобы кметов друг на друга, сочинять новые книги, а однажды тихо умереть в любимом кресле?

Увольте...

Видимо, придется оставить замок на попечение управляющего и отправиться путешествовать. Можно будет навестить друзей в Немедии и Пограничье, заглянуть в Туран — всегда мечтал там побывать! Хватит, отдохнул. Перед смертью стоит набраться впечатлений, чтобы было что рассказать на Серых Равнинах. А вернувшись, я обнаружу повзрослевшего и остепенившегося Ротана, выводок внуков и внучатых племянников — у моего старшего брата уже родилось одиннадцать детей, а его молодая супруга сейчас ждет двенадцатого. Эргин и в шестьдесят остается большим любителем прекрасного пола.

Странно, отчего я начал столь часто задумываться о смерти? Все мои предки были долгожителями, папенька скончался в девяносто восемь лет, дед протянул до ста четырех и умер на охоте — сломал хребет, свалившись с лошади... Может быть, предчувствие? Я ощущаю себя абсолютно здоровым человеком, никогда даже не простужаюсь, войны нынче не предвидится, так как варвар расправился со всеми мало-мальски серьезными противниками Аквилонии. Да и на

войну меня теперь никакими посулами не заманишь — хватит, навоевался!

Тоглант однажды объяснял мне, что изредка смерть другого человека чувствуешь, будто собственную. Особенно, если этот человек был тебе очень близок. Может быть, кому-то из друзей грозит беда, или — упаси Митра! — что-то может случиться с Ротаном?

«Хватит! — сказал я самому себе. — Откуда такие нелепые мысли? Ты образованный, много повидавший человек, которому не следует предаваться унынию. Скорее всего, ты, Хальк, просто заплыл жиром от бездеятельности. Надо отвлечься, съездить в столицу, например. Тарантия, наверняка, сильно изменилась за прошедшие годы... Решено, отправлюсь в гости к королю!».

Решено, так решено. Я начал было собираться, сказал конюшему, чтобы ездовые лошади были наготове через два дня, а потом... Потом просто забыл о своем желании посетить Тарантию. Отвлекли мелкие повседневные заботы.

* * *

...Утром я первым делом начал разбираться с крайне запущенными податными делами — каждый дворянин обязан платить налоги в казну, а я как-то не догадался попросить у Конана освобождение от ленных податей. Окопавшись в кабинете, я завалил стол горой пергаментов и попробовал высчитать, сколько же задолжал Новый замок родимому королевству. Получилась умопомрачительная сумма в четыре тысячи золотых

— разорение! Вот что значит два года не платить налоги и, не глядя, отправлять в камин вежливые депеши из Танасула, где находилась податная управа. Довольно долго меня, как фаворита короля (пусть и отставного), не беспокоили, но терпение у мытарей наконец истощилось, и в Юсдаль пришло грозное предупреждение: не заплатите, отберем часть земель в качестве возмещения!

В замке тихо — Ротан с рассветом отправился к соседям, в баронство Линген, надо полагать, заниматься соблазнением юной дочери месьора Антилия, племянника того самого Омсы Кабана, первым сообщившего королю о появлении Зеленого пламени двадцать семь лет назад. Старик Омса давно покинул бранный мир, не оставив сыновей, а потому Линген перешел во владение Антилия, с которым я поддерживаю наилучшие отношения. Остается надеяться, что Ротан не перейдет известные границы приличий по отношению к милашке Эльге, за которой он приударяет уже полтора года. Иначе придется жениться, хочешь или нет...

Я с отвращением составил извинительное письмо в танасульскую управу, запечатал и, отправив пергаменты в шкаф, хотел было идти в подвал замка, где хранились деньги. Конечно, отправить четыре тысячи золотом в город можно было бы поручить и управителю, но я предпочитаю все делать самостоятельно.

— Папа? — Дверь открыли пинком. Я обернулся, узрев в темном проеме стройную фигуру

возлюбленного отпрыска — Ротан превзошел меня ростом уже на два пальца, а с возрастом вырастет еще больше. — Пап, тут такое!..

— Выйди, постучись, и когда я разрешу — войди. — С ним приходится быть строгим. Никаких манер! Если Ротан будет так же вести себя во дворце короля, его выставят из гвардии с позором. — Я что сказал?

— Папа, не время для церемоний! Ты с ума сойдешь от подобного сюрприза!

Я внезапно заметил, что Ротан излишне возбужден — светлые волосы, которые он обычно стягивает в хвост на затылке, растрепались, серые глаза разгорелись азартным пламенем, а узкий рот готов растянуться в улыбке. Что такого могло произойти?

— Рассказывай, — вздохнул я. — Коза в хлеву опоросилась? А может, ты наконец решил жениться на Эльге из Лингена?

— Хуже! Точнее, гораздо лучше! У нас гости! По дороге встретил!

Мое воображение тотчас нарисовало образ угрюмого сборщика податей в окружении десятка королевской стражи. Хальк, барон Юсдаль, вы арестованы. Проследуйте в долговую тюрьму. Замок подлежит проскрипции. Внесите кандалы!

— Из Танасула гости? — безнадежно спросил я. Почему-то никак не могу избыть страх перед разного рода чиновниками.

— Из Тарантии!

Ого, это уже лучше. Наверное, кто-нибудь из прежних друзей заехал проведать.

Пока я спускался по лестнице во двор, Ротан хранил таинственное молчание, не желая называть имена визитеров. Сказал лишь, что их двое. Но, судя по тому, как Ротана распирало от восторга, я понял — гости в Новом замке необычные.

Слуг в моем доме немного — четыре кухарки, дворецкий, несколько псарей и конюхов. Никогда не терпел пышный двор, видимо, устав от мельтешения прислуги за годы жизни в столице. Сейчас почему-то все, кто обитал под моей крышей, собрались у ворот замка, зачарованно рассматривая двух приезжих, на первый взгляд ничем особенным не отличавшихся. Первый — высокий мужчина в коричневом костюме охотника, прикручивал поводья лошади к коновязи. Другой, одетый в черное, снимал с седла туго набитые переметные сумы. Когда он повернулся и стало возможно разглядеть лицо, я попросту обратился в соляной столб.

— Дядя Хальк? — молодой человек, уронил мешки на землю и ринулся ко мне. — Митра лучезарный, это же дядя Хальк!

Мгновением спустя меня заключили в медвежьи объятия так, что ребра хрустнули.

— Конн! — выдавил я. — Как ты вырос! Со всем взрослый мужчина! Отпусти, задавишь!

Меня поставили на землю, позволив свободно вздохнуть. Теперь я поймал испытующий взгляд того, что постарше. Яркие синие глаза варвара с возрастом не поблекли.

— Ну, здравствуй...

— Добро пожаловать, ваше величество... Чем обязан столь высокой честью?

— Ты что, старый бродяга, забыл как меня зовут?

— Прости, Конан. Что ж мы стоим? Проходите в...— я не решился называть свое жилище величественным словом «замок».— Проходите в дом. Вот не ждал... Конан, ты мне не мерещишься?

— Ничуть,— ухмыльнулся король и глянул на Конна и Ротана.— Парни, хватайте мешки и тащите наверх. Только осторожно! Разобьете кувшины с вином — шкуру спущу!

Я поплелся следом, все еще не веря глазам. Конан вместе с наследником трона неожиданно вспомнили, что я существую на этом свете, и решили нанести визит... И не надо самому ехать в Тарантию! Если угодно, теперь столицей Аквилонии стал захолустный Юсдаль, ибо здесь находится король.

* * *

Конан за минувшие годы почти не изменился внешне. Конечно, изрядно прибавилось седых волос, сеть морщин возле уголков глаз стала глубже и шире, веки потяжелели. Но, в целом, варвар неплохо сохранился для своих шестидесяти пяти лет. Фигура не погрузнела, руки по-прежнему сильны, плечи, как у многих пожилых людей, не стали покатыми. Взгляд, как и раньше, мальчишеский и хитроватый. Наверное, Конн через несколько десятилетий станет таким же,

благо первый сын короля и наследный принц Аквилонии до невероятия похож на своего ценосного папашу-варвара.

Конн, первенец короля, родившийся в 1298 году, почти ровесник моему Ротану — они родились с разницей в десять лун. Совершеннолетие Конна будет праздноваться через несколько седмиц, в середине осени. Весьма знаменательно, что сын короля родился в ночь на праздник Самхайнн, когда раскрываются врата меж Средней, Верхней и Глубинной Сферами нашего мира и незримые духи снисходят на землю, чтобы посмотреть, как живут смертные. Вероятно, Конн получил особое благословение Незримых, унаследовав от отца-киммерийца и матушки, королевы Зенобии все лучшие черты — наследник награжден многими талантами Конана (среди которых не последнее место занимает преемственная тяга к невероятным авантюрам), воспитывался Конн в самой великой стране материка, у него были достойнейшие учителя, включая и некоего Халька Юсдаля... Я смотрю на Конна и могу себе в мельчайших подробностях представить, как выглядел наш король во времена бурной молодости. Высок, вровень с отцом, волосы по-киммерийски темные, только глаза не сине-голубые, а серые — черта матери, покойной государыни Зенобии.

Ротан и Конн росли вместе до поры, когда я решил уехать обратно в Гандерланд и начать добропорядочную жизнь скромного барона-землевладельца. Ротану тогда исполнилось семь, сыну

короля — восемь лет, виделись они с тех пор всего два или три раза, когда я возил семью на праздники в столицу. Но старая дружба не забылась.

— Папа? — Ротан поднялся из-за стола и вопросительно посмотрел на меня. — Можно мы с Конном возьмем лошадей и собак? Поохотимся до вечера?

— Любопытно, когда ты меня спрашивал в последний раз? — хмыкнул я. — Отправляйтесь. Если добудете к ужину кабанчика, буду весьма благодарен.

Ротана с королевским сыном из парадной залы как ветром сдуло. Они наверняка решили, что старики начнут предаваться скучным воспоминаниям о прекрасном прошлом. Я, признаться, был бы отнюдь не против вытянуть из короля кое-какие сведения о делах королевства в последние годы. Ведь столько всего интересного пропустил, обрастая мхом в гандерландской глуши!

— Повторю вопрос. — Я плеснул Конану и себе вина (варвар догадался привезти из столицы мое любимое — розовое зингарское). — Чему обязан столь неожиданным визитом? Не верю, что ты просто решил провести бывшего библиотекаря. Приехать за двести лиг только ради того, чтобы выпить со мной?.. Появились трудности?

— Я был в Танасуле, — хмуро буркнул Конан. — Проверял, так сказать, дела герцогства... Свита осталась в городе. Кстати, на тебя жаловались в податной управе.

— Очаровательно! И ты решил прибыть лично, взять меня за глотку и вытрясти налоги? Что же у нас за страна такая — монарху приходится самостоятельно взимать дань с нерадивых подданных!

— Ты как был треплом, так им и остался... — Король нерешительно (да что с ним такое?!) побарабанил пальцами по столу. — С завтрашнего дня можешь не беспокоиться за будущее — моим эдиктом Юсдаль навечно освобожден от любых податей, радуйся...

— Вот спасибо! — восхитился я. — Весьма вовремя... Значит, ты совершаешь поездку по стране? Желаете лично убедиться, что королевство процветает? Не верится... Достаточно было послать канцлера.

Конан встал с кресла, прошелся из угла в угол, пригубил вина. На озабоченном лице варвара ясно читался вопрос: открывать мне некую привезенную с собой тайну, или нет? Я не выдержал:

— Вот что, Конан, либо рассказывай, что произошло, либо продолжай многозначительно молчать. Только в последнем случае я ничем не смогу тебе помочь. Ведь ясно как день — твое появление в Юсдале далеко не случайно.

— Именно, — варвар резким хищным движением приблизился, положил ладони на подлокотники кресла и навис надо мной, будто грозовая туча. — Отнюдь не случайно. Запомни — все произнесенные здесь слова должны остаться только в твоей дурной голове. Никому ничего не расска-

зывать или, упаси Митра, не заносить на пергамент! Обещаешь?

Я судорожно кивнул, отлично зная, что обещание не сдержу. Я и так доверил своим хроникам слишком много секретов. От появления в летописи нескольких дополнительных строчек небо на землю не упадет.

Конан, простая душа, поверил. Однажды доверчивость его погубит, честное слово!

Он прошелся вокруг стола, видимо, не зная, с чего начать, и вдруг брякнул:

— Мое время вышло, Хальк. Я уйду. Навсегда.

Как обухом по голове!

— Что!? — Я неуклюже взвился с кресла, перевернул свой кубок, забрызгав вином парадное блию, надетое специально ради встречи с королем, и едва не упал, поскользнувшись. — Ты что несешь, киммерийское отродье? Разумом повредился?

— Об этом решении никто кроме Конна и тебя пока не знает, — вполне невозмутимо продолжил король, не обратив внимания на мою несдержанность. — После совершеннолетия Конна я передаю трон наследнику и... уйду. Впрочем, дня рождения Конна можно не ждать — законы королевства позволяют мне передать власть наследнику, будь он даже малым ребенком, а Конн уже настоящий мужчина, не на одной войне со мной побывал, ранен был при Сандоварской битве... Сразу после подписания акта отречения я уйду.

— Собираешься куда-нибудь поехать? — уточнил я.

— И это тоже. Ты не мельтеши, а слушай. Сейчас мы путешествуем по Аквилонии, я знакомлю Конна с делами государства, которые он примет очень и очень скоро. Есть одно незавершенное дело...

— Постой! — Убийственное известие Конана застало меня врасплох, и я действительно начал «мельтешить». — Прости, но трон Аквилонии был мечтой всей твоей жизни! Что ты будешь делать потом? Опять начинать бродяжничать? В твоём возрасте? Ты к лекарям обращался? По-моему, у тебя серьезные нелады с рассудком!

— Уймись! — Конан подошел, легонько встряхнул меня за грудки. — Ты что, до сих пор не понял? Я собираюсь уйти навсегда. Иногда такой исход называется смертью. Я именую по-другому — начало нового пути. Ясно? Или повторить по слогам?

Я ошарашенно опустился на сидение, машинально налил еще вина и, не чувствуя вкуса, выпил. В голове роились самые невероятные предположения.

— Ты серьезно болен? Если так, стоит позвать знающих целителей... Напиши Тотланту а Пограничье, стигиец не знает себе равных в лекарской магии, он обязательно приедет и поможет!

— Я совершенно здоров, — отчеканил Конан. — Мне не нужны волшебники, лекари или митрианские монахи. Хальк, я всегда считал тебя умным человеком. Почему ты не можешь уяснить

простой истины: однажды любой из нас обязан подчиниться зову, исходящему из-за грани нашего мира. Я устал, Хальк. Моя дорога здесь пройдена. От первого шага до последнего. Осталось завершить некоторые дела и уйти. Нет, не спрашивай — это никакое не предсказание. Я давно перестал верить гадалкам и прорицателям. Я ухожу по собственной воле. Ладно, хватит об этом... Время невероятно коротко. На мне лежит обязанность отдать несколько последних долгов. Один старый кредитор живет неподалеку. Понимаешь, о ком я?

Как тут не понять! Неужели странная история малыша Тицо, в сражение с которым мы вступили почти тридцать лет назад, и впредь будет тревожить нашу память? Что Конан собирается делать? Может быть, киммериец нашел способ окончательно расправиться с обитающим в Ямурлаке чужаком? Или хочет убедиться, что Тицо крепко спит и в ближайшие столетия не потревожит наш несчастный мир?

— Я хочу поговорить с ним, — разом ответил Конан на водопад моих вопросов. — Есть один небольшой должок, а я всегда расплачивался по векселям. Тицо не спит, скорее дремлет. Об этом мне сообщил Энунд, ты его должен помнить.

Энунд из Ямурлака. Разумеется, я помнил грифона, оказавшего нам значительную помощь во времена борьбы с Хозяином Небесной горы. Грифон прожил несколько лет в Тарантийском дворце, а потом, заскучав по сородичам, вернулся в Ямурлак. Энунда я не видел очень давно,

хотя полуорел-полулев, способный преодолевать Туманную стену Закрытых земель, вполне мог навещать меня в Юсдале. Живем-то в близком соседстве!

— Энунд иногда прилетает в Тарантию, — продолжал Конан. — Докладывает новости. Кстати, у него родились двое щенков, маленькие такие грифончики... В общем так, Хальк. Я завтра с утра собираюсь поехать в Ямурлак. Составишь компанию?

— Волшебная стена не пропускает людей. — Это была истинная правда. — Я много раз пробовал. Сначала идешь в густом мареве, а потом тропа выводит тебя обратно к границе Ямурлака. Ничего из твоей затеи не выйдет.

— Посмотрим, — туманно ответил Конан. — Итак, ты согласен?

— Конечно, — вздохнул я. Отказаться поучаствовать в последнем приключении киммерийца было просто невозможно. — Поедем вдвоем?

— Я обязательно возьму с собой Конна.

— Тогда и мой постреленок увяжется... Ничего, вчетвером надежнее. Сегодня чудесный день, может быть, прокатимся на озера? Зачем сидеть в душном замке?

— А что, неплохая мысль... У тебя найдется хороший охотничий лук? Уток постреляем!

* * *

Мы отправились в сторону полуночного заката, к скалам. Конана всегда завораживала диковатая природа Гандерланда, отчасти напоминав-

шая ему о покинутых навеки плоскогорьях Киммерии. Гигантские хвойные деревья, синевато-изумрудные ели покрывают пологие холмы, меж которыми выются речки, стекающие с гор; золотые стволы сосен поднимаются к синим небесам, проглядывающим в перьях подкрашенных солнцем облаков, гладкие озера светятся меж ветвей, бросая зыбкие блики на лица людей. Болотца переливаются всеми оттенками рубина — начинается осень, созрела брусника. Пахнет еловыми иголками и грибами. Над головой слышен тихий грай журавлей — большие серые птицы клином направляются к полудню, в сторону Пуантена и Зингары, а затем дальше, к берегам Куша и Стигии.

В основном, говорил Конан, я лишь задавал вопросы, желая узнать, как обстоят дела в широком мире.

— Старина Эрхард умер четыре года назад, — поразил меня очередным неприятным известием варвар. Едва слезы на глаза не навернулись — я прекрасно помнил короля Пограничья, благополучно правившего беспокойной полуночной страной целых двадцать пять лет. — Теперь королем Эртель. Ничего, вроде справляется. Приезжал недавно с визитом. Завидую оборотням — Эртель отметил пятидесятилетие, а выглядит как и прежде, хоть бы одна новая морщинка появилась. Стал посерьезнее, теперь хотя бы не чешет языком без умолку...

— А Веллан как живет? — спросил я, пытаясь заставить свою кобылку идти голова в голо-

ву с огромным конем боссонской породы, принадлежащим королю. — Давно из Пограничья не получал никаких известий.

Варвар странно посмотрел на меня и вздохнул:

— Разве Тотлант тебе не сообщал? Велл погиб во время порубежной стычки с гиперборейцами возле Скалы Черепа... Оставил четверых детей. Я сегодня прямо-таки настоящий вестник смерти, правда? Не расстраивайся, Хальк. От судьбы никому не удастся сбежать, будь ты оборотнем или человеком. Зато остальные живы и здоровы. Мораддин теперь канцлер Немедии, второй человек в Бельверусе после короля Нимела Второго.

— Знаю, Ринга мне писала. Кажется, она, как и раньше, трудится на тайную службу.

— Эту прожженную разбойницу ничем не исправишь... Надо же, а ведь я познакомился с ней и Мораудином сорок лет назад! Время летит невероятно быстро. Тотлант содержит в Вольфгарде два десятка учеников, свою школу волшебного искусства, важный стал — боюсь, зазнается. Теперь, после смерти Тот-Амона, его полагают одним из самых могучих магов стран Заката. Поколения меняются, Хальк, меняется мир. Чабела Зингарская, дочь Фердруго, моя царственная сообщница по некоторым приключениям на Закатном океане, теперь уважаемая королева-мать, передала трон сыну, что и я собираюсь сделать... На тронах Заката никого из старых правителей не осталось, везде за дело взялась молодежь. Все прежние враги в могиле.

— Да... Ты вроде бы в 1309 году наконец доконал беднягу Тот-Амона? Жалко даже старика, столько добрых воспоминаний!

— Стигиец получил по заслугам,— пожал плечами Конан.— Сам знаешь, я по собственной воле и мухи не обижу. Тот-Амон чересчур зарвался, пришлось доказать ему, что делать гадости безнаказанно я никому не позволю. Оставим, дело прошлое. Как знать, может быть, в иных мирах я еще увижу своих друзей и врагов, доставивших столько радости... И бывших подружек. Карелу, Белит, Испарану... Было бы здорово снова встретиться.

— Ха! — насмешливо фыркнул я.— Представляю! Да эта свора бешеных девиц сначала перегрызется между собой, а уцелевшие затем тебя выпотрошат, предварительно охолостив и сняв скальп!

— Точно! — расхохотался Конан.— Один в один мои мысли! Смотри, какой красивый водопад!

Бесспорно, красивый. Я люблюсь на здешние красоты много лет. Но даже самые восхитительные виды, ставшие обыденными, приедаются.

С макушки буровато-красной гранитной скалы в круглое озеро низвергался поток чистейшего хрусталя — вода холоднющая, течет с ледников Киммерийского хребта. Конан направил коня по узкой тропке наверх, видать, желал окинуть взором окрестности.

Мы выбрались на площадку, в середине которой вода проточила себе неглубокое русло. Под

скальным выходом расстилалось бесконечное лесное море с пятнышками озер, лиловая полоска гор уползала за горизонт, поблескивали искорки снежных шапок на вершинах. А слева... Слева, всего в пяти или шести лигах к закату, на землях Гандерланда лежало огромное белое облако, невесомым куполом накрывавшее Ямурлак.

Солнце описало ровно двадцать семь полных кругов с той поры, когда я, Веллан Бритуниец и граф Морадин вместе с грифоном Энундом побывали в пределах туманного окоема, тогда на время исчезнувшего. Ямурлак уже несколько тысячелетий оставался страной, где не знали присутствия человека — надо полагать, Хозяин Небесной горы предпочел, чтобы его убежище всегда оставалось недоступным.

Благодаря изолированности от большого мира, в Ямурлаке сохранились древнейшие животные, давно исчезнувшие с лица земли, обитали позабытые человеком разумные твари, наподобие грифонов или гарпий, а главное — там нашло пристанище старейшее существо обжитой Сферы: гигантский василиск по имени Тач, возраст которого исчислялся почти девятью тысячами лет. Тач помнил все эпохи — Атлантиду, Кхарийскую империю, нашествие хайборийцев, а основание Аквилонии, по его меркам, произошло едва ли не вчера... Неужели мне снова удастся побывать в Забытой стране? Конан уверен, что магическая стена нас пропустит. Интересно, почему?

— Значит, вот как это выглядит,— задумчиво сказал киммериец, рассматривая Туманную сте-

ну.— Я в Ямурлаке никогда не был, только однажды, очень давно, проходил неподалеку от облака. Посейчас жалею, что не съездил в Забытую страну вместе с вами. Но ничего, осталось подождать до завтра... Великие боги, Кром и Митра! Хальк, смотри, смотри! Видишь!?

Я похолодел. По лицу скатились несколько капель противного липкого пота. Прошрое возвращалось, да в столь неприятном обличье, что впору было завывать в голос.

Над туманным куполом неожиданно взвился фонтан зеленого огня — того самого смертельно опасного пламени, превращавшего некогда людей в уродливых тварей, призванных служить Хозяину Небесной горы. Я однажды своими глазами видел подземный огонь — в тот несчастливый день, когда был уничтожен форт Велитриум на границе с пиктами. Уцелеть получилось чудом. Неужели все начинается снова? Нет, это невозможно, невероятно!

Блеклый под солнечными лучами вихрь изумрудного пламени померцал в отдалении — и исчез столь же внезапно. Конан прокашлялся и, подняв, будто в удивлении, брови, сказал мне:

— Кажется, я догадался, что произошло. Он почувствовал, что я где-то неподалеку. Понял, что я приехал к нему. И дал знать — прийти можно

— Ну и дела...— слабо выдавил я.— Поедем отсюда. Мне несколько не по себе.

Барвар вытащил лук из тула и посмотрел восторженно.

— Кажется, мы хотели пострелять уток? Хватит на сегодня мрачных воспоминаний и призраков далекого прошлого. Показывай дорогу к озеру!

* * *

Вечером мы, припомнив старинные традиции, напились.

Конечно, скромному празднеству на четверых было далеко от воистину королевских кутежей в Тарантийском замке, на которых присутствовали Конан и все его близкие друзья — герцог Просперо Пуантенский, его разудалый дядюшка Троццо, Паллантид, некоторые командиры Черных Драконов... Веселенькие были времена!

После каждой такой попойки по столице начинали ходить истории о новых выдумках короля — случалось, по резвости характера мы откалывали номера почище, чем самые отъявленные уличные шутники, насмехающиеся над добропорядочными горожанами. Как-то забрались в королевский зверинец и побрили наголо обезьян; потом утащили небольшой бронзовый памятник королю Вилеру и запросто продали хозяйке одного из домов терпимости для украшения заведения.

Еще можно было напустить крыс на пышную галерею зингарской принцессы, приехавшей в Тарантию посмотреть на «достопримечательности», или покрасить мерзкой ядовито-зеленой краской памятник самому Конану — это чудовищное сооружение в день пятидесятилетия короля благо-

дарные тарантийцы преподнесли варвару в подарок, взгромоздив на одной из новых площадей столицы. Отказаться от подарка и снести памятник Конан не решился — это было бы просто невежливо по отношению к подданным — но киммериец искренне ненавидел гранитное изваяние (зверская рожа, жуткий вычурный меч, какой невозможно использовать в настоящем бою, поверженный дракон у ног и спасенная красавица, в образе которой скульптор изобразил Аквилонию).

Истинным шедевром была признана совершенно антигосударственная выходка, когда подгулявший монарх с сообщниками в течение ночи сумел развесить на главной улице Тарантии больше сотни черно-золотых флагов Стигии; такой же штандарт украсил флашток здания городской управы, ремесленной и купеческой гильдии, а заодно и особняк старого канцлера Публия. Шутка готовилась довольно давно и была приурочена к празднику основания Аквилонии — на следующее утро должны были состояться парадное шествие короля и гвардии, а заодно всеобщие гуляния. Замечу, что вниманием не обошли даже статую святого Эпимитриуса, прикрутив к его руке древко с золотистым знаменем, в центре которого свернулась кольцом угольная змея.

После рассвета страже прибавилось заботы — приходилось бегать и снимать враждебные символы, прецептор столицы выдвинул против неизвестных злоумышленников обвинение в «ос-

корблении государства и величества», посулив тысячу полновесных золотых тому, кто изловит злодеев или донесет о них. Король только ухмылялся, когда торжественное шествие началось и на стенах зданий пылали золото-алым штандарты с аквилонским львом. После чего Конан не преминул заметить господину прецептору, как красиво украшен город по случаю праздника. Именно тогда градоправитель, сразу догадавшийся, кто приложил руку к столь вопиющему неприличию, и озаботил как тайную службу, так и самого канцлера (поступило множество доносов и жалоб), впервые осмелился заявить Конану, что его шуточки переходят все и всяческие границы. Не пора ли остановиться, ваше величество? Столь неразумными действиями вы только подрываете свой авторитет в глазах верноподданных!

Конан проворчал тогда что-то на предмет скуки, полного отсутствия у некоторых государственных деятелей чувства юмора, однако впредь развлекался более невинно.

...Мы сидели у камина, посмеивались, вспоминая старые проделки, обменивались соображениями о будущем Аквилонии и лениво жевали жареную свинину — Конн и Ротан все-таки сумели добыть небольшого кабанчика.

— А помнишь, — в сотый раз сказал Конан, — как нас завалило в Граскаале? Когда Тотлант обрушил Небесную Гору в озеро лавы?

— Я очень хорошо помню, как некоторые хотели повоевать с подземным демоном, — съязвил

я. — А также все еще желаю раскрыть самую страшную тайну. Полночной грозы — кто все-таки наставил рога Морадину, ты или Тицо?

— Неважно, — откровенно фыркнул король. — Главное, что Тицо именно на этом и прокололся. Ринга сразу поняла, что это был не я.

Тут расхохотались все — и старики, и молодежь. Конан, утерев слезы, добавил:

— А вообще, Рингу стоило задушить в темном углу за ее шашни с Тот-Амоном. Между прочим, именно она виновата в том, что вызванный стигийцем демон сломал Веллану несколько ребер и едва не порешил всех нас. Помнишь?

Во время запоминающихся событий ночи Мятежа Четырех, когда мы пытались вернуть Конану трон, захваченный ямурлакским найденышем, в замке неожиданно объявилось жутчайшее чудовище, которое, собственно, и предредило исход заговора. Потом выяснилось, что очаровательная госпожа Ринга, графиня Эрде, просто решила подстраховаться и шантажом заставила Тот-Амона (колдун в те времена жил в Тарантии) предоставить ей самого злобного и сильного демона, какого только можно найти в Черной Бездне. Дело закончилось бы плачевно, не снизойди на нас милость Митры — в ход событий вмешались божественные силы. Разобравшись, что произошло, мы посчитали странное видение явлением самого Митры или его посланца, легендарного Эпимитриуса.

Много всякого можно вспомнить... Конн с Ротаном, развалившиеся у самого очага на медве-

жьих шкурах, наперебой требуют рассказать еще что-нибудь, бурлит в чане красное вино с водой и специями, свечи горят. Ужасно не хочется, чтобы этот вечер заканчивался. Возможно, это последняя наша с Конаном встреча. Если только король, действительно, решил выполнить свой замысел и добровольно уйти.

Я никогда не жаловался на отсутствие воображения, однако плохо представлял, как именно варвар осуществит свою затею. Уйти... Ну не кончит же Конан с собой, бросившись на меч, и не отправится в пиктские пущи искать смерти? Он затеял нечто более возвышенное и интересное — зная Конана почти три десятилетия, я уверен, что он, обладая весьма своеобразным характером и редкостно изощренным умом, не станет «просто умирать». А с учетом весьма широкого круга его знакомых, среди которых имеются и боги, и великие маги, не решился ли варвар на что-нибудь вовсе невероятное? Может быть, «смерть» подразумевает под собой гораздо более широкое понятие, нежели обычное путешествие бесплотного духа на Серые Равнины?

Позвольте, при чем здесь Серые Равнины и царство Нергала? Нижняя Сфера — место отдохновения усопших — к Конану не имеет никакого отношения! Конан происходит родом из Киммерии, его сородичи (да и он сам) не верят, что их души уходят в мрачные Нергаловы подземелья. А если ты во что-то не веришь, следовательно, этого не существует. Или у Конана собственные планы, с которыми приходится считаться

даже богам? Солнцезарный Митра, что же это за человек такой, который даже на собственный уход из обитаемого мира смертных строит какие-то замыслы? Или Конану будет оказана особая милость? Непонятно... Жаль, что я так и не сумею этого узнать — варвар отказался дать даже малейший намек на события, долженствующие произойти после коронации наследника.

А на мой крайне навязчивый вопрос, вроде «Может, вместе отправимся?» было весьма невежливо сказано, что у каждого своя дорога, а кое-кто излишне любопытный однажды нарвется на очень серьезные неприятности. Но, с другой стороны, эту фразу я слышу всю свою жизнь, во все не переполненную помянутыми «неприятностями».

Видимо, Конн что-то знает, но спрашивать у него просто неудобно. Впрочем, наследник ничего не скажет — скрытная киммерийская порода.

— Поднимаемся с рассветом, — распорядился варвар, допивая горячее вино. — Хальк, скажи конюхам, чтобы были готовы заводные лошади...

— Зачем? — удивился я. — Ямурлак не столь уж велик, Забытую Землю можно пересечь из края в край за два полных дня. Мы же не в Пограничье отправляемся, здесь все рядом. Вот провизией надо запастись — в Ямурлаке живут оборотни, в крайнем случае мы можем поискать их деревню, но, видишь ли... э-э...

— Что? — насторожился Конан.

— Забытая Земля весьма изменчива. В Ямурлаке, это я по прошлому путешествию помню,

есть несколько основных ориентиров, вроде озера Зеленой Тени или вересковой пустоши, где обычно отдыхает Тач. Скалы там всякие, река... А вот остальное меняется, причем довольно часто. Утром ты видишь сосновый лес, а проезжая в этих местах ближе к закату, оказывается, что лес пропал, на его месте образовалось болото с зарослями камыша, в которых свили гнезда водяные дракончики. На следующий день дракончики перемещаются на пять лиг в сторону гор, их заменяют поющие жабы — знаешь, такие здоровые, розовые в фиолетовую крапинку? — на месте же болота вырастает пальмовая роща...

— Поющие жабы? — Конан умиленно посмотрел на меня. — Розовые, говоришь? В крапинку? А может, в полосочку? Хальк, ты слишком много выпил. Что поют хоть? Героические баллады, чувственные девичьи лэ или похабень какую?

— Услышишь — не обрадуешься, — мстительно и обиженно заявил я. Надо же, Конан не верит мне — опытному путешественнику, знающему таинственный Ямурлак почти как свои пять пальцев! — Сии чудовища...

— Оранжевые в полосочку?

— Не в полосочку, а в клеточку. Так вот, сии чудовища привлекают простодушных киммерийцев в самую трясиину, после чего увлекают жертв на дно и...

— ...И предаются с ними безобразным оргиям, — зевнув, заключил Конан. — Все, шутки в сторону. Я иду спать, завтра вставать рано. Где нас устроишь, надеюсь, не на сеновале?

Я показал Конану и его сыну обширную спальню на втором этаже, Ротан ушел к своей комнате, а пронырливый хозяин Нового Замка устроился в кабинете, запалил десяток свечей, воровато оглянувшись, достал из шкатулки несколько чистых листов пергамента и начал аккуратно заносить на выделанную телячью кожу все события минувшего дня. Конан узнает — убьет!

Рассказ второй Кривые дорожки Ямурлака

Очень долго я размышлял, какую истинную цель преследует варвар, отправляясь в Ямурлак, но не сумел найти ответа. Головоломка не желала открывать свой секрет. Конан обмолвился вчера, будто хочет «поговорить» с Тицо, но о чем, простите, им разговаривать? О прошлом, будущем, настоящем? Каким образом связаны невероятное известие о том, что Конан пожелал оставить обитаемый мир, и его прощальный визит в Гандерланд?

Полагаю, что сам все увижу и услышу. Если, конечно, нас пропустят в Закрытые земли.

Король, Ротан, Конн и я выехали из Нового замка с рассветом — солнце едва показало багровый краешек над едва различимыми зубринками Немедийских гор, оставшихся за нашими спинами. Мне пришлось ехать впереди, показывая дорогу: сначала по склону холма в обход непролазной чащи, заваленной буреломом, мимо Лебяжьего озера, получившего от меня столь по-

этическое название из-за расположенных по его берегам гнездовой лебедей, потом через сосняк, к Ямурлакской границе.

Здесь еще сохранились засеки и каменные охранные знаки, возведенные в очень древние времена, когда люди опасались, что из Забытой страны ползет зубастая, непривлекательная внешностью и характером нечисть. Вот пожалуйста, справа по ходу лошадей из травы торчит столб с высеченным солнечным коловоротом и рунической надписью (я несколько лет бился, пытаюсь расшифровать таинственный алфавит, но потерпел неудачу — видимо, символы сохранились со времен кхарийцев, о которых нам известно очень мало), чуть подальше — более новый деревянный идол: творчество суеверных кметов из деревень. Ощерившаяся клыкастая физиономия истукана призвана пугать возможных непрошенных визитеров из-за Туманной стены, а изображения домашних животных должны навевать ужас на демонов — многие иномировые чудища боятся собак и лошадей.

— Удивительное дело,— вдруг подал голос Ротан, оглядываясь на меня.— Папа, ничего странного не замечаешь?

— Н-нет...— запнувшись ответил я.

— В лесу очень тихо,— сказал Конан, ехавший позади.— Возле Ямурлака всегда так?

— Да, любопытно...— я прислушался. Только мягкое постукивание копыт и дыхание наших лошадей нарушало глухую тишину. Молчали птицы, не скрипели ветви елей, пропали цоканье

белок и стук дятлов. Обычно возле Ямурлака, куда не отваживаются заходить люди, великое и непуганое множество зверья — кметы предпочитают охотиться в стороне, в более безопасных лесах. А я — человек не суеверный, исходил все окрестности по множеству раз, пытаюсь отыскать дорогу в Ямурлак. Однако ничего подобного доселе не видел. Животные чувствуют опасность гораздо острее человека и предпочитают бежать от нее. Я встревожился и позвал Конана:

— Послушай, а ты уверен, что мы не попадем в расставленную Тицо ловушку? Вдруг этот поганец решил отомстить тебе за давнюю историю в Тарантии? Все-таки мы тогда не прикончили его только по чистой случайности.

— Нет,— отрицательно покачал головой варвар.— Тицо никого из нас не тронет. По меньшей мере до времени, пока я не окажусь на пороге его дома. Если, правда, у него вообще есть дом... Но вот устроить какие-нибудь мелкие гадости по дороге у него ума хватит. Вроде испытания — преодолете, добро пожаловать в гости, а нет — катитесь восвояси. Знаешь, как в сказках про заколдованные замки?

— Здесь не сказка,— недовольно проворчал я.— Ямурлак реален. Как реально и то, что звери, живущие в этом лесу, разбежались незнамо куда.

— Они просто отца перепугались — все-таки король приехал,— скептически вставил Конн.— Смотрите-ка, туман! Это и есть Ямурлак?

— Да. Мы на рубеже.

Впереди четырех всадников поднималась в необозримую высь бурлящая облачная стена. Клубы тумана стлались по жухлой траве, его струйки перетекали через разлапистые сучья старых деревьев, иногда казалось, что в серовато-белом мареве мелькают смутные тени каких-то невиданных тварей. Такую картину я наблюдал далеко не первый раз, все знакомо и привычно.

— Подождите здесь,— сказал я, не оборачиваясь.— Хочу провести маленький опыт. Проверю, пропустит меня облако или нет.

Конан натянул поводья, останавливая жеребца, а я под заинтересованными взглядами попутчиков направил лошадь напрямик в гущу тумана. Кобылка шла ровно, не беспокоясь. Главное — не давать ей сворачивать, ехать по прямой.

Ничего не вышло. Лошадь прошла не более сорока шагов, непроглядная мгла, в которой я не мог узреть даже кончики своих пальцев, сжимавших повод, поредела, осталась позади, и я выехал из облака в нескольких ярдах правее того места, где остались Конан и наши наследники. Меня, как и стократ прежде, завернуло обратно.

— Не пропускает,— сказал я, подъехав к киммерийцу.— Боюсь, придется возвращаться несолоно хлебавши.

— Хм...— варвар угрожающе нахмурился.— А ну, поехали все вместе. Хальк, я отправлюсь впереди. Держитесь тесно, не отставайте друг от друга!

История повторилась. Всадники нырнули в молочное марево, проехали совсем немного и вы-

шли к знакомому безмолвному лесу по эту сторону границы.

— Может,— предположил Ротан,— в Ямурлак дозволено проникнуть только одному Конану?

— Проверим,— наклонил голову король и снова попытался проникнуть за волшебную стену, теперь уже в одиночестве. Его конь показался из тумана спустя несколько мгновений. Конан остановился, и зло прорычал: — Вот скотина! Я был уверен...

— А если попросить открыть дорогу? — высказался я, окончательно теряя надежду на успех нашего предприятия.— Входя в чужой дом, предварительно надо бы вежливо постучать...

Конан удивленно посмотрел на меня, однако развернул жеребца и надсадно проорал в неперестанно движущуюся мглу:

— Эй, слышит меня кто? Пропусти! Я — Конан, король Аквилонский!

— Да будь я проклят! — воскликнул Ротан,— Сработало! Пап, ты гений!

Туман на мгновение застыл, будто бы пораженный именем одного из самых могущественных венценосцев Закатного материка, а затем внезапно расступился, образовав колеблющуюся, полукруглую арку. В отдалении, уже на земле Ямурлака, через открывшийся проход можно было разглядеть деревья и нагромождение замшелых валунов.

— Милости прошу! — Конан улыбнулся так самодовольно, что можно было счесть внезапно свалившуюся удачу целиком и полностью его

личной заслугой. Хальк Юсдаль вроде бы и ни при чем.— Нас приглашают!

— Куда, к троллям на обед? — язвительно сказал я, толкнув лошадь шпорами.— Эй вы, трое балбесов, запомните несколько очень простых правил, которые я вывел после прошлого путешествия в Ямурлак. Первое: увидев что-то незнакомое или жуткое на вид, не трогайте и тем более не хватайтесь за оружие. Второе: не съезжайте с тропинок, в Ямурлаке заблудиться очень просто. Третье: там нет врагов, но это не значит, что нет опасностей. Не пытайтесь показать Ямурлаку, что вы сильнее и умнее всех остальных, вам мигом докажут обратное. Вам все ясно?

Конан презрительно фыркнул, Ротан кивнул, а Конн остался невозмутим.

Лошади вступили под облачную арку, быстро миновали проход и остановились.

Странное дело: волшебная стена со стороны Забытой земли была прозрачна, отсюда она выглядела не облаком, а едва колышущейся линией нагретого воздуха, как обычно случается на скалах в жаркий солнечный день. Впрочем, эта загадка меня не тронула, тут есть вещи и поинтереснее.

— Отправляемся? — спросил Конан.— Вот и дорожка, будто по заказу. О нет, кажется начинается! Хальк, зажди тебя Сет, что это такое?

Ямурлак преподнес нам сюрприз немедленно. Замеченная мною раньше гряда валунов зашевелилась, вставая на толстые, бугристые ноги.

***

— Помяни демона к ночи...— прохрипел я, сразу вспомнив прозвучавшую только что шутку про троллей. В Ямурлаке надо бы держать язык на замке, и не такое накличешь.

Конан, рассматривавший оказавшееся перед нами громадное создание, взялся за меч, скакуны нервно прядали ушами и перетапывались, а у меня попросту отвисла челюсть. Тварюга напоминала статую работы обезумевшего скульптора, беспорядочно нагромоздившего друг на друга растрескавшиеся булыжники в попытке придать им человекообразную форму. Наиболее уродливый камень, выраставший из мощных плеч и, видимо, являвшийся головой, мог похвалиться двумя красными глазками и широченной пастью с четырьмя обломанными зубами. На руках у чудища по три пальца, ступни вообще беспалые. Монстр сжимает обглоданный мосол, невероятно напоминающий бедренную кость человека.

— Это что? — полушепотом повторил Конан.— Троль? Каменный троль? Их же не бывает!

— Тролли давным-давно вымерли, с полторы тысячи лет как,— ошеломленно отозвался я, заставляя лошадь медленно пятиться от глазающего на нас существа. По моему мнению, оно могло без особых усилий разорвать человека наполам. И пасть несимпатичная...— Давайте быстренько смываться, пока оно не нападает.

— Вы — гости? — неожиданно осведомился троль. Лошади, услышав гулкий, как из бочки,

голос, присели на задние ноги, приплясывая и фыркая. — Я слышал, что вы говорили. Плохо падать на гостей. Хотите?

Чудище распахнуло рот еще шире, что, скорее всего, обозначало любезную улыбку, и протянуло нам кость. Фу, хвала богам! Я рассмотрел, что мосол не человеческий, а лосиный.

— Б-благодарю, — натужно выдавил я, — мы такое не едим. Нам хотелось бы увидеть Тача, василиска. Знаешь где он сейчас?

Троль изобразил на украшенной мхом и сильным лишайником физиономии напряженную работу мысли, сверкнул глазками и наконец прогудел:

— Там.

Ткнул рукой в сторону от тропинки, в самую гущу леса.

— Спасибо, — буркнул немного успокоившийся Конан. — Хальк, поехали. По дороге. Если здесь кругом тролли, я последую твоему совету и предпочту не сворачивать в чащобу.

Лошади с облегчением зарысили в сторону от первого встреченного нами обитателя Ямурлака, а я оглянулся и увидел, что каменное чучело добродушно машет нам вслед серой лапищей.

— Невозможно! — горячился Конан. — Я за свою жизнь много всякого повидал, но чтобы тролля встретить, да не какого-нибудь, а каменного? Такие существа проходят по ведомству бабушкиных сказок!

— Как и грифоны, и гарпии, и кентавросы, и человеческие головы на паучьих лапах, — пере-

числял я в ответ некоторых существ, виденных в Ямурлаке во время прошлой поездки в Забытый край. — Ты, надеюсь, заметил — тролль не проявил никаких враждебных намерений, последней костью хотел поделиться...

Конн хохотнул, а варвар только сплюнул.

В полдень мы решили остановиться на полянке, слегка перекусить и дать лошадям отдохнуть. На мелкие чудеса вроде падающих навстречу друг другу теней или изредка пролетающих над головами зубастых птиц, размером с утку, внимания почти не обращали — нас крылатые твари не беспокоили, а только перекликались дурными визгливыми голосами, да охотились на необыкновенно больших синих стрекоз.

— Направление я приблизительно знаю, — сказал я, отвечая на молчаливый вопрос Конана. — Солнце справа и чуть позади, двигаемся на полуденный закат. Если ничего особенного не произойдет, к вечеру окажемся неподалеку от огромного поля, заросшего вереском. Именно там мы в прошлый раз нашли Тача. Увидите его — не пугайтесь. Василиск очень доброжелательно относится к людям, но выглядит необычно. Тач подобен одному из древнейших чудовищ эпохи до Атлантиды, когда на земле сплошь обитали великаны и простая ящерица вырастала до размеров целой горы!

— Помню, — кивнул Конан. — Ты рассказывал. Почему ты так хочешь увидеть василиска?

— Тач знает путь к убежищу Хозяина. Я не смогу точно указать дорогу — тогда мы ехали на

его спине, и я посвящал время разговорам, а не наблюдению за окрестностями. А ты, Конан сможешь побеседовать с самым старым и мудрым существом нашей Сферы. Наверное, тебе это будет интересно.

Я взял у Ротана передаваемую по кругу баклагу с легким вином, почти не пьянящим, но отлично утоляющим жажду, приложился. И едва не подпрыгнул, когда Конн, развалившийся на травке рядом, пихнул меня в бок локтем.

— Дядя Хальк, посмотри! Кажется нас почтили вниманием! Человек?

— Людей здесь нет,— машинально ответил я, устремив взор в указанном направлении. Точно, по широкой, залитой ярким солнцем тропе к нам приближался неизвестный, в длинном темном плаще, с надвинутым на лицо острым капюшоном. Двигается быстро, не без величественности, широко и уверенно печатая шаг.— Наверное, оборотень — в Ямурлаке живут несколько семей из племени Карающей Длани. Если оборотень — договоримся, спросим короткую дорогу.

Мы встали, а я, случайно бросил взгляд на Конана, на лице которого отчего-то засветилось искреннее недоумение и даже растерянность. Он будто бы узнал черноплащного визитера.

— Не может такого быть,— сам себе сказал варвар и протер глаза.— Хальк, ты это тоже видишь?

— Да, да,— одновременно ответили я и Конн, которого вообще не спрашивали. В глазах короля появился недобрый отблеск.

Незнакомец был очень высок, судя по фигуре — невероятно силен, но впечатление портили сутулые плечи и какие-то нервные, почти судорожные, безостановочные движения кистей рук. Так иногда выглядят растерянные лекари, которые не могут определить, что за недуг у больного, и не знают, за какую склянку или инструмент хвататься.

Человек остановился в десятке шагов от нашего маленького лагеря, блеснули из-под тяжелого покроя глаза. Плащ распахнулся, явив длинную золотую парчовую хламиду с черной змеящейся вышивкой.

— Приветствую тебя,— сказал неизвестный, явно обращаясь к Конану.— Я не рад этой встрече. Но ведь ты помнишь одно мое послание, попавшее тебе в руки двадцать семь лет назад? Помнишь?

— Не совсем,— Конан напряженно вглядывался в темноту под капюшоном. И вдруг ахнул: — Ты?..

— Да, именно я. И никто другой.

Ткань, отброшенная резким рывком, обнажила лицо человека. Желтоватая, болезненного цвета кожа, глубокие морщины избороздившие лоб и щеки, шея мятая и жеваная. Коротко, горшком, постриженные седые волосы. Глубоко запавшие светло-карие глаза. Хорошо заметно, что зрачок не круглый, как у всех людей, а продолжный, змеиный. Бородавка на щеке. Неприятный тип, но я не мог отказать грозному старцу в некоей суровой привлекательности и мрачном величии.

Где я мог видеть его раньше!? Готов поклясться, мы однажды встречались! Мимолетно, кратко, но встречались!

— Ты мертв! — воскликнул взбудораженный Конан. — Уходи обратно, в пустоту!

— Вспомни, — пророкотал темноглазый, — Ты видел строки моего послания. Там было написано: «...до встречи в будущем или прошлом, в этом мире или в другом, в жизни или в смерти...» Я пришел увидеть тебя в смерти.

Меня внезапно осенило. Достаточно было произнести несколько слов, которые увековечены мною в последних главах «Синей хроники»! Письмо Тот-Амона, пересланное Конану после событий Мятежа Четырех! Нагловато-самоуверенное послание, подписанное самым выдающимся и, увы, наиболее бесчеловечным магом, какого видела история современного мира! Стигиец пообещал никогда не уходить с дороги киммерийца, всегда быть рядом, неподалеку, стоять за спиной днем и ночью, в будущем или прошлом, в зримой вселенной или в иной... Маг выполняет клятву.

Неужели Конан не завершил шесть лет назад свою миссию, и тогда, в пределах Черных королевств, Тот-Амон не нашел вечного успокоения? Быть не может, варвар мне клялся всем святым, что стигиец мертв и никогда не вернется!

— У тебя замечательный сын, — молвил тем временем внезапно воскресший Тот-Амон, зыкнув на Конна. Наследник, к его чести, выдержал нелегкий испытующий взгляд. Колдун отвел гла-

за первым. — Конан, ты добился очень, очень многого...

— Убирайся! — рявкнул киммериец. — Ты умер шесть лет назад, и ничто не вернет тебя под солнце! Ты — морок, видение, призрак! Пошел прочь, иначе заново познакомишься с моим клинком!

— Ты хотел отдать долги, — невозмутимо, не обращая никакого внимания на ярость короля, сказал Тот-Амон. — У тебя есть долг и передо мною.

— Это кто такой? — шепнул Ротан, но я лишь отмахнулся. Мысли текли беспорядочно: мертвое не может воскреснуть, кости стигийца давно лишились плоти, и оскаленный череп смотрит в небытие проваленными глазницами. Однако сейчас Тот-Амон рядом и выглядит вполне живым. И это никакой не призрак — его одежда настоящая, шуршат складки золотой парчи, хлопает на ветру плащ. Я даже чувствую его запах, похожий на едва различимый, неприятный аромат слежавшейся кожи.

— Ты мертв, — убежденно и медленно повторил Конан, демонстративно убрав ладонь с рукояти меча. — Я не стану бороться с тем, чего не существует.

— Думай, как знаешь, — хладнокровно пожал плечами маг. — Не вижу смысла тратить время на доказательство противоположного. Только потому, что ты не можешь понять одной простой истины — жизнь и смерть неразличимы. Это лишь две частицы вечного бытия.

— Тогда говори, зачем явился,— голос Кона-на внезапно принял примирительно-безразлич-ный оттенок.

— За долгом.

— Все долги я тебе отдал. С лихвой.

— Нет. Остался последний и главный. Ты от-нял у меня земную жизнь, заставив покинуть этот мир. За убийство, по уложениям любых эпох и любых народов, положена вира. Она не была условлена, а посему — я вправе виру назначить. Итак, ты решишь сам, какое возмещение будет отдано за жизнь Тот-Амона. Но не будь скрягой, варвар. Я даю тебе возможность искупления. Искупления одного-единственного убийства из многих, совершенных тобой. Как знать, может быть, в бесконечности, где заканчиваются все пу-ти, это склонит чашу весов в твою пользу. По-думай хорошенько, Конан. Тебе дать время на размышление? Хорошо. Я подожду. Недолго... По-сижу вот там, на валуне.

Тот-Амон шагнул к здоровенному камню, по-казывавшему бурую плоскую голову из травы, и уселся. Смотрел он на небо, исполосованное про-зрачными облаками, и почему-то улыбался.

Мы остались на месте. Ротан с Конном вы-глядели обескураженно, а варвар задумчиво.

— Интересные дела творятся... — наконец ска-зал Конан и обратился ко мне.— Будут достой-ные внимания соображения о происходящем?

— Если это очередная шуточка Тицо, то ему очень сильно изменило чувство юмора,— начал я, понимая, что возвращение старинного врага

киммерийца вполне могло быть проявлением не-вероятных способностей Хозяина Небесной горы. Тицо был великим мастером перевоплощения.— Его проделка, не иначе.

— А если нет? — вдруг поднял глаза Конан и посмотрел загадочно.— Я заметил странность. Ти-цо не вылезает из Ямурлака со времен нашей по-беды над Зеленым огнем, то есть немногим мень-ше трех десятилетий. А это... этот... Тот-Амон вы-глядит таким, каким я его запомнил во время нашей последней встречи в Черных королевствах шесть лет тому. Не моложе. Хозяин просто не мог видеть стигийца настолько состарившимся. Значит...

— Значит, это действительно Тот-Амон,— за-кончил за отца Конн и подозрительно посмотрел на мага, щурящегося на солнце.— И в то же время это просто невозможно!

— Я говорил то же самое, когда Просперо предложил свергнуть Нумедидеса...— озадаченно вздохнул Конан.— Он просит виру? Но что я мо-гу отдать?

— Двинуть мечом по черепу,— несвоевремен-но брякнул разгорячившийся Ротан, но я его одернул. Не мешай, мол.

— Простое решение — не всегда верное,— ти-хо сказал король.— Тот-Амон никогда ничего не делал, не подумав стократ, не взвесив все «за» и «против». Если он все-таки неким чудом вырвал-ся из Небытия, куда я его отправил, и пришел за возмещением, значит — ждет чего-то особен-ного, необычного. И единственно правильного.

Недаром колдун предложил мне самому выбрать виру. Не сомневаюсь, он ждет ошибки с моей стороны. Однако, ошибки не будет!

Конан резко повернулся на каблуках и шагнул к стигийцу. Маг бесстрастно воззрился на короля. Мне почудилось, что бездонные расселины зрачков Тот-Амона слегка запульсировали.

— Что же ты готов отдать мне в обмен за жизнь?

Варвар излюбленным жестом отбросил волосы со лба. Посмотрел на стигийца глаза в глаза.

— Прими мое прощение,— веско и тяжело сказал Конан.— Я прощаю тебе все. Все плохое, что ты сделал мне, моим друзьям и моей стране. Я не хочу больше видеть в тебе врага. Но и не назову другом. Прими мое забвение и безразличие. Ты доволен вирой?

Тот-Амон от неожиданности на мгновение замер, потом медленно, осторожно встал. Маска лица не изменила небрежного выражения, но во взгляде промелькнуло что-то похожее на обычные человеческие чувства. Нечто очень напоминающее понимание и облегчение.

— Благодарю,— стигиец слегка поклонился.— Возмещение достаточное. За мою смерть уплачено. И еще: боюсь, впредь мы никогда не увидимся. Я забираю обратно обещание вечно стоять на твоём пути, Конан. Моя дорога ведет в противоположную сторону. Прощай.

Конан наклонил голову в ответ, а Тот-Амон, не удостоив остальных даже кивком, запахнул плащ и направился по тропе прочь от поляны.

Через несколько мгновений его черная тень исчезла за стволами деревьев, и только отдаленно постукивали подошвы сапог по камням. Вскоре и этот звук утих.

— Фф-у-у... Иногда я сам себе удивляюсь,— варвар утер пот со лба.— Да еще десяток лет назад я и подумать бы не мог о таком окончании нашей старой вражды. Парни, только никому не рассказывайте об этом — меня засмеют!

— Откуда ты знал, что надо сказать? — я подбежал к Конану и едва не вцепился в воротник королевского колета.— Это выглядело... Просто как божественное наитие!

— Возможно,— согласился киммериец.— Слова сами на язык попали. И в конце концов, разве можно бесконечно воевать с покойником? Однажды следует остановиться. Надеюсь, колдун, если это на самом деле был именно он, и сам кое-что понял. Не мог же Тот-Амон быть до конца испорченным человеком? Может быть, он маму любил... — Конан весело фыркнул,— Кажется, сегодня стигиец впервые сумел преодолеть гордыню. Но ради чего? Зачем ему требовалось мое прощение?

— Мы этого никогда не узнаем,— сказал я.— Все, благородные месьоры! Отправляемся дальше, ехать еще долго. А ты, Конан, не расстраивайся. Одним врагом меньше, пусть и мертвым...

* * *

Мы долго не разговаривали. Конан предавался размышлениям, изредка и невнятно сквернос-

ловя под нос и качая головой, словно его навешали неприятные воспоминания. Молодежь с любопытством оглядывала ямурлакский лес, а Ротан изредка восклицал: «Смотри, Конн!», обращая внимание королевского сына на чудеса Забытой земли. Нечасто, однако с навязчивой постоянностью, наш маленький отряд сталкивался с крайне забавными существами, по моему мнению, являвшимися просто необычными животными, которые проявляли к людям сдержанно-опасливое любопытство. Выглянул из-за кустов ежик, размерами более приближающийся к поросшей длинными сероватыми иглами крупной охотничьей собаке, прошелестела кожистыми крыльями стайка летучих ящериц, удивляющих радужной окраской. Промелькнул недалеко старый знакомец — лысый медведь, точь-в-точь похожий на своих бурых собратьев за исключением одного отличия: медведь не имел пушистой шкуры, которую заменяла толстая, складчатая, будто у дарфарского носорога, кожа светло-синего цвета.

Чем дальше мы углублялись в земли Ямурлака, тем чаще по дороге попадались разнообразные гаденькие чудеса. Не опасные, а неприятные. Вот, пожалуйста, слева, на лесной опушке пасется лошадиный скелет. Настоящий персонаж легенд — Ночной скакун, на котором ездит киммерийская богиня смерти Моррихан. Остов мощного коня мирно бродит по зеленой травке, пощипывает зубами голого черепа колоски, блестят на солнце белые, отполированные временем кос-

ти... В небесах перекрикивались почти человеческими голосами странные птицы — я готов был дать руку на отсечение, что под облаками парят гарпии, выискивающие добычу.

Затем мы встретили четырех летучих мышей. Издалека кажется, что это просто летучая мышь и ничего более: перепончатые коричневые крылья, огромные, просвечивающие розовыми жилками уши, бусинки-глазки. Да только тело зверюшки было длиной шага в три, если не больше, а размах крыльев превосходил все пределы воображения. Две твари восседали на трупе недавно забитого лося, еще две неуклюже ползали вокруг, пытаясь подобраться к туше. Изрезанные морщинами и бороздами морды зверюг были окрашены свежей кровью. Летучие мыши посмотрели на нас с неприязнью, прокричали своими пищущими голосами что-то неразборчивое и оскорбительное, но нападать не стали. Конан вначале удивлялся ямурлакским шуткам, но, попривыкнув, перестал обращать внимание.

Оружие мы применили всего один раз за день, и то больше из желания уstrasшить неожиданного противника — дорогу внезапно преградил злобно щерящийся саблезубый тигр, каких иногда можно встретить в горах на полуночи. Зверь редкий, но ничего особенного из себя не представляющий. Тигр, вероятно, позарился на наших лошадей, а когда стало ясно, что подброду он не уйдет, Конн и Ротан всадили в шкуру клыкастой кошки по лучной стреле, и тигр позорно сбежал в заросли.

— Теперь я уверен,— вдруг сказал мне Конан и подстегнув жеребца поехал рядом.— Мы видели настоящего Тот-Амона. Знаешь почему? Я заметил, что у стигийца была слегка разорвана мочка левого уха. Моя работа — когда колдун умер, я забрал у него серьгу с черным рубином, вырвав ее почти с мясом. Этого никто не видел, кроме меня самого, а я никому не рассказывал. Просто оставил трофей, на память.

— И что из того? — спросил я.

— А то, месьор бывший королевский библиотекарь... Ты с возрастом стал невнимателен и начал забывать самые простые вещи. Мертвые никогда не возвращаются сами, их кто-то обязан вызвать из Незримого мира. В искусстве магии это называется некромантией.

— Некроманты могут употреблять свои заклинания только ночью,— со знанием дела возразил я.— Мне Тотлант рассказывал. Вроде бы успех такого предприятия зависит от определенного положения звезд и луны, способных раскрыть Врата меж мирами живых и не-живых. А солнце некромантии мешает. Надеюсь, ты заметил, что сейчас ясный день?

— Значит, есть другой способ,— упрямо сказал король.— И Хозяину Ямурлака он известен. Тицо не принадлежит нашему миру, он обладает знаниями, человеку недоступными. Кажется, он нарочно прислал Тот-Амона. Хотел посмотреть, как я буду действовать. Не сомневаюсь — нас еще ждут самые неожиданные встречи... Так, что происходит? Конн, стой! Ни шагу дальше!

Я и не заметил, как обычная каменистая тропа постепенно превратилась в широкий, отлично устроенный тракт, выложенный пригнанными друг ко другу гладко отесанными шестиугольными плитами серого гранита. Я не припоминал, чтобы в Ямурлаке имелась такая роскошная дорога, напоминающая мостовые главных улиц Тарантии. Справа и слева мы были окружены лесом, но вперед уводил прямой, как стрела, и гладкий, будто стол, длинный путь. Впрочем, не столь уж длинный — на расстоянии двух полетов стрелы над дорогой нависала громадная полукруглая арка, по виду металлическая. Будто над трактом воздвигли подкову невероятных размеров.

На меня уставились три пары вопрошающих глаз. И отчего попутчики уверены, что Хальк Юсдаль может объяснить им все чудеса Ямурлака? Придется разочаровать короля и наших драгоценных отпрысков:

— Раньше никогда ничего подобного здесь не было,— сказал я, разводя руками.— Ни дороги, ни этого... сооружения. Подъедем поближе, рассмотрим?

Чем дальше, тем интереснее. Конан только присвистнул, когда мы приблизились к арке. Мощный тракт убегал под ее серебристые своды не прерываясь, однако за аркой небо было окрашено не в лазоревый цвет дня, а в оранжевато-синий с золотом утренний оттенок. И пейзаж внутри границ стального полукруга был совсем иным — горы, редкие кривоватые деревья, камни...

Все четверо не сговариваясь, спешили. Конан тщательно осмотрел арку, подивился величине (от края до края не менее сорока шагов!) и тщательности полировки металла. Ротан обратил наше внимание на какой-то странный звук исходящий от постройки — немного смахивает на отдаленное гудение пчелиного роя. Наверху, в проеме, иногда проскальзывали быстрые синеватые искорки.

Когда мы обошли диковину сбоку, обнаружилось, что сразу за аркой дорога закончилась — сплошной бурелом, черные груды валежника, поваленные деревья. И никаких признаков незнакомаго мне мира, в который вел проход, открытый со стороны дороги.

— Очень необычно,— высказал Конан свое мнение.— Похоже, нам предлагают зайти внутрь. Либо это портал, незнамо куда ведущий, либо я сплю. Понимаешь, о чем я? Тотлант умеет строить порталы, ты должен помнить!.. Ну уж нет, у меня отсутствует желание путешествовать по другим мирам. Обойдем и побыстрее отправимся дальше, если хотим добраться до вересковых пустошей к вечеру.

Варвар решительно взялся за поводья лошади и повел ее в обход; я, Конн и Ротан двинулись вслед, но Конан неожиданно остановился.

— Эт-то что еще такое? — озадачился король вопросом, который звучал за сегодняшний день уже сотый раз.

Деревья — самые тривиальные молодые буки, ольха и ивняк, которые можно увидеть на всем

протяжении лесов полуночной Аквилонии, от Пуантена до Гандерланда и Боссонии — зашевелились. Зашевелились осмысленно, преграждая нам путь сплетающимися ветвями, трепещущей листвой и покрытыми темной корой стволами. Я только рот от изумления раскрыл, увидев, как на коре одного из деревьев вдруг раскрылись ярко-зеленые большие глаза, пылавшие в лесной полутьме, словно яркие граненые изумруды.

— Назад! — я схватил Конана за рукав и потащил обратно к дороге.— Это может быть опасно! Слышал сказки о живых деревьях? Тех, что иногда сходят с места и разгуливают по диким пушам? Насколько я знаю, человеку при встрече с подобными существами лучше удирать без оглядки.

— Точно,— замороженно сказал наследник, пристально разглядывая десятки глаз-изумрудов засветившихся в буреломе.— Дядя Хальк, отец! По-моему, они движутся к нам! Лучше бы вернуться обратно и поискать другой путь!

— Не получится,— проскрипел Ротан и устался из-под светлой, падающей на глаза челки на серый тракт.— Они перекрыли дорогу! Как не везет! Папа, а ты говорил, будто в Ямурлаке безопасно!

Десяток ходячих деревьев выбрались на камень тракта, перебирая извивающимися корнями, словно осьминог щупальцами. Вид у них был угрожающий.

— Похоже, нас настойчиво загоняют в портал,— Конан пожевал губами, подумал и легко

вскочил в седло.— Что ж, подчинимся, пусть мне этого и не хочется. Давайте за мной!

Я проехал под аркой вслед за остальными и внезапно почувствовал, как все переменялось. Воздух из слегка душноватого, наполненного запахами осеннего леса, стал холодным, очень свежим. Появился пронизывающий ветерок, исчезли звуки рассерженного леса, вопли птиц и шум листвы.

Здесь, в этом месте, наступало утро — на закате еще мерцали звезды, и я разглядел два знакомых созвездия — Меченосца и Арфу. Значит, мы у себя, на Закатном материке, но где же именно? Портал отправил нас в какую-то заброшенную горную местность.

Оглянувшись я увидел такой же стальной полукруг, только теперь арка стояла на пологом склоне холма, чьи камни окрасились янтарными лучами восходящего солнца. В широком проеме бушевала зелень живого ямурлакского леса.

— Хальк! — позвал меня варвар и обвел рукой окружающую местность.— Ты сейчас будешь очень долго смеяться! Я понял где мы! Конечно, конечно, узнал! Вот Дикая гряда, это определено гора Ста Ручьев, полуденнее, за рекой, должно быть ущелье Коннахта! А во-он, видишь, высокий пик с ледником? Это Бен Морг!

— Бен Морг?..— растерянно переспросил я.— Знаменитая волшебная гора Бен Морг, обиталище Крома? Ты хочешь сказать...

— Именно это я и хочу сказать,— радостно улыбнулся Конан.— Мы в Киммерии!

* * *

Киммерия. Далекая загорная страна, в которой я никогда не был, и не чаял побывать. Конан нечасто рассказывал о своем детстве, прошедшем здесь, и почти не упоминал родственников.

Я когда-то записал в «Синюю хронику» отрывочные сведения о матери и отце варвара, знаю что его дедушку звали Аудагос Канах, а все мужчины семьи передавали детям по наследству ремесло кузнецов. На мои дотошные расспросы в Тарантии Конан заявлял, что с прошлым покончено навсегда, и если судьба распорядилась так, чтобы вся жизнь киммерийца прошла вдали от скал и ручьев родной земли, значит... В общем, Хальк, займись делом, и не приставай к королю с навязчивыми просьбами открыть забытые тайны.

А тайн было много. По некоторым намекам я понимал, что сама история рождения Конана связана с любопытными странностями — предсказание, данное его родителям, весьма необычные истории, происходившие с Конаном в детстве, особое внимание киммерийского бога Крома, весьма сильного и опасного невоплощенного духа, в общем-то, мало интересующегося делами смертных... Может, изредка вспоминая о юности, варвар пытался понять, какие же невероятные обстоятельства вывели его на дорогу, которая пролегла через полные пятьдесят лет странствий, борьбы и разочарований. На дорогу, которая сейчас заканчивалась.

Конан был чужд гордыне и в молодости, и в возрасте пожилom. Он никогда не считал себя чем-то исключительным, человеком выдающимся или, тем более, «великим».

Варвар относился к другим людям, особенно к близким друзьям, со своеобразной грубоватой обаятельной теплотой, умел за несколько мгновений разговора расположить к себе незнакомого человека и, конечно, никогда не бахвалился своими приключениями и подвигами. Когда, после войны с Кофом, государственный совет Аквилонии возжелал даровать королю титул «божественного спасителя отечества», киммериец отказался от столь высокого звания, какое прежде носили лишь Эпимитриус, король Алькой, основавший наше государство, и знаменитый Сигиберт Завоеватель, расширивший границы Аквилонии до теперешних пределов. Конан полагал себя обычным человеком, частенько замечал, что все, посильное ему самому, может совершить и другой. Но ни в прошлом, ни потом, когда варвар покинул наш мир, я не встречал человека, обладающего столь замечательной природной способностью побеждать. Словно богиня удачи всегда находилась за спиной варвара. Представляю, что произошло бы, используя Конан этот редчайший талант во вред другим людям...

И все равно оставалась самая главная неразрешенная загадка — почему именно Конан стал избранником судьбы, приведшей его на трон нашей великой страны, прежде медленно угасавшей под скипетром выродившихся Эпимитреев?

Многие, очень многие люди, особенно те, чья жизнь была напрямую связана с мечом и войной, пережили отнюдь не меньшее количество приключений и побывали в переделках, сравнимых по опасности с похождениями Конана. Существовали куда более образованные и высокородные претенденты — тот же Просперо Пуантенек, например. Но почему тогда Просперо отказался в 1288 году от короны и предпочел отдать ее никому не известному киммерийцу? И кто бы мог ожидать — Аквилония, оказавшись под властью «тупого сиволапого варвара», всего за несколько лет стала величайшей державой континента... Дело не в одной лишь удаче Конана, но и еще в чем-то другом. Однако, в чем?

Копыта наших скакунов отбивали переливчатую дробь по серым плитам дороги, ведущей от портала, перенесшего нас в Киммерию, в неизвестность. Варвар, однако, пояснил, что сейчас мы направляемся прочь от аквилонских границ, приблизительно на полуночный закат. Места, заверил Конан, знакомые — его родной клан, Канахи, жили в десяти-пятнадцати лигах полуночнее, в юности киммериец исходил окрестности родного поселка вдоль и поперек, а благодаря отличной памяти Конан мог запросто сориентироваться на плоскогорьях.

— Одного не понимаю, — говорил Конн, выслушивая пояснения отца, указывавшего на здешние приметы и с доскональной точностью называвшего имена скал, ручейков, рожиц и взгорий, — Зачем нас сюда отправили? Для чего Хо-

зяину Ямурлака понадобилось перебрасывать нас за сотни лиг, аж в Киммерию?

— Увидим,— уверенно сказал король.— И, наверное, довольно скоро. Хальк, слушаешь меня? Скажи, что, на твой просвещенный взгляд, здесь необычного?

— Дорога,— не задумываясь ответил я.— Дорога, особенно такая хорошая,— признак цивилизованного государства, с сильной властью, имеющей возможность благоустраивать для пользы армии и торговцев мощные тракты. А в твоей стране нет единой власти, короля, крупных городов... Если не ошибаюсь, «Киммерия» — просто общее название территории, где обитают многочисленные горские кланы, часто вовсе не родственные меж собой и представляющие разные народы.

— Ты просто молодец! — воскликнул Конан.— В Киммерии есть только одна настоящая дорога — старый торговый путь на Аквилонию. Мы как раз по нему едем. Только я не припоминаю, чтобы тракт когда-либо мостили. И... У меня появились удивительные ощущения. Будто здесь со времен моей молодости ничего не изменилось. Вообще ничего, кроме, конечно, тракта. Во-он, видите, громадную старую сосну?

— Видим,— ответил я за всех, подозрительно осматривая корявое, но внушающее уважение древнее дерево, растущее в гордом одиночестве на каменистом, пламенеющим кустиками вереска, холме.— Самая обычная сосна, ничего особенного.

— Это тебе так кажется,— сказал киммериец.— В действительности, ее тут быть никак не должно. Старую сосну расщепило и подожгло молнией примерно за год до того, как меня угрозило попасть в плен к асирам. Я это отлично помню — жрец нашей деревни узнав, что дерево-патриарх погибло, напроорочил всяких ужасов о грядущей войне с Асгардом и Ванахеймом... Предсказания, кстати, сбылись, и я считаю, что мне удивительно повезло — меня не убили, а всего лишь продали гиперборейцам, в Халогу, откуда я потом сбежал в Шадизар. Или вот: гляньте правее, на скалу, смахивающую на клык кабана,— скала так и называется, «Кабанья». Различаете на ее макушке деревянную башенку? Это дозорное укрепление наших соседей и родичей, клана Кайрнех. Башню разрушили как раз во времена асирской войны. Хальк, жду объяснений, ты здесь самый умный.

— Башню могли потом восстановить,— неубедительно высказался я.

— А заодно посадить и вырастить новую сосну? — фыркнул Конан.— Дереву не меньше тысячи лет, между прочим. Что-то не сходится.

Подумав и вспомнив все, известное мне о свойствах магических Врат, также называемых порталами, я вдруг понял, что могло с нами произойти. Окликнул Конана.

— Есть мысль! Порталы могут преодолевать не только пространство, но и переносить людей во времени. Правда, крайне редко — нужно быть очень могущественным магом, чтобы проникнуть

в прошлое или будущее. Тотлант, по-моему, до сих пор не умеет... Понимаете? Вдруг Тицо отослал нас не только и не столько в Киммерию, а пожелал, чтобы мы увидели некие события прошлого? Твоего, Конан, прошлого!

— Хм-м... Да, такое объяснение может быть верным,— недоверчиво протянул король и еще раз осмотрелся. Пейзаж не изменился — горы, холмы, где-то далеко, на травяных склонах пасутся стада овец.— Но зачем? И дороги тогда не было...

— А зачем Хозяин прислал Тот-Амона? И не забудь: Тицо знает все о твоём прошлом, до 1288 года включительно. Тогда, в Пограничье, он забрал все твои воспоминания; каждое произнесенное тобой слово, любой вздох отпечатались и в памяти Властелина Подземного огня. Для Тицо обустроить специально для нас вымощенную дорогу — плевое дело. С его-то способностями! Когда — и если — мы покинем Киммерию, исчезнет и тракт...

— Тут может быть опасно,— сказал Ротан. Потом настороженно и смущенно посмотрел на короля и добавил: — Я слышал, будто киммерийцы не жалуют чужаков.

— Ерунда,— поморщился Конан.— Такие сказки сочиняются специально, чтобы подчеркнуть, какие мы варвары и дикари. Законов гостеприимства в Киммерии придерживаются все до единого кланы. Если ты не враг — приходи, живи, тебя накормят, устроят в лучшем доме... Помнится, у нас в деревне одно время жила аквилон-

ская дворянка, очень красивая и добрая женщина, скрывавшаяся в горах от убийц. Ничего опасного. Опасной может быть встреча, которую нам заготовил этот паршивец из Ямурлака... Уж не знаю, что и думать.

— Я знаю,— перебив Конана, сказал наследник.— Здесь — утро, а в нашем мире, в Ямурлаке, давно вечер. Солнце, наверняка, заходит. И лошади устанут — мы проехали не меньше тридцати лиг. Предлагаю остановиться, разбить шатер и немного поспать. Костер разведем — хочется поесть горячего.

— Идет,— легко согласился Конан.— Давайте отведем с дороги, к лесочку. Там, я думаю, и хворост найдется, и нас будет не так легко заметить тем, кто, возможно, очень желает снова испытать мой рассудок призраками давно исчезнувших времен.

Походный шатер, прихваченный Ротаном на случай ночевки в Ямурлаке, установили быстро — Конн с моим сыном натягивают плотную ткань, а мы с королем вбиваем колышки. Варвар притащил на плече бревно, чтоб удобно было сидеть у костра, а пока молодежь занималась костром я распаковал котелок и запас продовольствия. Конан, сообщив, что неподалеку есть ручеек, отправился за водой.

Мы пообедали, непрестанно споря о поджидающих нас сюрпризах Хозяина Небесной горы. Строились весьма неожиданные предположения — Конан решил, что Тицо готовит ему встречу с давно умершими родителями, а я возражал: Хо-

зяин, наверняка, мог придумать и кое-что поизощреннее.

—...Увижу эту тварь — башку снесу,— пригрозил Конан напоследок.— Кто останется сторожить? Ты, Ротан? Хорошо. А затем поднимешь Конна. Дайте нам с Хальком, двум старым развалинам, отдохнуть... Но если что случится — будите немедленно!

Я развалился на попоне и попытался задремать. Рядом тихонько посапывал варвар, которому, казалось, все нипочем. Сон не шел, перед глазами проскальзывали бесформенные страшноватые видения, какие появляются, когда человек стоит на грани сна и яви, и наконец я тихо окунулся в теплый буроватый омут.

Из черноты выплыл вдруг оседланный Конаном дракон, и киммериец счастливо крикнул мне: «Летим со мной!.. К звездам!»

Рассказ третий

Бич памяти

нас разбудили весьма грубо и громогласно.

— Отец! Отец, поднимайся! Дядя Хальк, проснитесь же!

Я всегда завидовал одной присущей киммерийцу особенности. Среди многих похвальных качеств Конан обладал способностью в нужный момент просыпаться за долю мгновения. Это в обычное время варвара было не добудиться — он немедля начинал сыпать оскорблениями, кидался подушками и рычал, будто растревоженный медведь, поднятый от зимней спячки. Но в особых случаях...

Я не успел даже глаза раскрыть, а Конан уже вскочил и, что самое интересное, успел надеть сапоги. Как — непонятно. Точно помню, перед устройством на отдых король сапоги снимал.

— Что? — коротко осведомился варвар у сына.

— Мы с Ротаном заметили всадников. Не местные, на киммерийцев не похожи.

— Только-то?

— Они за кем-то гоняться, похоже за женщиной. Всадников пятеро, все вооружены, доспехи, пики... Мне эта сцена очень не понравилась. Словно охота за человеком...

Пока Конн объяснял, мы выбрались из шатра наружу. Спали, видимо, долго — солнце давно перевалило зенит и теперь склонялось к горизонту, приобретая вечерний насыщенный цвет янтаря. Ротан возился с лошадьми, затягивая подпруги.

Точно, в четверти лиги от рощицы, рядом с которой мы разбили маленький лагерь, можно было заметить движение нескольких конных: лошади шли рысью, охватывая вересковую равнину широким полукольцом. Ни дать, ни взять — волчья стая, загоняющая добычу к отвесным горам, где преследуемый не будет иметь возможности бежать. Я, прищурившись, рассмотрел, что всадники (Конн оказался прав) не являются киммерийцами. Люди, окружавшие одинокого всадника, выглядели вполне цивилизованно — плюмажи на шлемах, солнце взблескивает на кирасах и дорогой упряжи лошадей, да и скакуны породистые, это видно даже издалека.

Конан нахмурился.

— Нехорошо, конечно, совать нос в чужие дела, однако... Пятеро против одного? Не пойдет. И, я полагаю, даме следует оказать помощь — мужчины мы, или кто?

Всадники, действительно, преследовали женщину. Я рассмотрел ее костюм: это была не удоб-

ная амазонка для конных прогулок, какую обычно предпочитают благородные дамы, а темное, не то синее, не то черное платье. И длинные волосы развеваются...

Мы поднялись в седла мигом, благо мощный жеребец короля уже вовсю шпарил к скалам, наперерез догонявшим неизвестную госпожу вооруженным людям. Вечно-то киммерийцу не терпится навести справедливость. Наверное мы видим перед собой завершающую часть спектакля под названием «побег неверной жены» или «охота на грабительницу».

Я давно отвык от романтических представлений о всякой преследуемой даме, как о страдающей добродетели — в девяносто девяти случаях из сотни беглянка является отнюдь не невинной жертвой коварного произвола, а прямо наоборот: авантюристкой, воровкой, а то и вовсе чудовищем в юбке, скрывающимся под маской прекрасного обличья и белоснежными ризами фальшивой целомудренности.

Однако сегодня мы оказались свидетелями редкостного сотого случая, опровергающего остальные девяносто девять. Повезло.

* * *

Дама, завидев нас, перепугалась насмерть. Вероятно, решила, что недругам пришло подкрепление. Я углядел, что на седле перед неизвестной восседает еще кто-то, карлик или ребенок, однако выяснять подробности не было времени. Впервые, усталая вороная кобыла женщины спот-

кнулась и упала, уронив обоих всадников, а вторых, Конан круто осадил коня перед почти настигшими беглецов благородными господами, преграждая им дорогу. Я, Ротан и Конн подоспели как раз вовремя, чтобы встать по сторонам и чуть позади короля.

Да, господа, и в самом деле, благородные. Очень. Наряжены по несусветной моде пятидесятилетней давности — подобные костюмы я видел только в королевском театре Тарантии, куда дворяне отдавали вышедшие из моды наряды, чтоб не пропадали зря. Старинные колеты покроя «гусиный живот», рукава с прорезями, широкие штаны, более напоминающие туранские шаровары, шлемы-рокантоны, давным-давно не использующиеся в армии. Похоже, незнакомцы одеты так, как было принято в самые первые годы царствования предпоследнего Эпимитрия — короля Вилера.

У главного — неприятного толстяка с буйной рыжей бородой — на кирасе вычеканен герб, вполне знакомый мне по геральдическим трактатам: три копеейных наконечника остриями вниз на фоне крепостной башни. Семья графов Клай из Боссонии. Но какого рожна, простите невежду, граф Клай оказался аж в самой Киммерии, не где-нибудь?

Сейчас, похоже, мы это выясним.

Остальные четверо были помоложе бородача с гербом и явно выполняли его приказы. Рожи самые продувные. Едва Конан встал между месьором графом и таинственной незнакомкой, они

нехорошо заулыбались и демонстративно взяли за оружие. Варвар и бровью не повел.

— Могу я чем-нибудь помочь почтеннейшим гостям Киммерии? — с любезной высокомерностью спросил Конан, бегло осмотрев предполагаемого противника. Остался разочарован. Месьоры с такими лицами могут быть только дешевыми наемниками.

Человек, который по-настоящему владеет искусством убивать себе подобных, никогда не станет трясти перед носом у незнакомых людей клинком, преследуя одну цель — напугать. Пугать никогда никого не нужно, это признак слабости.

— Можешь, — с выражением крайнего недовольства рявкнул бородач. — Уйди с дороги, и дружков прихвати!

— Фу, как грубо, — поморщился король, и продолжил с плохо скрываемой издевкой: — Киммерия, где вы ныне находитесь, суть страна, где ценится благовоспитанность и куртуазия. Мало того, что вы, месьор граф Клай — я не ошибся в титуле? — дерзите первым встречным, так вы еще и невежливо обращаетесь с дамой. У нас так не принято, сударь. Соблаговолите извиниться, а затем отправляйтесь по своим, без всякого сомнения, важным делам. Вы разве не видите, дама не желает находиться в вашем обществе...

Я, слушая, лишь умилился. Эх варвар насобачился изъясняться за годы королевствования!

— Миллен! — взревел досточтимый граф, устремив злобно-хищный взгляд на девицу. — Не-

медленно подойди ко мне! А ты, мерзавец — убирайся прочь, иначе...

— Что — «иначе»? — невинно поинтересовался Конан. Когда было названо имя женщины, мне показалось, что киммериец чуть вздрогнул. — Иначе вы со своими недотепами порубите меня на куски? Или вызовете на поединок? Проткнете мечом?

Видя, что месьор Клай побагровел, напыжился, словно гусак, и потянулся за оружием, Конан сделал хорошо знакомое всем нам движение — два раза сжал кулак правой руки. Систему безмолвных жестов-приказаний, принятых среди пиратов Зингарского побережья, Конан еще лет двадцать назад переработал и ввел в Тарантийском замке, для большего удобства стражи и личной гвардии короля. Такой знак обязывал подчиненных смотреть в оба и быть готовыми немедленно атаковать.

Слуги графа рванулись вперед, но удача им не сопутствовала — одного Конан положил в ползамаха клинком, другому отрубил кисть чуть выше запястья. Неблагообразные месьоры из свиты рыжебородого оказались редкостными неумехами, ибо вместо того, чтобы начать поединки (их четверо и нас четверо), всем скопом навалились на варвара. А Конан отлично знает — когда противников много, обороняющийся имеет куда больше шансов на успех. Враги мешают друг другу, теснятся... Ни я, ни Ротан с Конном так и не успели окрасить чужой кровью свои мечи. Король виртуозно, за несколько мгновений, рас-

правился со свитой графа Клая — одного убил, троих тяжело ранил.

— Я же говорил, — улыбнулся варвар, поднимая голос, чтобы заглушить вопли покалеченных громил, повалившихся с седел, — вам следовало ехать своей дорогой. Видите, что получилось?

Бородатый Клай замер. Еще бы — высокий незнакомец, абсолютно не утруждаясь, поразил всех графских головорезов, которых Клай, наверняка, полагал надежными и опытными людьми. Самому вступить в поединок?

На красном лице толстяка отразились поочередно недоумение, испуг, гнев, и наконец, осторожность, перемешанная с плохо скрываемой яростью.

— Я... я еще вернусь, — пригрозил он, сплюнул, развернул коня и погнал его куда-то на полдень. Трое раненых красавчиков со стонами полезли в седла и отправились вслед. Безрукий через сотню ярдов вновь упал и более не поднялся — потерял слишком много крови, как ни старался зажать перерубленное предплечье левой рукой.

— Он действительно вернется... — Это подала голос женщина. — Клай никогда не бросается пустыми угрозами. К закату их здесь будет два десятка... Но я все равно очень признательна вам, месьоры.

Она стояла в пяти шагах поодаль. Если судить по узкому, породистому лицу и ясным серым глазам, незнакомка была в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет. Светло-русые, с за-

метной рыжинкой волосы, нос с горбинкой, губы упрямо поджаты. Манеры выдают блестящее дворянское воспитание.

Но почему Конан смотрит на нее так, будто встретил призрака? И явно смущается?

Меня же более привлекла не девушка, а ее сопровождающий.

Пронзительно-черноволосый мальчишка лет двенадцати. На кого-то неуловимо похож. Неплохо развит для своего возраста, смотрит заинтересованно, но не враждебно. Физиономия чумакая.

Одет по местным обычаям — серая рубаха с вышивкой по вороту и рукавам, вокруг бедер намотан длинный отрез шерстяной ткани в темно-багровую с черным клетку, оконечье которого переброшено через левое плечо и закреплено поясом. На ногах какие-то невообразимые кожаные чуни с обмотками.

Киммерийского племени прибыло — мало нам Конана с наследником!

Кого же он мне напоминает, а?

— Разрешите представиться,— тем временем говорила девушка, смело глядя на молчаливо-задумчивого Конана.— графиня Миллен Клай из Боссонии, племянница негодая, которого вы, господа, столь неожиданно спровадили. Позвольте еще раз поблагодарить...

— Хальк и Ротан Юсдали из Гандерланда,— я назвался за себя и за Ротана. Глянул на короля, неожиданно бледного и насторожившегося. Конан, перехватив мой взгляд, исподтишка показал кулак сыну, приказывая молчать, и проговорил:

— Кхм... Я... я Конхобар из Темры, вольный эрл. Миллен, а... кто это с вами? Я имею в виду парнишку?

— О, сударь,— улыбнулась дама.— Это мой неожиданный спаситель. Он здешний, из какого-то маленького племени. Собственно, мы уже четыре дня путешествуем вместе — мальчик вызвался быть моим проводником... Он совсем не говорит по-аквилонски...

— Как его имя? — настоятельно потребовал король.

В его голосе скользнула непонятная мне паническая нотка. Подобные интонации варвару не свойственны, это я говорю как человек, знакомый с ним почти тридцать лет.

— Имя? Конан, из рода Канаров.

Теперь понятно, кого напомнил мне маленький киммериец, старательно изображавший из себя тихоню, не вмешивающегося в дела взрослых. Невероятно!

Мне показалось, что король сейчас попросту грохнется в обморок. Но варвар совладал с собой, обескураженно покачал головой и проворчал:

— Значит, Конан... Госпожа Миллен, будет лучше, если грядущую ночь вы проведете под нашей охраной. Ваш дядюшка не оставит попыток любым способом преградить вам дорогу к Бен Моргу.

На сей раз изумилась молодая графиня.

— Откуда вы знаете, что я... мы... направляемся в сторону горы Бен Морг?

Варвар помедлил с ответом.

— Будем считать, что я ясновидящий. И поверьте — я вам не враг. Берите лошадь. У нас неподалеку шатер, мы вас накормим и дадим отдохнуть.

Король повернулся к молча наблюдавшему за нами мальчишке и сказал что-то на киммерийском наречии. Я немного знаком с языком горцев и поэтому понял — Конан-большой приказал Конану-маленькому поймать коня одного из убитых слуг графа Клая и ехать за нами.

Тот поразмыслил и послушался.

* * *

Место стоянки решили не менять. Я было предложил королю забраться поглубже в рощицу, чтобы деревья скрыли ясно видный в ночи костер, способный привлечь внимание недоброжелателей, но варвар как всегда решил по-своему. Он подозвал мальчишку, путешествовавшего с госпожой Миллен Клай, быстро поговорил с ним, и на том успокоился. Парень мигом исчез в подступающих сумерках, надо полагать, побежал по поручению короля.

Конн и Ротан занимались приготовлением ужина и одновременно беседовали с Миллен, которая, стараясь помочь, нарезала мясо и сушеные овощи для котла.

Я слушал и благодарил Митру за то, что божественная воля подарила нам с киммерийцем столь разумных наследников — оба молодых человека ни единым словом не обмолвились о своем происхождении и старались поддерживать

мнение благородной госпожи Клай: она встретила путешествующих захолустных дворян, бедных, но благовоспитанных.

Разговоры велись, в основном, о последних сплетнях — недавнем воцарении короля Вилера (это же случилось целых пятьдесят четыре года назад!), о возможной войне с Атреной (это маленькое княжество на полудне Пуантена навсегда исчезло с путевых карт лет сорок тому, когда оно было включено в состав Аквилонии на правах графства), о давно забытых царедворцах и погибших в бесконечных сражениях герцогах...

Я должен благодарить только самого себя за то, что дал Ротану (а ранее и Конну) приличное историческое образование, и они вполне грамотно поддерживали беседу о прошлом.

Миллен удивлялась только их необычной одежде (моды за пятьдесят лет серьезно изменились) и странным случайностям, позволившим ей избежать гнева дядюшки. Откуда, мол, в Киммерии появились аквилонцы? Ответ был простейшим: едем по делам. Каким делам? Неважно. Мы же не спрашиваем уважаемую графиню, почему она старательно избегала близкой встречи с любящим родственником?

Между прочим, Миллен так и не соизволила объяснить причины столь напряженных отношений между ней самой и бороатым графом Клай. А мы, как люди благородные, не спрашивали. Каждый имеет право на собственные тайны.

Наконец Конан не выдержал и шепнул мне: — Отойдем в сторонку. Есть разговор.

Мы уселись у корней сосны, на мягкие палые иголки, варвар пожевал губами, словно решая, стоит ли говорить, однако положил мне руку на плечо и выдал ожидаемое:

— Знаешь кого мы встретили? Меня самого, и... Заметил фибулу, скрепляющую плед? Мне ее отец когда-то подарил на праздник Самхайнн, а я эту заколку до сих пор храню! Боги, что за бред! Такого не может быть!

— Успокойся,— посоветовал я, опустил руку, подобрал двойную сосновую иглу, еще совсем свежую, и начал ожесточенно переминать зубами. По рту разлился резкий, но приятный вкус хвои.— Знаю, что хочешь сказать. Мы — в прошлом. Твоем прошлом. Ты увидел сам себя и женщину, которую хорошо помнишь. А сейчас решаешь, как поступить. Госпоже Миллен угрожает опасность? Ты не можешь ее бросить? Или?..

— Я ее отлично помню,— сокрушенно выдохнул Конан.— Она погибнет. Очень скоро. Это была женщина, которая отдала свою жизнь ради спасения моей. Миллен я запомнил на всю жизнь. Знаешь, что самое интересное? Я вспоминаю именно эти, нынешние события. Как меня и Миллен спасли какие-то незнакомые люди, как мы переночевали у них в лагере. Не вижу лиц, не вспоминаются имена. Однако... Та полузабытая история во многом определила мою жизнь. Надо мной снова жестоко пошутил Тицо. Он словно предлагает: сделай по другому! Это же ясно, как день! Моя тогдашняя встреча с Миллен... с госпожой Миллен, наш поход к Бен Моргу,

сделал мою жизнь такой, какая она была все следующие годы!

Я, старый дурак, не раздумывая, брякнул в ответ:

— Ты сожалеешь о своей жизни? О том, что стал королем Аквилонии? О своих друзьях? Конан, родной, вспомни! Вспомни Эртеля и Веллана, Мораддина и Рингу, Вайда и команду «Вестрела», которым ты командовал два года! Вспомни все города и страны, где ты побывал! Разве об этом можно сожалеть? О судьбе, которая выпадает далеко не всякому, о самой интересной, полной впечатлений, удач и радостей жизни?

— Полной утрат, потерь и разочарований,— в тон мне ответил Конан.— Знаешь, когда я после гиперборейского плена оказался в Шадизаре, когда мне было всего пятнадцать лет, я искренне мечтал однажды вернуться сюда, а Киммерию. Войти в дом отца, снова отправиться на вересковые холмы и пасти овец, охотиться... Жить, как жили деды и прадеды. Как все. Юношеские мечты со временем забылись. И вот Некто дал мне возможность их осуществить. Если я — Конан, которого ты знаешь,— смогу изменить историю, которая происходит на моих глазах, историю своей жизни, все вернется! Я отправлю парнишку, который сейчас помогает госпоже Миллен, домой, к моему... нашим... моим отцу и матери, провожу госпожу графиню в Аквилонию и отговорю от ее сумасшедшего замысла, то... То Конан Канах останется только Конаном Канах. Сыном кузнеца, кузнецом, простым киммерийцем, жи-

вущем ради своей семьи. Я исполню мечту юности, граничащей с детством...

— А ты действительно этого хочешь? — спросил я.

— Не знаю.

* * *

Ночи в Киммерии великолепны. Здесь, на плоскогорьях, кажется, будто ты оказался совсем рядом с небесами, и достаточно лишь руку протянуть, чтобы коснуться невыразимо огромных и ярких звезд, пылающих на черно-синем куполе, рассеченном Млечным путем. Было новолуние, и потому ночь давала возможность истинному ценителю в полной мере насладиться чудесным зрелищем Верхней Сферы, породившей однажды Небесную гору, рухнувшую на наш материк многие тысячи лет назад... А вместе с Небесной горой в наш мир пришел Тицо — редкостный шутник, загнавший нас с Конаном во времена его детства.

Куда, зачем и с каким поручением мальчик уходил, варвар объяснить не удалось, однако маленький Конан вернулся после заката и молча уселся рядом с костром. Я подумал, что в детстве киммериец был не особо разговорчив. Или он просто стесняется незнакомых людей.

Мы все чувствовали себя несколько скованно — дико было представлять, что сейчас я вижу одного и того же человека, но в разных обликах. Одному шестьдесят пять лет, другому двенадцать. Первый — король Аквилонии, второй —

старший сын неизвестного кузнеца, живущего в отдаленной, почти забытой Хайборийской цивилизацией стране. Тот собирается покинуть мир живых, этот только начинает жизнь. И все равно они — единое целое. Конан Канах. Целое, разделенное долгой эпохой.

— Вам обоим непременно надо поспать, — Конан обратился к задумчивой графине Клай. Сейчас, в свете пламени костра ее лицо казалось высеченным из розового мрамора изображением древней и прекрасной королевы альбов. — После полуночи за вами придут. Я отсылал мальчишку в деревню клана Кайрнех...

— Зачем? — удивленно подняла бровь Миллен.

— Позвал взрослых. Киммерийцы неплохие воины и знают тропки этой страны наизусть. Золото им требуется не меньше, чем всем прочим — мы торгуем с Аквилонией и с гномами Эйглофийских гор. Наймете охрану, вас проводят до преддверия Бен Морга. И оберегут от домогательств дядюшки.

— Мне нечем заплатить, — грустно улыбнулась Миллен. — И еще: почему ты сказал «мы торгуем с Аквилонией»? Ты ведь представлялся темрийцем.

— У меня отец родом из Киммерии, — нашелся с ответом варвар. — А деньги... Я заплачу, не стоит беспокоиться о таких пустяках. Вот, возьмите.

Конан вынул из широкого пояса десять аквилонских золотых и вручил девушке. Та вначале

смущенно отнекивалась, но затем взяла. Король сказал, что отказываться от помощи в тяжелую минуту просто неприлично.

— Не понимаю,— Миллен пристально рассматривала монету, оказавшуюся в ее ладони.— чеканка знакомая, надпись по ободу «Где властна воля — там путь к победе». Это королевский девиз Аквилонии. Но чей вензель? Две буквы «К»?

Понятно чей. Конана из Канахов. И надо же было киммерийцу не вовремя проявить щедрость! Прокололись на мелочи! Теперь графиня точно поймет, что мы — люди крайне необычные.

Конан-король сидел на бревнышке слева от Миллен, Конан-мальчик — справа, ворошил веткой угли в костре. Я, поняв, что сейчас произойдет, едва не выхватил деньги из рук девушки — Миллен пристально рассматривала отчеканенный профиль на монете. Перевела взгляд на короля. Потом на парнишку. Оценила. Не поверив самой себе снова уставилась на золотой. Снова на Конана. Медленно встала.

— Месьор,— после тяжелой паузы сказала она,— как прикажете это понимать?

— Позвольте,— я выступил вперед, жестом приказывая остальным молчать.— Почтенная госпожа, сегодня и мы, и вы сами столкнулись с очень необычным... явлением.

Оба Конана повернулись к Миллен. Ранее незамеченное ею сходство было настолько очевидно, что девушка вздрогнула. Уставилась на меня,

будто я мог что-то объяснить. Мальчик теперь посматривал на короля строго, словно почуяв неладное. Заговорил на киммерийском. Конан ответил, успокаивая.

— Кто вы такие? — настойчиво спросила молодая графиня.

— Мы? — я запнулся. Лучше сказать правду. Правда обезоруживает. Или все-таки следует промолчать? — Может быть, госпожа, воздержитесь от вопросов, не заставляя нас тем самым лгать?

— Я настаиваю! Эта странная монета, мальчик похож на месьора Конхобара, будто сын на отца... Вы за мной следили? С самого начала?

— Нет,— тяжело сказал король.— Миллен, мы не имеем никакого отношения к твоему замыслу и путешествию к Бен Моргу. Если только я один. Дело в том... Хальк, расскажи ей.

Я и рассказал. Хорошо, что маленький Конан не понимал аквилонского языка. А Миллен, раскрыв рот от неожиданности, выслушала. Поверила почему-то. Наверное, потому что перед ней сидели два живых доказательства.

— Солнцезарный Митра,— только и выдавила девушка, когда я закончил.— Я слышала поговорку: даже если это ложь, то чересчур хорошо придумано. Настоящая волшебная сказка: порталы, путешествия через время и расстояние, встреча с прошлым... Значит, ты,— Миллен посмотрела на короля,— из маленького дикаря превратился в короля моей страны?

— Ну, не сразу, конечно,— усмехнулся Конан.

— И ты должен помнить, чем закончится поход к Бен Моргу? Я получу, то, что желала?

Киммериец замолчал, и я понял почему. Он решал свою судьбу. Вероятно, слишком многое зависело от того, что Конан может рассказать Миллен. Если он откроет правду, какой бы она ни была, девушка может изменить свои планы. И тогда... А что тогда?

Он только раскрыл рот, чтобы ответить, как забеспокоились привязанные у деревьев лошади, почуявшие чужих. Мы схватились за оружие, полагая, что граф Клай выполнил обещание и возвратился вместе с вооруженной оравой. Но мальчишка вдруг радостно крикнул, нырнул в темноту, а вскоре появился в сопровождении троих... даже не знаю, как сказать. Варваров, наверное.

Высоченные, темноволосые, загорелые до черноты. Лица словно вырублены из гранита — углы, тени, резкие линии черт. Волосы заплетены в косички, одежда уже знакомая: накидки из козьих шкур, рубахи из небеленой домотканины. Ножи на широких поясах, у двоих — длинные мечи в ножнах за спинами. Третий вооружен тяжеловесным, но добротным арбалетом. Симпатяги. Наверное, именно таким должен был стать Конан, не отправь его судьба бродить по бесконечным дорогам обитаемого мира.

Король поднялся навстречу и заговорил на горском наречии. Я понял, что он договаривается с громилами из клана Кайрнех об охране графини Миллен. Киммерийцы кивали, соглашаясь.

Только когда в разговоре промелькнуло название «Бен Морг», замотали головами. Что-то им не понравилось. Наверное, это связано с местным поверьем: гора считается обителью божественных сил и недоступна для простых смертных.

Деньги переключались в широченные ладони варваров (то-то будет удивления, когда они предъявят монеты времен короля Конана нынешним аквилонским купцам!) и на том договор был заключен.

— Придется выйти немедленно, — Конан повернулся к графине. — Они полагают, что ночью оторвутся от любой погони. К рассвету вы будете уже далеко. Собирайтесь.

— Мне нечего собирать, — пожала плечами Миллен. — Но ты не ответил на вопрос. Ты помнишь, чем закончится мой путь?

Варвар выдохнул и решительно сказал:

— Нет, не помню. Слишком давно было. А если бы помнил — не сказал.

— Но почему?

— Не годится заранее узнавать о своем будущем. Тогда жизнь станет неинтересной. И еще одно господа. Ты возьмешь с собой... мальчика?

Миллен оказалась умной женщиной. Она очередно посмотрела на обоих Конанов, грустно улыбнулась и проговорила:

— Полагаю, мое решение должно сыграть особую роль? В твоей судьбе?

Король промолчал.

— Пусть он решит самостоятельно, — сказала Миллен и подозвала мальчишку. Что-то спроси-

ла на киммерийском. Тот вначале соорудил оскорбленную физиономию, потом быстро заговорил.

— Конан не собирается меня бросать, — машинально перевела госпожа графиня. — Говорит, будто отец учил его никогда не оставлять начатого дела. Что ж, вот все и решилось. Снова благодарю вас господа. Прощайте.

Она отвязала поводья лошади и умело забралась в седло. Трое киммерийцев и маленький Конан остались пешими — коней у них не было, да и сами горцы куда более привычны доверять не ездовой скотине, а собственным ногам. Спустя несколько мгновений они исчезли в темноте.

— Через пять или шесть дней Миллен умрет, — глухо проговорил король, глядя вслед небольшому отряду. — Я похороню ее у подножия Бен Морга огненным погребением. И сам заберу то, что она искала в Киммерии. Боги, ну почему ничего нельзя изменить!

— Можно, — тихо сказал я. — Догони их. Расскажи все. Отговори. Принудь вернуться: Миллен в Боссонию, самого себя — домой. И что будет потом?

— Ничего, — покачал головой варвар, — ничего. Мне дали еще одно испытание, и я не знаю, сумел ли его выдержать. Сворачивайте шатер. Ночь ясная, не заблудимся. Вернемся на дорогу. И поедем... домой.

Через две с лишним лиги пути мы заметили возвышающуюся над трактом арку портала, изпод которой в киммерийскую ночь лился золо-

той солнечный свет. Это походило на распахнутое окно темной комнаты старинного замка — за порталом виднелась дорога, проходящая сквозь буйный зеленый лес Ямурлака.

Перед самой аркой Конан приостановил коня, оглянулся на черные горы, обвел взглядом звездное небо своей родины и сказал мне:

— Вот и все. Больше я никогда не смогу побывать в Киммерии. Но все равно я благодарен тому, кто устроил мне это путешествие. По крайней мере, я вспомнил, как пахнет горный ветер. Едем, Хальк. Пора отдавать долги.

* * *

Четверть века назад, сразу по окончании истории с Подземным огнем, я записал в «Последний лист Синей хроники» такие строки.

«...Осталось упомянуть о последнем и самом главном герое этой истории. Но, признаюсь, сказать мне нечего.

Я не знаю, с какой силой именуемой «Хозяином Небесной Горы» столкнулись люди. Под последним словом я разумею не только друзей Конана, но и всех аквилонцев или любых других представителей нашей расы.

Это существо необъяснимо. Оно воистину имеет право именоваться «чужим». В чем заключена его сила? Какие цели оно преследовало и в чем был смысл его бытия? Действительно ли Тицо пытался против нашей воли уберечь Закат от грядущей катастрофы или же хотел только одного — власти?..

Много мы не ведаем. Многого не понимаем. Но лишь для того, чтобы грядущие поколения знали о странной (и страшной?) опасности, не имеющей никакого отношения к богам, духам или демонам, ко всему божественному или исходящему из Черной Пустоты, ко всему, принадлежащему только нашему миру, к опасности воистину чужеродной и смертельной, я оставляю эту летопись. Если когда-нибудь человек снова увидит зеленое пламя, пусть он знает, как побороть напасть и кто виноват в явлении подземного огня...»

С гордостью ударю себя кулаком в грудь — в те времена я был непогрешимо прав. Да и по сей день уверен, что разгадать секрет Хозяина мы не сумеем никогда. Если только сам Тицо не пожелает его раскрыть. А в последнем я преизрядно сомневаюсь — тайна Повелителя Зеленого Огня стоит слишком дорого. Несомненно, у меня есть кое-какие предположения, догадки о его природе, но они являются более плодом воображения, нежели очевидными истинами, подтвержденными реальными фактами и надежными свидетельствами.

Некогда, еще во времена королевской службы в Тарантии, я читал сочинения Тот-Амона Стигийского. Последний был не только черным магом, редкостным интриганом и обуянным грехом гордыни человеком, презирающим весь остальной мир, но и очень уважаемым (даже в среде его врагов) ученым мужем. Магия требует недюжинного ума, это даже Конан признает...

Так вот, лет восемнадцать назад мне в руки попался трактат Тот-Амона «О множественности миров». Крайне любопытное сочинение. Стигиец разъяснял, что Мир Тварный, Вселенная, разделяется не только и не столько на миры Видимый, человеческий и на Незримый, подвластный демонам и богам, но и владеет бесчисленным количеством отражений двух упомянутых миров. В зримой Вселенной якобы существуют несчитанные тысячи иных, отдаленных Сфер, которые человек в состоянии созерцать невооруженным глазом — звезды, луны, кометы. И, продолжал Тот-Амон, многие из них могут быть населены существами столь же разумными, как человек, или представителями иных рас, населяющих наш мир, общепринято именуемый Хайборией — гномов, гулей, оборотней и прочих.

Мне оставалось лишь сопоставить некоторые бесспорные сведения о Хозяине Небесной горы. Что же получалось? А вот что.

А если Тицо, действительно, явился к нам из другого мира? Чужой Вселенной? Сотворенной другим Творцом? Где страх — то же самое, что для нас радость, добро — то же, что и зло?.. Вместо счастья — беда, люди радуются неурожаю и смерти своих близких? Но, в таком случае, Хозяина можно было бы понять и задать самому себе вопрос: а если бы я там родился, получив в наследство все радости и горести антиподного мира? Привык бы к ним и считал, что именно так и должна быть устроена Вселенная? А потом по непостижимой причине, из-за непонятного

стечения обстоятельств попал бы сюда? Что произошло бы? Наверняка, ничего хорошего.

Тицо так и не понял людей. Забрав себе память Конана, Хозяин не смог распознать главного — мироощущения человека. И это при том, что варвар во многом — человек выдающийся, достойный подражания.

На мой, кстати, взгляд, Конану следовало бы родиться не в отдаленной Киммерии, а в одном из самых блистательных королевских семейств стран Заката.

Тогда киммериец сумел бы развить свои способности и получить образование гораздо раньше и уже в двадцать-двадцать пять лет превратиться в одного из крупнейших монархов столетия, а то и всей Хайборийской эпохи.

Но тотчас встает вопрос: а не является ли своеобразная гениальность нашего короля следствием долгой, трудной, перенасыщенной событиями жизни, превратившей диковатого киммерийского мальчишку в самого великого государя Аквилонии за последние триста лет, прошедшие со времен Сигиберта Завоевателя?

Нет ответа. И никогда не будет.

Тицо получил в наследство от Конана его память, облик и опыт, однако ничему не сумел научиться. Недооценил людей, чего варвар никогда не делал — Конан прекрасно знает: любого противника следует уважать. Тицо не смог или не захотел уважать людей. Полагал себя более разумным, более могущественным и более изворотливым.

Хозяин не сумел понять, что же такое человек. И потому проиграл.

...Ямурлак снова повстречал четырех всадников, миновавших высокий полукруг Портала, ясным, солнечным днем и запахами трав.

До времени ехали молча, и только Конн что-то тихо бурчал под нос. Видимо, неизгладимое впечатление произвели суровые пейзажи отцовской родины и странные события, связанные с одним из первых настоящих приключений короля Конана.

Я невольно поставил себя на место Конна и поморщился: воображаю, каково было бы мне, приведись однажды узреть столь отдаленное прошлое. И собственного отца, которому не свершилось полных тринадцать лет. Выдержке и спокойствию Конна можно только позавидовать — с такими качествами, несомненно привитыми самим Конаном, наследник однажды (уже, наверное, очень скоро) станет здравомыслящим и добрым королем.

— Я не понимаю главного, — сказал мне Конан, когда мы проехали по Ямурлакской дороге около двух лиг, — что могут значить испытания, через которые Тицо провел не только меня, но и всех нас. Сначала — Тот-Амон, потом — мое детство и госпожа Миллен... Хозяин дважды вернул мое прошлое, дав возможность либо оставить все как есть, либо совершить крутой поворот. Что окажется третьим?

Знаете, неожиданные и правильные мысли обычно посещают человека столь же внезапно,

как ударяет молния или низвергается с небес коршун, падающий на зазевавшегося кролика. Именно это сейчас произошло со мной.

— Конан,— выдохнув, сказал я,— а тебе не приходило в голову, что Тицо ныне испытывает не тебя, а самого себя? Ту сущность, включающую мысли, воспоминания, действия, которые он заполучил много лет назад, позаимствовав твою память? Хозяин — суть твое отражение. И теперь он, просчитав, как бы он сам, Тицо, владеющий частицей личности Конана, действовал в подобных случаях, возжелал посмотреть на твои поступки?

— Думаешь, Хозяин доселе жаждет занять мое место? — ухмыльнулся варвар. — Вспомни, с каким треском малыш Тицо был изгнан из Тарантии. Такое сложно забыть!

Да уж, сложно. Если поначалу на лже-Конана набросилась шайка заговорщиков во главе с Аскаланте, Громалом и свихнувшимся поэтом Ринальдо, пытавшаяся изрубить короля на мелкие кусочки, то спустя несколько мгновений на сцену вышел громадный демон, порождение мрачного волшебства Тот-Амона, который и прикончил самозванца.

Тицо было нелегко развоплотить, однако у чудовища, вызванного стигийцем из Черной Бездны, получилось нанести Хозяину Небесной горы столь тяжелые повреждения, что тот покинул тело и сбежал обратно, в Ямурлак.

Есть основания надеяться на благоразумие Тицо — после подобной кровавой обструкции я бы

сто раз подумал, прежде чем совершать новую попытку проникнуть в мир людей. И я полагаю, что если Хозяин однажды решит вернуться, он наткнется на очень серьезного противника в лице Конна.

Наследник тоже не лыком шит, а учитывая папашино воспитание, можно лишь вспомнить знаменитую поговорку, повествующую о яблоне и яблоке, каковое падает от родительского древа весьма недалеко.

...Мы вышли к Розовым холмам, преддверию обители Хозяина, внезапно. Справа и позади можно было рассмотреть вересковую пустошь, на которой много лет назад Морадин, Веллан и я познакомились с василиском Тачем, но как я ни всматривался в протянувшуюся на несколько лиг к полуденному восходу обширную равнину, гигантского ящера не заметил.

Те, кто знаком с полным текстом «Синей Хроники», могут помнить, что издали Тач — безобиднейшее и добрейшее существо — более напоминает ожившую скалу протяженностью едва ли не в полторы тысячи шагов. Василиск — настоящий титан, однако сегодня в округе его видно не было.

Наверняка, Тач перебрался с излюбленного пастбища ближе к горам.

— Ехать осталось недолго,— предупредил я попутчиков, ибо рассмотрел памятные ориентиры: три крутобоких холма, поросшие темными елями и непременно вереском, за ними — глубокая и мрачноватая сырая лощина, в которой и

скрывается озеро Зеленой тени.— Поднимаемся на возвышенность, оставляем лошадей, а дальше — пешочком. Склоны уж больно крутые, кони не пройдут.

— Значит, вот как оно выглядит,— покачал головой Конан, едва мы достигли гребня холма.— Немудрено, что Тицо захотел сменить это захолустье на тарантийский дворец. Скромное у него жилище.

Под нами простиралось на четыреста стадий к полуночи овальное синее озеро, окруженное ельником.

Густой подлесок — папоротники, хвощи высотой почти в рост человека, кое-где завалы бурелома. На ближнем берегу виднеется белоснежный облачный купол, закрывающий довольно большой, вдающийся в озерную гладь полуостров.

Да, давненько я тут не был. Впрочем, по сравнению с временами моего прошлого визита в Ямурлак, здесь ничего не изменилось, разве что деревья стали пораскидистей, да лесного мусора прибавилось.

— Спускаемся,— бросил Конан и недоверчиво посмотрел вниз,— Не думаю, что разговор будет долгим, и Хозяин станет злоупотреблять собственным гостеприимством.

— Может...— я запнулся, раздумывая, как выразить свою мысль так, чтобы наши юные отпрыски не обиделись,— может Ротану и Конну стоит лучше остаться здесь и посторожить лошадей?

Не спорю, я тревожился об их безопасности. Тицо непредсказуем, и неизвестно какую встречу он нам подготовил.

Однако оба молодых человека мигом подняли возмущенный галдеж, а Конн не преминул сказать, что давным-давно мечтал повстречаться с легендарным Хозяином Небесной горы, о войне с которым дядя Хальк написал свою знаменитую книгу.

Тицо не стал нас пугать. Помнится, двадцать семь лет назад я испытывал чувство жгучего страха, нараставшего с каждым шагом, приближавшим меня к туманному куполу. Сегодня ничего подобного не отмечалось, словно мы были желанными гостями Хозяина. Трудность состояла только в том, чтобы перебраться через гниющие поваленные стволы и продраться к полуострову через буйные папоротники. Под ногами противно хлопала вода.

— Ну вот, мы наконец и пришли.— Конан остановился в нескольких шагах от невесомой преграды, отделявшей наш мир от странного дома Тицо.— Хальк, что нам делать дальше? Твое мнение?

— Тогда первым внутрь отправился Веллан,— припомнил я,— мы с графом Мораадином двинулись следом. Никаких препятствий или преград.

— В таком случае, я загляну внутрь, а потом позову вас,— решительно сказал киммериец, шагнул напрямик в туман, а у меня мелькнула паническая мысль: вот сейчас Тицо может запро-

сто похитить Конана, убить его и заявиться к нам в его обличье.

Барвар появился тотчас — его голова высунулась из белесого марева.

— Давайте сюда, — приказал он. — Внутри пусто. Кажется, это место необитаемо.

Ах, государь, мы с Мораудином тоже так думали, пока Веллан со свойственной всем оборотням жуликоватой непринужденностью не обшарил обиталище Тицо. Именно Веллан, между прочим, нашел маленького голубоглазого зверька, которого я затем привез в Тарантию. Надеюсь, теперь мы не повторим ошибок прошлого и отнесемся к поселившемуся в Ямурлаке чужаку с куда большей осторожностью.

* * *

Обстановка «дома» осталась прежней. Мои каблуки вновь стукнули по абсолютно гладким многоугольным плиткам, коими выкладывался пол.

Если посмотреть вперед, то шагах в пятидесяти от туманных стен можно рассмотреть пирамидообразные сооружения, наподобие очень крупных кристаллов горного хрусталя или кварца.

Посреди скопления прозрачных пирамид, в самом центре укрытой облачным покровом площадки, возвышается серебристо-голубая полусфера идеальной формы.

Тихо, безжизненно и сумрачно — клубящийся туман не пропускает солнечный свет. Ничем не пахнет.

— Тицо спал внутри. — Я подошел к высокой, почти в два моих роста полусфере и постучал пальцем по гладкой, отполированной поверхности. — Только я забыл, каким именно образом Веллан открыл этот склеп.

— Выглядит крайне необычно, — согласился король, который вместе с Конном и Ротаном рассматривал пирамиды, изредка перемигивавшиеся возникавшими под стеклянными крышками зелеными огоньками.

Вспыхивавшие изумрудные шарики наводили меня на неприятные размышления — я уже упоминал, что сам едва не погиб от Зеленого пламени в день, когда огнедышащая подземная тварь выдохнула свое ядовитое облако в Велитриуме. Тицо явно питал пристрастие к малахитово-бурый тону.

— Осторожнее, кажется начинается! — неожиданно воскликнул Конн, указывая на полусферу, которая вдруг прорезалась глубокими темными трещинами и начала бесшумно открываться, напоминая огромный цветок лотоса.

Я вздрогнул — неужели и на самом деле придется снова узреть старинного врага лицом к лицу?

Медленно подошли поближе.

Ротан с наследником не снимали ладоней с рукоятей клинков, а Конан, наоборот, выглядел невозмутимо и спокойно. Величественно скрестил руки на груди.

Я первым заглянул внутрь — такие же стекляшки, как и везде, только размерами помень-

ше. А ближе к середине, в круглом чашеобразном углублении, спит небольшая белая тварюшка, похожая на игрушечного медвежонка.

Остановить Конана я не успел. Варвар быстро нагнулся, подхватил Тицо за шиворот и поднял перед собой.

— Вот он, засранец! — с благодушным удивлением провозгласил Конан и слегка встряхнул белоснежного пушистого зверька. — Надо же, столько времени утекло, а твое, Хальк, домашнее животное, ничуть не изменилось! Одни мы постарели!

— Будь добр, положи меня на место, — глухой, слегка раздраженный голос послышался отнюдь не от маленького сонного животного, даже не соизволившего раскрыть глаз, а откуда-то сбоку. И насколько знакомый голос! В точности похожий на речь, принадлежащую самому Конану! — У тебя отвратительная привычка, пошедшая, если не ошибаюсь, еще с шадизарских времен — хватать все, что плохо лежит. А что лежит хорошо — тем более.

Киммериец фыркнул, однако послушался.

Он аккуратно вернул Тицо на его ложе и повернулся в сторону, откуда доносились тихие слова.

Одна из стеклянных пирамид внезапно полыхнула особенно ярким зеленым пламенем, а затем начала быстро погружаться в пол.

А на ее месте прямо из воздуха возникло скромное деревянное кресло без спинки, после чего образовался поначалу невнятный, но затем

все более отчетливо различимый человеческий силуэт.

Я хотел было выругаться, но вовремя прикусил язык.

В нескольких шагах перед нами появился Конан. В облике двадцатипятилетней давности. Так киммериец выглядел во времена, когда я с ним познакомился, то есть вскоре после захвата власти, в 1288 году.

— Нет, это не новое воплощенное тело, — рядно замотал головой Конан-не-Конан, отвечая на яростный взгляд короля, — перед вами своего рода призрак, частица моей памяти, временно ставшая зримой. Просто я решил напомнить, как выглядел... тогда. Извините, что не могу предложить кресел и вина. Если угодно — присаживайтесь на пол. Я перетерплю столь вопиющее нарушение этикета. Но для начала — добро пожаловать в мое скромное жилище. Конан, рад тебя видеть. Хальк?

— П-привет, — заикнулся я, одновременно оглядываясь на беспробудно дрыхнувшего в своем гнездышке белого зверька.

Настоящий Тицо спал не шевелясь, как мертвый.

— Итак, вы пришли, — задумчиво выговорило бесплотное существо, принявшее вид Конана. Иллюзия казалась до ужаса настоящей, и впечатление портила лишь изредка пробегавшая рябь, словно от раскаленного воздуха. — Мне пришлось долго ждать этого визита. Я знал, что однажды король Аквилонии непременно решит навестить

Ямурлак и подвести черту под прошлым. Побе-
седуем?

- О чем? — серьезно спросил Конан.
- О многом.

Рассказ четвертый

Закат эпохи

какой же ты все-таки мерзавец! — искренне возмущался король, искоса поглядывая на восседавшего перед нами призрака. — Удивительно! И ты смеешь требовать от меня извинений за события той ночи? Да катись ты к демоновой матушке на пирожки!

Я вполне разделял точку зрения короля. Тицо только что намекнул, будто во время Мятежа Четырех мы поступили «необдуманно» и «скоропалительно», вместо того, чтобы просто прийти и поговорить, как опять же выразился Тицо «почеловечески». После чего Хозяин Небесной горы как бы невзначай заметил, что нам следовало «хотя бы выразить сожаление» о происшедшем. Конан, разумеется, вспылал.

— Ничего себе шуточки! — орал киммериец. — У меня отбирают корону, государство и любовницу, самого запирают в подвал замка, сажают в тюрьму друзей, присваивают имя, внешность и прошлое, а я же, оказывается, и виноват в том,

что восстановил справедливости! Ты кем себя возмнил?! Вот не посмотри, что ты сейчас маленький и слабый, возьми, навешу булыжник на шею и утоплю в твоём же озере!

Киммериец при этих словах эмоционально кивнул на раскрытый синий «цветок», внутри которого почивало тельце Хозяина.

— Остынь, Конан,— быстро и примирительно ответил Тицо.— Во-первых, этим ты ничего не изменишь. Погибнет мое новое тело, но сам я никуда не исчезну. Моя жизнь устроена совсем по-другому, нежели у людей. Во-вторых, мне пришлось почти двадцать лет восстанавливать телесный облик после... после произошедшего. И пока я могу похвастаться только самым незначительным достижением — новое тело являет собой хорошо знакомого вам пушистого малыша. Однако моя мысль по-прежнему остается действенной и всепроницающей.

— Значит,— с интересом перебил я,— ты бог? Лишь боги способны творить с помощью мысли, а не живых рук...

— Нет, не бог,— отрекся Тицо.— Почтенный Хальк, я очень признателен тебе за то, что многие годы назад ты поднял меня от долгого сна и познакомил с человеческим миром. Моя раса отчасти похожа на вашу, однако таких, как я, очень немного — от силы два десятка сородичей, обитающих в зримой Вселенной... Я знаю, ты два с лишним десятилетия бился над разгадкой тайны Тицо. Готов помочь раскрыть тайну. Из симпатии к тебе, королю Конану и вашим замеча-

тельным сыновьям. Но скажи, готов ли ты принять знание, которое, возможно, окажется непосильным для обычного человека? Когда ты осознаешь, насколько велика и бесконечна тварная Вселенная, привычный мир станет для тебя таким же скучным, как запыленный чердак трактира в безвестной деревеньке. Хальк, ты всегда жаждал знаний, хотел увидеть и познать новое, не понимая, что переизбыток знания ведет лишь к гибели твоего представления о мире и еще более губительному стремлению: хочется видеть все новое, необычное, величественное, чудовищное и прекрасное, мерзкое и восхитительное... И эта жажда никогда не будет утолена. Ибо невозможно познать Бесконечность. Ты желаешь обречь себя на нескончаемое страдание? Оказаться летописцем Вселенной, как был хроникером Аквилонии?

— Да! — не раздумывая, ответил я, не расслышав предостерегающий возглас сына.— Хочу, желаю и жажду! Я слышал, будто Бесконечность — проклятие, но я согласен быть проклятым, ради того, чтобы узреть все эпохи великих Сфер Бытия!

— Ты не знаешь, с чем пошутил,— голос Тицо из проникновенно-соблазнительного превратился в жесткий.— Даже мне, бессмертному по вашим и любым другим понятиям, тяжело смотреть на бесчисленные смерти и рождения, на гибель и воскрешения богов, на смерть миров и их зарождение... На безмерное пространство, в котором бытие и небытие сплелись в радужный конгломе-

рат, возникший по воле Творца Вселенной. Разве такое посильно человеку? Я не имею в виду твою душу, а смотрю на слабое тело!

— Короче! — рявкнул варвар, останавливая увлекшегося Хозяина, — давай, договаривайся с Хальком, а затем соблаговоли обратить свое просвещенное внимание на мою персону. Время коротко, малыш. Очень коротко.

— Ты уже выбрал свой путь, — сказала видение мысли Хозяина, — а ваши дети пока только стоят на перекрестке, решая, куда идти. Но уж позволь Хальку принять окончательное и непреложное решение. Помолчи.

И тогда я испугался. Признаюсь в этом честно и открыто. Вселенная слишком велика для маленькой человеческой мошки, решившей усесться на шкуру гигантского зверя. Я отступил. И плевать, что не получу Бесконечное Знание! В такой ситуации лучше владеть малым, чем покушаться на великое, но непосильное. Пусть тайны Хозяина останутся при нем.

— Мне не нужны твои подарки, — вздохнул я, глядя на Тицо, — я их просто боюсь. Можешь меня презирать за трусость. Я — только человек, как ты верно заметил. А у людей своя дорога. Не ищущай.

— Будь по-твоему, — призрак в кресле понимающе кивнул. — Ты сказал. Но насколько велико искушение, правда ведь? Оставим это... Конан?

— Чего? — киммериец исподлобья воззрился на иллюзию, изображавшую его самого. — Скажи-

ка, дружок, а зачем ты послал ко мне Тот-Амона и заставил вернуться во времена, о которых я прочно и надежно забыл? Какая тебе в том радость?

— Я испытывал и тебя, и себя, — искренне, это было слышно по голосу, признался Тицо. — Я сейчас расскажу, для чего вызвал из Потустороннего бытия престарелого стигийца и открыл вам путь в забытую Киммерию. Только очень прошу, благородные месьоры, не перебивайте и не переспрашивайте. Вопросы зададите потом. И еще одно. Запомните: я не являюсь вашим врагом, пускай вы уверены в обратном. «Чужое» — не всегда враждебное. Лучше вспомните слово «иное» — необычное, непонятное, экзотичное, но все-таки миролюбивое или нейтральное. Я — не чужой, но иной. Ясно?

— Ничего не ясно, — буркнул Конан. — Продолжай.

* * *

Тицо говорил долго, но великих тайн не открыл. Все рассказанное Хозяином Небесной горы я уже слышал от него четверть века назад, в Тарантии. Когда он на краткое время оказался королем Аквилонии.

— Этот мир невероятно стар, — обстоятельно втолковывал Тицо. Мы, как и обещали, старались не отвлекаться и внимательно слушали. Я — с показным безразличием, Ротан и Конн — жадно, а варвар — снисходительно. — Достаточно вспомнить его историю, известную людям. Начнем с

наиболее древних времен, когда над полуночными землями материка, имевшими совсем другие очертания, властвовало могучее божество. У вас сохранились о нем только смутные предания: Рота-Всадник, Скачущий в Ночи. Даже я, собравший множество сведений о вашем мире, не могу со всей точностью утверждать, когда это происходило. Вероятно, больше тридцати тысяч лет назад — датировка крайне приблизительна. Тогда на земле господствовали ныне исчезнувшие альвы и прочие нечеловеческие расы. Эпоха Роты закончилась первой Великой катастрофой — светлые боги уничтожили его крепость, стоявшую, кстати, примерно в тех местах, где ныне лежит граница между Киммерией и Нордхеймом, были затоплены древние земли, из океана поднялась новая суша... Тогда и начался исход альвов за Грань Мира. Новая эпоха, эра Атлантиды, длилась примерно десять-пятнадцать тысяч лет и завершилась очередным бедствием — Великолепный остров затонул в пучине Закатного океана. Потом была Кхарийская Империя, — из прорех в ткани пространства полезли змееногие; позже случилось нашествие хайборийцев и... Правильно, новое катастрофическое изменение облика обитаемого мира! Я привел лишь три исторических события, когда одна цивилизация сменяла другую. Но всегда и постоянно они сопровождались бедой, грозящей поставить под угрозу дальнейшее существование разума. Цикличность катастроф и мои собственные способности, позволяющие смотреть через столетия, по-

зволили мне вычислить, когда же Хайборийская эпоха уйдет, заместившись неясным и грозным будущим.

— Помню, помню, — скептически поморщился Конан, — Рассуждая о возможной гибели цивилизации Заката ты, в прошлый раз, возмечтал облагодетельствовать человечество. И начал с того, что едва не погубил Аквилонию своим зеленым огнем.

— Я не «благодетель», — в тон королю проворчал Хозяин. — Я — Хранитель. Призвание моего народа состоит в том, чтобы любым способом охранить и уберечь мир, в котором оказался один из нас. Подчеркиваю — любым способом! Вы пока еще не замечаете изменений, но я-то знаю твердо: гигантские плиты камня, на которых стоит Закатный материк, начали смещаться и дали несколько трещин. Разрушение плит займет весьма долгое, по меркам людей, время, но и сейчас в Офире и на рубежах Стигии участились землетрясения, Шем страдает от горных обвалов, в Иранистане наступают пустыни... Разлом произойдет по руслу реки Стикс, многие из государств Полудня окажутся под водой.

— Великие природные силы неподвластны человеку, — справедливо заметил я. — Мы не сможем с этим бороться. Даже могущественные атланты не уберегли свой легендарный остров, пожранный океаном.

— Справедливо, — кивнув, согласился Тицо. — Но подобные бедствия вызывают и величайшие потрясения в человеческом обществе. Добавим

сюда непреклонно прирастающую численность пиктов и нордхеймцев, раздробленность и постоянную вражду королевств Заката, ослабляющих себя бессмысленными войнами...

— Постой.— Конан задумчиво взъерошил пятерней волосы.— Никакие дикари не способны противостоять огромным и отлично вооруженным армиям Аквилонии, Немедии или Зингары. Завоевание со стороны пиктов невозможно чисто с военной точки зрения.

— Это сейчас оно невозможно,— возразил Тицо.— А примерно через пятьсот-шестьсот лет все изменится. Кхарийская империя тоже относилась к хайборийцам с презрением. И где она теперь? Двадцать семь лет назад я предлагал вам выход — начать великую завоевательную войну в союзе с Немедией, создать единое и могучее государство, которое однажды сумеет уберечь Закат от варварского нашествия. Но вы напустили на меня убийц и какую-то жуткую тварь, сорвав более чем выполнимый и прекрасно обдуманный замысел.

— Ну, прости уж,— фыркнул Конан,— это мы сгоряча. Хорошо, мы тебе поверим. Через несколько столетий Хайбория сгинет, материк разломится напополам, а на месте Тарантии будет плескаться море...

— Не будет там моря,— сварливо перебил Хозяин,— будет груда дымящихся развалин.

— Скажи-ка, любезный друг, а как ты себе это представляешь? У меня большой опыт сражений с пиктами, и скажу я тебе, что их ратное искус-

ство меня отнюдь не восхитило. Пикты не представляют, как правильно штурмовать укрепления, у них отсутствует единый вождь — в Пуще обитают десятки племен, частенько враждующих между собой... Оружие примитивное — бронзовое. Можно сделать единственный вывод: Пиктская Пуща малоопасна, хотя соседство с дикарями неприятно. Беспокойный они народ...

— Не веришь, значит? — хмыкнул Хозяин.— Придется прибегнуть к наглядному методу убеждения.

Призрак повел рукой влево, и мы отступили на несколько шагов, ибо в туманной стене словно бы открылось великанское окно, выводившее... на Тарантию!

Я сразу узнал город, хотя столица выглядела как-то незнакомо. Добавились новые, странной архитектуры башни, стены стали повыше и помощнее, развевались неизвестные знамена, среди которых глаз выделил только алое полотнище с аквилонским львом. И было ясно заметно, что Тарантия находится в осаде. Под стенами копошится бесчисленная толпа вооруженных людей, стоят огромные катапульты, взметывают в воздух гигантские камни требующе, а над городом поднимаются подозрительные дымки — не от печей и каминов, а слишком похожие на шлейфы пожаров.

— Захват пиктами и нодлингами Тарантии,— пояснил Тицо, снисходительно наблюдая за выражениями наших лиц.— Это произойдет ровно через пятьсот двадцать четыре года.

— Произойдет или может произойти? — уточнил я.

— Может. Конан, ты только что сказал, будто пикты примитивны? Бронзовые мечи, разобщенность, незнание самых азов ратного искусства? А тебе никогда не приходило в голову, что каждый народ развивается и совершенствуется? Вдруг однажды в Пиктскую Пущу явится образованный и движимый только лишь любовью к человечеству аквилонец, задавшийся целью просветительства? Возжелавший нести знания и свет разума варварам?

— И что? — набычился король, рассматривая через проем, как одновременный залп нескольких десятков катапульт поднял к небесам множество горшков, наполненных горючей смолой. Часть снарядов упала за стенами города, другие поразили надвратный барбикен, уже вовсю пылавший.

Зрелище было жуткое. Я никак не мог убедить себя в том, что представленная Тицо иллюзия показывает мою столицу, сжигаемую врагами.

— А то, что семена знаний попадут на подготовленную, но ядовитую почву. Помнишь сказку о посеянных зубах дракона? Все варвары были, да и являются, людьми исключительно горделивыми и практичными. Ты — лишнее тому подтверждение, кстати. И вот, знания цивилизации стали доступны пиктам. Их научили строить осадные башни и выплавлять сталь, рассказали о строении мира и позволили думать, что они

сами могут создать единое и великое государство... Полагаешь, пикты употребят эти знания для того, чтобы устроить новый Золотой век?

— Ничего я такого не полагаю, — угрюмо проворчал киммериец. За время разговора пейзаж в овальном «окне» все более окрашивался цветом пламени и затягивался тяжелым, грязным дымом. Маленькие фигурки серокожих дикарей уже лезли на стены города по длинным лестницам, и бой на укреплениях разгорался нешуточный. — Обитатели Пущи, ясен пень, первым делом захотят доказать всем остальным, что они не слабее и не трусливее. И попробуют на прочность государства Заката. Это сейчас мы их сдерживаем без труда...

— Ага! — воскликнул Хозяин. — Теперь ты понял! Вот от этого, — Тицо указал на пышущую огнем иллюзию, — я и хотел уберечь ваших потомков. Вы, однако, решили обойтись без помощи чужака и прогнали меня. Для нового воплощения мне придется копить силы несколько столетий, и я уже не смогу помочь Аквилонии. Но есть и другой выход. Кое в чем будущее можно изменить. Если очень постараться. И если ты, Конан, мне поможешь.

Тицо повел ладонью, и колдовское зеркало, показывавшее нам видение грядущих времен, отмеченных гибелью привычного мира, уничтоженного варварами, медленно затянулось сероватым колышущимся туманом. Я только вздыхал — настолько меня поразила картина горящей Тарантии.

— Но мы-то как сможем повлиять на будущее? — озадачился король. — Отсюда, из этого времени? Тебе не кажется, что пятьсот лет — слишком большой срок для людей? Если основанная мною династия тогда все еще будет править, то скипетр Аквилонии окажется в руках моего потомка в двадцатом колене! Каким образом я могу вмешиваться в судьбы эпохи, которая наступит через полтысячелетия?

— Мы это сделаем вместе, — проговорил Тицо. — Я провел Конана Канах через два испытания. Сначала был Тот-Амон, и я хотел посмотреть как ты отнесешься к нему. Ты сильно изменился, варвар. Лет двадцать назад на голову старика опустился бы твой меч, а сегодня ты простил его. Это великое умение — забывать и прощать. Умение, которое пригодится и мне, если мы договоримся. Потом ты видел самого себя в детстве и понял: Тицо дал тебе возможность одним махом перекроить историю своей жизни, равно как и историю Аквилонии. Если бы госпожа Миллен вернулась домой, то цепь совпадений и случайностей, приведшая тебя сначала к стенам аквилонского форта Венариум, затем на гладиаторские ристалища Халогии, а после — на дорогу, приведшую Конана Канах к трону, могла бы разорваться. Я не знаю, как выглядел бы мир без короля Аквилонии Конана. Лучше бы не стало, но и хуже не было бы. История просто могла стать иной.

— Ах, вот оно что! — догадался киммериец. — Ты, прохвост, ожидал, что я откажусь от своей

жизни? И ты, в мое отсутствие, смог бы выбраться на волю, не встречая помех? Если нет Конана, значит, Небесная гора осталась бы целой и невредимой? Ты смог бы подыскать себе какого-нибудь лопуха-короля, занять его место и начать по-своему спасать мир?

— Признаться, и такие мысли в голове вертелись, — широко улыбнулся призрак Хозяина. — Однако ты, как всегда, внял не голосу сердца, а речам холодного разума. Прощаясь с Миллен, ты понимал, что минувшая жизнь была дана тебе неспроста, и не стал отрекаться от прожитого. Ты пренебрег самой заветной мечтой юности — вернуться домой — ради своей страны, своего сына и своего будущего. Я уважаю тебя Конан. Не за силу, разум или хитрость. Уважение вызывает твоя ответственность перед самим собой и историей. Перед будущим, ради которого можно пожертвовать несбывшимся прошлым. Эти качества нужны и мне.

— Ну-ка, повтори! — насторожился Конан. — Что ты, паршивец, имеешь в виду?

— Третье испытание, — быстро ответил Тицо. — Как в сказке. Пройдешь его — получишь сокровище. Нет — вернешься домой восвояси и будешь локти с досады кусать.

— Какое такое испытание? — выпрямился король. — Что ты еще напридумывал, нелюдь?

— Хочешь спасти мир?

— А чем, по-твоему, я занимаюсь с пятнадцати лет? — усмехнувшись, пошутил киммериец. — Выкладывай.

— Гхм...— Тицо кашлянул и сделал долгую паузу. А потом выдал скороговоркой: — Я заново сделаю слепок с твоей памяти, облика и личности. Сейчас. Когда придет время бедствий — воплощусь в тело, подобное твоему, и, используя опыт и знания Конана Киммерийца, попробую спасти хоть что-нибудь. Как, согласен?

— Вот еще! — возмутился король. — Снова зеленый огонь, подземные чудовища и новая Полуденная гроза? Катись ты знаешь куда с такими предложениями!

— Ошибаешься, — уверенно возразил Тицо, — Сам ведь отлично знаешь — Небесная гора и механизмы которые я использовал двадцать семь лет назад, уничтожены. Больше не будет никакого зеленого пламени и сопряженных с ним... неудобств. Только сила и опыт человека, помноженные на мои способности. Конан, то, что я предлагаю, — одна из форм бессмертия. Не для тебя самого, правда, а для твоей личности и памяти. Которые останутся во мне. Подумай!

— А что взамен? — спросил варвар с интонациями шадизарского лавочника. Я только вздохнул: если Конан начал торговаться, значит, готов согласиться. Опасную игру затеял Хозяин...

— Взамен? Вселенная!

— Вот даже как...— Король не удержался от смеха. — Конан Великий, повелитель Вселенной? Ты меня за дурака держишь?

— Обижает, — Тицо раздраженно отмахнулся. — Ты вроде бы собирался уйти? Покинуть этот мир? Я знаю о твоём разговоре с месьёром

Хальком, прости, что подслушивал... Но ведь ты не знаешь, куда можно уйти? И каким образом уйти? Полагаешь, что дорога, как это всегда случалось, тебя найдет сама? Я же смогу подарить тебе все дороги, сколько их ни есть в мирах видимом и невидимом. Все они будут твоими. Власть над Вселенной состоит отнюдь не в обладании каким-нибудь вульгарным алмазным треном, горах золота до небес, табунах наложниц или праве казнить и миловать кого твоей душе угодно...

— От всего названного я бы тоже не отказался, — усмехнулся Конан.

— Настоящая власть — это возможность выбирать любую дорогу, какая тебе понравится. Не predetermined судьбой, а любую! И в любое время. В жизни и в смерти, как говаривал старина Тот-Амон. Понятно?

Конан нахмурился. Потом очень медленно, с запинкой сказал:

— К-кажется... кажется понятно! Хороший подарок, ничего не скажешь...— И тут варвар решительно воскликнул: — По рукам! Но учти, если надуешь — с того света достану!

— Я не дешевый обманщик, — обиделся Тицо. — Между прочим, этот мир мне дорог так же, как и тебе. Хотя бы потому, что я живу здесь почти девять тысяч лет, а теперь, после того как ты, Хальк, граф Морадин и оборотни из Пограничья ухитрились погубить Небесную гору, застреляв в Хайбории навсегда. И не желаю, чтобы мой дом однажды разрушили немытые дикари,

силы природы ли кто-нибудь еще. Поэтому ты нужен мне. А я — тебе. Значит, ты согласен?

Варвар кивнул.

— Подойди сюда,— сказал Тицо,— Да нет же, не к иллюзии, с которой разговариваешь, а именно ко мне!

— Конан, ты уверен...— начал я, но король как обычно не стал слушать никаких возражений и предостережений. Если решение принято — оно должно быть выполнено.

Сопровождаемый нашим молчанием, варвар приблизился в полусфере, где спал белый меховой комочек. Доносившийся со стороны голос Тицо скомандовал:

— Ближе! И пожалуйста, не двигайся несколько мгновений.

Конан пригнул голову к белому зверьку, и Тицо в первый раз шевельнулся. Вытянул лапки с крошечными розовыми пальчиками, коснулся ими висков короля и едва слышно забормотал что-то неразборчивое. Конан хмурился, однако не отходил.

— Дело сделано,— сказал голос Хозяина,— теперь ты и я знаем, как поступать дальше. Верно?

— Ну...— варвар поднялся и машинально отряхнул штаны, хотя в обители Тицо царил идеальная чистота. Я заметил, что синие глаза Конана слегка изменились — после безмолвного обмена мыслями с Хозяином король смотрел удивленно, недоверчиво и радостно одновременно. Что же такого пожелал сообщить ему ямур-

лакский пушистый малыш? — Да, ты абсолютно прав. Знаем.

Лепестки полусферы вздрогнули, поползли вверх и вскоре сошлись, закрыв собой спящего Хозяина.

— Прощаться не будем,— сказал Тицо. Иллюзия, создаваемая стеклянной пирамидкой исчезла, но голос остался.— Не люблю прощаться. У нас впереди вечность, а это даже для меня невероятно долгий срок. В бурном течении реки времени плывущие по ней корабли ожидают самые неожиданные встречи, как в гаванях, так и на фарватере... Уходите. Долги оплачены и закрыты.

На деревянных негнущихся ногах я зашагал вслед за варваром и нашими молчаливыми отпрысками, вероятно так и не понявшими, что именно отдал Конан Хозяину, и что получил. Но я знал — сегодня киммериец обрел самый дорогой и ценный подарок, какой только способен вообразить себе человек...

— Я всегда хотел завоевать мир и, желательнее, весь,— задумчиво сказал король, обращаясь ко мне.— Однако не предполагал, что это случится настолько внезапно. И так легко. Едем домой, Хальк. Надо бы закончить последние оставшиеся дела.

* * *

Это случилось поздно вечером следующего дня, в Новом замке, когда мы вернулись из Ямурлака, отмылись в бане и пообедали. Конан с невероятно лукавым видом сообщил, что жела-

ет сказать всем нам нечто исключительно важное, а посему просит ближе к полуночи собраться в кабинете хозяина, благороднейшего месьора Халька, барона Юсдаля. У меня от столь возвышенных словес аж зубы начали болеть, но тотчас разыгралось и неумное любопытство. Почему именно в полночь? И не в более удобной трапезной, а в тесноватой комнатке, где я работал и хранил бумаги? Конан, однако, ничего не пожелал разъяснить. Мы все только переглянулись, Конн пожал плечами, а Ротан изобразил на лице выражение притворного безразличия.

Когда на башне один из слуг, приставленный следить за клепсидрой, отбил три удара малым колоколом, означавших, что до наступления следующих суток остался всего один квадранс, я окликнул беседовавших у камина Ротана и Конна (кажется, разговор велся, как и у всех молодых людей, о войнах, сражениях и оружии) и первым вззошел на ступени лестницы, ведущей на второй этаж моего маленького замка.

Король встретил нас на пороге кабинета, пригласил войти, затем, не церемонясь, уселся за мой стол, сгреб в сторону гору желтых пергаментов, взялся за свою сумку из толстой коричневой кожи с золотым тисненым вензелем и аквилонским гербом.

Из сумки был извлечен самого внушительного вида свиток, а вслед за ним и его собратья — надо полагать, заранее подготовленные копии.

Варвар развернул первый пергамент, возложил его перед собой на столешнице, выбрал са-

мое лучшее перо и, не донеся руку до чернильницы, замер. Мы втроем недоуменно наблюдали за киммерийцем, не понимая, что происходит и ради чего устроен этот спектакль. Только на лице Конна отразилась смутная догадка. Наследник помрачнел.

Начали отбивать полночь — на сей раз гудел большой бронзовый колокол, купленный мною у лучших литейщиков близлежащего Танасула специально ради того, чтобы вся округа была осведомлена о течении времени: кметы из деревень очень быстро освоились с курантами Нового Замка и теперь отмеряли часы по гулким колокольным ударам, слышным аж за пять лиг. Это была единственная моя попытка нести просвещение в народ, но зато вполне удачная.

За время двенадцати размеренных, мощных ударов, тугими струями бронзового звука проникавших в кабинет, Конан размашисто подписал первый пергамент, за ним второй, третий, извлек из золотой коробочки давно знакомый мне предмет — Королевскую печать, дынул на густо смазанный пурпурной краской кругляш и приложил его поочередно ко всем документам. С последним ударом все три пергамента были оформлены, как полагается.

Конан поднялся, держа в руке один из указов, и взглянул на меня.

— Хальк, наследный барон Юсдаль-младший, прими этот документ и зачти всем присутствующим. В нем — воля короля Аквилонии, Конана Первого, из Канахов!

Боги, да к чему столь утонченная торжественность? Я подошел, взял широкий лист, сразу заметив, что на оном присутствуют обязательные для всех монархий документов тиснение и вырисованный самым лучшим придворным художником герб Аквилонии — золотой лев в пятизубой короне на алом щите-дроглоре.

Пробежав глазами первые строки я сначала задрожал, словно бумага гласила о моем осуждении на немедленную казнь через колесование, затем панически взглянул на Конана и его сына, получив в ответ нетерпеливый, резкий жест киммерийца — читай, мол! — и...

Испытанные тогда чувства я не могу описать, слов не хватает. Будет лучше, если я приведу здесь полный текст королевского эдикта, с которым мне выпала честь (или несчастье?..) ознакомиться первым.

Где властна воля — там путь к победе!

*Во имя божественного Митры
и святейшего Эпимитриуса!*

*Мы, государь и король всей Аквилонии,
великий герцог Пуантенский, Танасульский
и Боссонский, владетель Таурана, Гандерланда
и Атрены, такожде и господин всех
земель Заката и Полуночи, Конан I Канах
сим подтверждаем:*

*Ныне, одиннадцатым днем первой осенней
луны 1315 года от основания королевства
Аквилонского, мы, Конан Канах, по соб-*

ственной доброй воле и безо всякого принуждения отрекаемся от титула короля, передавая трон, корону, скипетр и Большую печать, а с ними все достоинства и привилегии королевского звания, освященного законами и тысячелетней традицией, его высочеству принцу крови и первому, наследному сыну Конну Канах, оставляя за собой лишь титул великого герцога Танасульского, со званием первого государственного советника, вплоть до моей смерти или отставки волею короля.

Да здравствует король Конн Первый!

*Подписано собственноручно:
Конан I Аквилонский*

*11 день первой осенней луны,
1315 год от основания Аквилонии,
баронство Юсдаль, Гандерланд*

Вот так. Просто и без лишних слов. Я поначалу даже не сумел понять, что стал глашатаем новой эпохи. И последним вестником предыдущей, осененной именем короля Конана.

Вот и кончилась столь короткая (по воззрению краткоживущих людей), однако столь великая, по счетам истории, эра правления некогда неизвестного наемника и сына кузнеца, сумевшего однажды завоевать достойный его удивительной жизни титул короля. Монарха, владевшего самой прекрасной страной цивилизации Заката. Человека, никогда не возвышавшего самого себя,

но трудившегося на наше благо — герцогов и лавочников, землевладельцев и купцов, благородных и простецов...

Конан был нищим, беглецом, наемником, дворянином, воином, королем, рабом и торговцем...

Однако Конан всегда оставался человеком. В замечательном, самом высоком, смысле этого слова.

И поэтому киммерийский варвар, один из самых образованных людей нашего века, простец и благороднейший дворянин, безрассудный любитель приключений и в то же время наиболее здравомыслящий политик нынешнего времени, всегда останется для меня лучшим другом.

Потому что Конан только человек.

Лучший.

* * *

— По закону,— заговорил варвар, нарушив гробовую тишину, образовавшуюся вслед за оглашением документа,— после отречения предыдущего короля, принц крови вступает в права наследования только на следующие сутки, начиная с полуночи. Во время краткого междуцарствия страной правит канцлер. Жаль, я так и не дал возможности Просперо побывать единовластным правителем Аквилонии.— Киммериец взглянул на ошалевшего Конна и церемонно поклонился.— Счастлив приветствовать, ваше королевское величество.

— Но отец... — Конн раскрыл рот и судорожно сглотнул слюну,— Разве...

— Государь, я полагаю, вы приняли власть в соответствии с исконными традициями и уложениями Аквилонии,— безмятежно сказал Конан. А глаза хитрые-хитрые.— Отречение составлено на трех листах, первый из которых остается в архиве Короны, второй передается канцлеру, а третий — для всеобщего оглашения. Подпись покинувшего трон монарха и государственная печать, как я полагаю, сомнений в подлинности не вызывают?..

Конан взглянул на наши потрясенные физиономии, не выдержал и расхохотался:

— Ни дать, ни взять — три старые девы, увидевшие в собственной спальне голого королевского гвардейца! Конн, что ты челюсть отвесил, муха залетит! Эй, парни, очнитесь! Пошли вниз, отпразднуем! В конце концов, не каждый день становишься королем Аквилонии! И не каждый день теряешь корону...

Я повернулся было к наследнику (какому еще «наследнику»?! Королю!), однако Конн опередил:

— Дядя Хальк, Ротан, если вы вздумаете вальсировать на колени или полезете целовать ручку — обижусь! Об этикете сегодня забыли! Оставим куртуазию до официальной коронации! Давайте лучше вино пить, раз уж такой случай!

Варвар одобряюще кивнул. Словно хотел сказать гордо: «Моя выучка!»

Спустились в трапезную, где ярко полыхал камин, Конан притащил дорожный мешок, привезенный с собой из города, извлек кувшины с безумно дорогим пуантенским вином двадцати-

летней выдержки (между прочим, произведенным на винодельне «Изумрудная лоза», а это значило, что за маленький кувшинчик такого нектара можно приобрести неплохой дом в Тарантии), выбил крышки и разлил по кубкам.

Я, Ротан, и Конн тоже, доселе пребывали в состоянии блаженного обалдения. Да, киммериец и завоевал власть необычно, и оставил оную не без театрального подвоха. Надо же, одно из самых заметных исторических событий произошло прямоком в моем доме! И сейчас я один из четырех людей, единственных во всем мире, знающих, что грядущий рассвет принесет с собой новый век! Потрясающе!

— Да здравствует король? — почему-то с просительной интонацией провозгласил Конан, подняв кубок. Хмуро посмотрел на меня и остальных. — Или вы чем-то недовольны?

Конн улыбнулся первым и тоже вознес серебряный бокал:

— Да здравствую я! Дядя Хальк, ты чего смеешься?

— Скорее рыдаю, — фыркнул я, смахнув внезапно набежавшую слезу. — Ладно. Да здравствует король! Пью за процветание варварской династии!

— Ну... Да здравствует король! — Ротан почесал левой рукой в затылке. — Конн, честное слово, теперь тебе не позавидуешь... Кстати, возьми меня в гвардию Черных Драконов?

— Хоть сейчас указ подпишу. — Конн вопрошающе покосился на меня. Я отхлебнул пуантен-

ского муската, и, мигом уяснив, что требуется королю, побежал наверх — за пером и пергаментом. Упустить случай лично составить первый указ нового монарха (да еще непосредственно касающийся моей семьи!) я не мог.

Засиделись почти до самого утра. Много разговаривали, я и Конан вновь предавались воспоминаниям о «старых добрых временах», мой сын радостно посматривал на подписанный рескрипт короля, валявшийся на столе, и гласивший о принятии Ротана, барона Юсдаля, в дворцовую гвардию Тарантии. Как бы не загордился...

Я незаметным смешком я подумал, что в семействе Юсдалей должность королевского фаворита начала передаваться по наследству.

Конн, так и не оправившийся от удара, нанесенного неожиданно свалившейся на его голову короной, медленно, но верно напивался. Выглядел он отнюдь не по-королевски — обычный молодой паренек, вдруг осознавший, какую тяжесть придется теперь нести на плечах всю оставшуюся жизнь. Ничего, сдюжит. Отцовские уроки не забудутся.

Удивительно, но я стал одним из главнейших свидетелей эпохи — от ее начала, до самого завершения. Если быть точным, то правление Конана продолжалось ровнехонько двадцать семь лет, четыре луны и один день. Девять тысяч девятьсот семьдесят шесть дней. Эх, всего-то двадцать четыре денька до круглой цифры не дотянул! Но, как известно, история всегда округляет даты.

Не сомневаюсь, однажды времена правления Конана будут названы в летописях как «десять тысяч дней, воскресивших Аквилонию». Или еще как-нибудь, не менее помпезно.

А ведь начиналось все прямиком на моих глазах! Я почти наизусть помню свою запись в «Хронике», посвященную десятому дню первой весенней луны 1288 года.

«...В тот день я с утра пораньше сбежал из дворца и отправился в город. Я так и не смог ничего толком разузнать. Кто говорил, что совсем неподалеку видели отряды пуантенцев, кто предлагал идти штурмовать дворец, но все сходилось в одном — сегодня непременно что-то произойдет. Дворцовая крепость казалась настроенной ловушкой, но, если сегодня там случится нечто важное, а я этого не увижу и не узнаю, — никогда себе в жизни не прощу!

И я вернулся. Как оказалось позже — это было верным решением.

Дворец производил впечатление вымершего — из придворных я не встретил никого, а сторожевые посты на этажах и в коридорах пустовали через один. Я поплелся наверх, к себе.

Первую лестницу я преодолел благополучно, споткнувшись всего пару раз. Теперь предстояло миновать длинный, постоянно сворачивающий коридор, и я попаду ко второй лестнице. Она покороче и не такая крутая.

Вот так я брел, не торопясь, в полной темноте, ибо тогда экономили даже на факелах, держась за стену и гадая, что же у нас происходит

и куда катится благословенная Аквилония. А за очередным поворотом меня сбили с ног.

Я в жизни так не пугался, хотя с детства привык ни от чего не бегать — иначе у нас, в лесах, не выживешь. Дело в том, что идущих тебе навстречу людей обычно издали слышно, но сейчас до меня не донеслось ни звука... пока я не врезался в кого-то. Поневоле начнешь думать о демонах или шатающихся по дворцу призраках. А при том, что творилось в столице в последнее время, я бы не удивился, наткнувшись во дворце на десяток-другой разъяренных привидений, жаждущих крови Нумедидеса или кого-нибудь из придворных.

Сбивший меня человек отнюдь не принадлежал к миру духов. Во всяком случае, я никогда не слышал и нигде не встречал сведений о том, чтобы привидения ругались, будто распоследние пьянчуги в притонах Шадизара...

У кого-то из идущих сзади оказался с собой потайной фонарь, и он чуть приоткрыл заслонку. Света было немногим больше, чем от захудалого светляка, но мне вполне хватило... Хватило, чтобы разглядеть кое-кого, кому тут совершенно не полагалось находиться, и понять две немаловажные вещи.

Первую — кто бы ни был нашим нынешним королем, к завтрашнему утру он вряд ли будет занимать аквилонский трон, и вторую — если я издам хотя бы звук, я тоже могу смело распространяться с этой прекрасной вещью, именуемой «жизнь».

Вот так я впервые и увидел Конана. Сурового, настороженного мужчину с обнаженным мечом в руке, в темной одежде, украшенной гербами с золотистыми хищными леопардами Пуантена...

В момент серьезной опасности мы все сообщаем очень быстро. Я справился с сильнейшим желанием завопить и промолчал. Сейчас было не время изображать верноподданного. Вдобавок, я никогда не относил себя к таковому.

Рассказывать приходится долго, а на самом деле все заняло несколько мгновений. Ровно столько, сколько мне понадобилось, чтобы подняться на ноги и прижаться к стене, пропуская маленький отряд, неизвестно как проникший во дворец. Они проскочили дальше по коридору и исчезли. Я ни капли не сомневался — они шли убивать. Где ж вы видели, чтобы власть — королевскую власть! — отдавали добровольно? Я — нигде.

На следующий день было все, что полагается: сдержанная паника среди придворных, бесконечные клятвы в безоговорочной верности, флаги, трубы, радостно вопящие толпы на улицах... Но — на следующий. А я никогда не забуду, как несколько человек в полной тишине прошли мимо меня и скрылись в темноте. Какая-то часть моей души требовала, чтобы я пошел за ними, но я в кои-то веки проявил здравомыслие. Нечего мне было там делать. Я записываю историю, но пока не собираюсь ее создавать. Пусть этим занимается кто-нибудь другой.

Все, на что я решился — спустя некоторое время вернуться к лестничному пролету и послушать, что творится внизу. До меня долетели негромкие спорящие голоса, потом — лязганье вытаскиваемого из петель тяжелого засова и шорох открываемых створок. Этот шорох я очень хорошо изучил — с таким звуком открывалась дверь тронного зала.

...На моих глазах, как это ни высокопарно звучит, творилась история, происходили события, о которых позже будут сложены легенды и предания. Они очень красивы, эти легенды (по крайней мере, те, которые я слышал), но почти ни в одной из них нет и единого слова правды. На самом деле, все случилось быстро и тихо, оставшись незамеченным никем из обитателей дворца, кроме некоторых полуночников. И уж, конечно, не столь возвышенно, как об этом рассказывают на улицах и перешептываются во дворце.

Так уходила в бесконечность династия, давшая миру немалое число как достойных правителей, так и негодяев. Исчезали в небытие Эпимитрии, наследники Эпимитриуса и Алькоя — распутники и строители храмов; завоеватели, полководцы, наподобие Сигиберта Великого и законченные идиоты, жрецы изящных искусств, возводившие прекрасную Тарантию или сжигавшие, по хмельной прихоти, древние города; колдуны и святые, неудачники, палачи, герои, благороднейшие рыцари и насильники; транжиры, скопидомы и собиратели земель, весельчаки и черноризные лицемеры-ханжи, слабоумные уб-

людки и гении. И, разумеется, ничем не примечательные посредственности...»

Я частенько думаю о том, что новая, свежая кровь династии Канах омыла собой пачинающую плесневеть Аквилонию и предоставила моему древнему государству возможность выйти из тупика, куда его загнали вырождавшиеся потомки Эпимитриуса.

Двадцать семь лет правления Конана изменили облик мира. Пускай границы остались прежними, пусть Немедия, Офир, Зингара и даже Пиктская Пуща сохранили положенные историей пределы и Конан не получил запоминающегося прозвища (вроде «Завоевателя» или «Воинственного»), но одновременно Закат словно бы пробудился ото сна, в коем пребывал со времен Сигиберта Великого...

Мы тяжело и долго сбрасывали сонливость, не хотели подниматься с ложа и боялись утреннего холода, однако нас заставили снова встать на ноги. Сила Конана передалась Аквилонии, как привитый на старую яблоню побег дает новую жизнь дереву.

И я уверен — теперь можно оставлять этот мир, в искренней и уверенной надежде: Конн завершит дело своего отца. И пусть даже, как пророчествовал Хозяин Небесной горы, однажды Аквилония исчезнет, но память о нашей краткой и, одновременно, столь примечательной эре, сохранится. И, может быть, рядом с именем короля Аквилонии Конана, неизвестный хроникер будущего вскользь упомянет имя захоластного баро-

на Халька, родом происходящего из Юсдаля, что в Гандерланде...

* * *

Перед рассветом, когда в стороне Немедийских гор появилась алая с золотом тонкая полоска, первый вымпел приближающегося солнца, мы с киммерийцем вернулись в кабинет. Ротан и молодой король заснули прямо в креслах возле камина, и мы, чтобы не мешать, решили побеседовать наверху. Поговорить в последний раз, ибо варвар вместе с Конном собирались утром уезжать в Танасул.

— И как нынче тебя именовать? — поинтересовался я у Конана, когда мы устроились в пахнущей пергаментом и пылью комнатке. — Ты же оставил себе герцогский титул, значит — Ваша светлость?

— Пошел ты... — скривился варвар. — Моей светлости недолго быть таковой. Завтра в Танасуле мы объявим подданным о смене правителя, Конн распустит Государственный совет, даст отставку канцлеру, и все начнется по новой.

— Есть предположения, кто будет новым канцлером? — спросил я.

— Просперо, кто ж еще. После смерти старика Публия пуантенец отлично справляется с делами. А непременная отставка при новом короле?.. Дурацкая традиция. Просперо получит назначение на следующий же день.

— Ясно... — я шумно вздохнул и внимательно посмотрел на Конана.

Вид у него был усталый. Сейчас, в прореживаемой лучиками свечей полутьме киммериец действительно показался мне стариком. Но я все равно не выдержал:

— А сам что будешь делать? Что подарил тебе Тицо? Куда собираешься? И каким образом?

— Если бы я знал ответ хоть на один из этих вопросов,— покачал головой Конан,— то жизнь была бы не в пример легче. Каким образом? Наверное, сразу уеду, напрямик из Танасула. Один. Без заезда в Тарантию.

— Куда? — повторился я.

— К Океану. Куплю корабль. Соберу, по старой памяти, небольшую шайку оторвиголов, которым решительно наплевать, куда направится судно, лишь бы было интересно и прибыльно. Закатный Океан велик и не исследован, ходят разговоры о неизвестном материке, лежащем в стороне, где заходит солнце. Кстати, можешь не беспокоиться, в Аквилонию я не вернусь никогда. По пути можно будет заглянуть на Зеленые Острова, Гленллан, к Яблочным берегам...

— Это же сказки! — справедливо возмутился я.— Зеленые Острова если и существуют, то обретаются вне кругов нашего мира!

— А разве я утверждаю обратное? — поднял бровь Конан.— Ты спрашивал, какой подарок сделал мне Тицо? Кажется, ты, Хальк, достаточно умен для того, чтобы понять — теперь я могу идти, куда захочу. На Зеленых Островах можно слегка отдохнуть от всей этой дребедени, которая мне презрительно надоела!

Киммериец ткнул большим пальцем в сторону окна, словно показывая на весь окружающий его мир — от дальних рубежей Пагана на востоке, до Пущи Пиктов на закатном краю материка.

— А потом?

— Ну что ты заладил: потом-потом! Потом и видно будет! Мое тело смертно, когда его похоронят в океане или сожгут на погребальном костре, я снова выберу дорогу. Уже за Гранью. Впрочем, нечего загадывать, там видно будет. И умоляю, не смотри на меня такими глазами! Зачем тебе идти со мной, скажи пожалуйста? У тебя своя жизнь, свой путь... Ротана пожалей! Кто за помещьем будет смотреть?

— Мой брат Эргин. А Ротан вовсе не ребенок,— машинально ответил я, но наткнулся на такой мрачный взгляд Конана, что смутился и примолк.

— Дорога завершилась,— меланхолично произнес варвар,— и я знаю, что возврата обратно не будет. По многим причинам. Я теперь не король, не наемник, не контрабандист... Все дела сделаны, больше меня никто нигде не ждет, и я никому не потребен. Какой разумный купец возьмет в телохранители или проводники старого ветерана с седой головой?

— Эй, ты понимаешь, что говоришь? — разозлился я.— Жалко слушать подобные речи! Бесспорно, по характеру ты всегда был отнюдь не подарочек, однако чего-чего, а греха уныния за тобой не водилось!

— Это не уныние, это усталость,— Конан едва заметно улыбнулся,— и если я как можно быстрее не уберусь отсюда, то усталость меня сломит окончательно. И вот тогда я точно превращусь в упомянутого старца с трясущейся головой, выпавшим зубами и провалами в памяти, которого сердобольная матрона-сиделка будет потчевать жиденькой кашкой и поить травяными настоями. Вокруг засуетятся лекари-шарлатаны, Конн начнет смотреть с жалостью и состраданием, а все прочие станут шептать по углам: «Великие боги, и ведь это некогда было Конаном Киммерийцем!» Не хочу такого конца! И его не будет.

— Очень на это надеюсь,— буркнул я.— Признаться, я тоже не в восторге от подобной картины завершения своей жизненной карьеры. Также, наверное уеду. В Пограничье, к Эртелю и Тотланту. Потом надо будет Мораадина навестить в Бельверусе. И Рингу.

— Вот и нашел себе занятие,— произнес Конан, бывший король Аквилонии. Никак это поганое словечко — «бывший» — с киммерийцем не вязалось. От реальности, однако же, не убежишь.— Думаю, в Пограничье тебе не будет скучно. Передавай всем приветы от Конана из Киммерии.

— Разумеется, передам,— слегка неуверенно ответил я. Вспомнились почему-то дикие чащобы Пограничного королевства, серебристые сугробы, черная полоса Граскаальского хребта и каменная квадратная развалюха, гордо именуемая Замком короны. Вот любопытно — построил ли

король Эртель новый замок, или довольствуется прежней резиденцией? Эртель дружен с гномами Граскаала и вполне мог нанять несравненных подгорных мастеров для обустройства столицы Пограничья. За минувшие годы бывшее захудалое королевство на полуночной окраине материка преобразилось — оборотни сумели навести в Пограничье достойный всякой цивилизованной страны порядок, и королевство встало в один ряд с великими державами, наподобие Аквилонии, Немедии или Кофа.

— Надеюсь, Конн справится,— проворчал я, словно бы невзначай. Киммериец усмехнулся:

— Твои надежды вполне оправданы... Как и мои. Во-первых, Конн не останется в одиночестве. Рядом всегда будут находиться верные люди. Просперо, Паллантис... Во-вторых, я оставляю ему крепкое, сильное государство. Торговля процветает, баронскую вольницу я слегка поприжал.

— Теперь это называется «слегка»? — Конан меня искренне развеселил столь скромным определением.— Это после нескольких десятков показательных казней на главной площади Тарантии? Когда все камни мостовой оказались залиты бурным потоком благородной крови?

— Это было много лет назад,— сказал на это варвар.— Неужто ты меня осуждаешь? Я полагаю, что всегда и во все времена короли довольно круто поступали с бунтовщиками и мятежниками, правда ведь? Скажи, ну кому стало хуже, когда Аквилонию перестали рвать на части захватившие ее скучающие дворянчики, которые за-

ботились только о своем кармане и амбициях? Всякий торговец сейчас может ездить по стране, не опасаясь, что его ограбят и разденут благородные господа, проигравшиеся в кости и решившие поправить дела за счет ближнего своего?

— И это говорит бывший пират и разбойник, искатель приключений с больших и малых дорог? А какой невинный взгляд!

— Согласись, ведь существует разница между королем и контрабандистом? Я, между прочим, никогда не занимался грабежом ради грабежа и убийством ради убийства. И я никогда не видел ничего дурного в том, чтобы обвести вокруг пальца какого-нибудь мерзавца или наказать смертью убийцу... Слышал, небось, сказки о благородных разбойниках? Я всю жизнь только и занимался тем, что изображал из себя такого разбойника, вот только не знаю, насколько хорошо получалось. Надоело. Хочется все изменить.

— Кажется, именно это ты сейчас и делаешь.

Конан помолчал и внезапно спросил:

— Между прочим, Хальк, нет ли у тебя желания вернуться на королевскую службу?

— Шутишь? — я оторопел. — Каким образом? Кем? Снова библиотекарем?

— Приглядишь заодно за Конном и Ротаном, — невинно продолжил Конан. — Еще несколько лет им придется прислушиваться к мнению и советам людей более старших и опытных. Звание королевского советника тебя устроит?

— Ну уж нет! — возмущенно воскликнул я. — Никогда, ни за какие деньги и титулы! Тебе, ста-

рому прохвосту, значит можно уйти на покой, а Хальку отведена роль заботливого надзирателя при малолетнем короле?

— Я пошутил. — Конан с улыбкой переждал вспышку моего гнева. — Отлично понимаю, что ничего теперь не вернуть, и твое появление в Тарантийском замке будет выглядеть столь же нелепо, как, например, возвращение какого-нибудь придворного хмыря из свиты Нумедидеса. Если мне, обломку мертвого прошлого, будет позволено выразиться ученым словом, то мы с тобой уже стали реликтами. Легендой, сказкой. Однажды лично слышал, как Черные Драконы травили байки в караулке — представь, рассказывали о событиях Полночной грозы, о зеленом огне. И о нашей разудалой шайке. Имена, конечно, перепутали... Мы медленно, но верно превращаемся в сказку, которую под завывание вьюги будут читать на ночь детишкам.

— Легенды о короле Конане вовсю гуляют по стране, — заметил я. — И тут не последнюю роль сыграли твои жуткие авантюры, королям неприличествующие.

— ...И этот негодяй Гай Петрониус! — мстительно сказал Конан, а я сделал самый невинный вид.

Понимаю, отчего варвар ярится. Тайну сочинителя Гая Петрониуса знал только я сам, да еще несколько доверенных людей, в чьей скромности я не мог сомневаться.

Я много раз упоминал в «Синей Хронике», что Гай Петрониус (писания которого стояли нарав-

не с повестями Стефана, Короля Историй — знаменитого литератора из Пограничья), по общепринятому мнению, был пожилым тарантийцем, у которого на старости лет прорезался дар сочинителя. Списки рукописей Петрониуса доходили до Немедии и даже до Турана, там многократно копировались, и дети благородных семей, а также вполне взрослые и солидные дворяне, а с ними и купцы, и простые обыватели с увлечением зачитывались волшебными сказками аквилонца. Причем последние двадцать пять лет Петрониус сочинял не слишком истинные истории о давних похождениях Конана и некоторых его друзей.

Признаюсь — Петрониус был рожден моей болезненной фантазией и острым пером.

Я некогда наслушался от варвара рассказов о его приключениях и представлял их в собственном изложении. А чтобы на меня не пало и тени подозрения, подписывал рукописи именем «Гай Петрониус».

Конан, между прочим, был изрядно зол на этого сочинителя, придумывавшего про короля насквозь неправдоподобные байки, и, если бы узнал, что указанный литератор живет у него во дворце и ест его хлеб, выставил бы своего библиотекаря без зазрения совести... Однажды меня едва не поймал на горячем граф Мораддин, и если бы он разболтал Конану всю подноготную сей мистификации, быть бы Хальку битым. Но Мораддин промолчал, а варвар только возмущался, когда в его руки попадало очередное сочинение недобросовестного писаки. А что вы хотите? Для

изложения истины существуют хроники и летописи, наподобие той, которую вы сейчас читаете, но в обычных сочинениях можно дать волю свободному воображению!

Зато я первым начал создавать вокруг Конана ореол легендарности. И могу тем гордиться. Сказки с течением лет не забываются, а значит, не забудут и нас.

...На какое-то время воцарилась тишина. Каждый был погружен в свои размышления. Я вовсю прикидывал, как поступить дальше, но в голове образовался сущий сумбур, мельтешили странные образы, будто в дурном сне. Решение пока не оформилось окончательно, хотя я прекрасно знал, как завершу сегодня «Синюю Хронику» и чем закончится труд всей моей жизни. Да, не забыть бы взять чистый пергамент... И чернила... Вроде бы у меня оставалось полторы бутылки самых лучших зингарских чернил, из краски осьминога?

— Светает... — Конан посмотрел на залитый розовым солнечным пламенем оконный проем, встал и прошелся по комнате. Нашел какую-то безделушку на полке, повертел, поставил на место. Глянул на меня исподлобья. И сказал те слова, которых я боялся: — Что же, Хальк, давай прощаться. Надо будить Конна и ехать.

— Ротан, скорее всего, с вами отправится, он же теперь, извольте видеть, Черный Дракон... — как-то очень по-глупому сказал я и отогнал мысли о том, что Ротану надо бы собрать кое-какие вещи, выдать деньги... Зачем? Теперь о моем сы-

не будет заботиться не пожилой отец, а государство и король. Жалование у Драконов неплохое, форменная одежда... Светоносный Митра, о чем я думаю!

— Пойдем вниз,— я лишь мелко покачал головой и, выпустив Конана в коридор первым, побрел к лестнице.

Синяя, или «Незаконная» хроника Аквилонского королевства

Завершающий лист

Новый Замок опустел. Впервые за долгие годы я почувствовал, что мой дом из уютного семейного гнезда превратился в строение, кажущееся хозяину чужим и неприятным. Я более не смогу увидеть обожаемую супругу, сидящую за вышивкой у распахнутого окна парадной залы, не услышу смех Ротана, играющего с деревенскими мальчишками в Сигиберта Завоевателя и его полководцев, не смогу застать дочь Меллис за чтением рукописей, которые она тайком стащила из моего сундука... Пусто и тихо. Только на дворе копошатся сонные слуги, и конюхи ведут лошадей на прогулку — постукивают копыта по каменным плитам, и зло повизгивает норовистый жеребец по кличке Гром.

Остается лишь взять перо, пергамент и занести в «Синюю Хронику» последние строчки. Чем я прилежно и занимаюсь с самого утра.

Долгого прощания не было. Мы с Конаном обнялись, Ротан нетерпеливо теребил узду коня,

так не терпелось ему покинуть замок и ворваться в новую, полную приключений и чудес, жизнь; молодой король сказал, чтобы я обязательно приезжал на коронацию — когда будет объявлен срок торжеств, мне обязательно пришлют приглашение в столицу.

Вот и все. Они выехали за ворота, свернули на проселок, ведущий на полуденный закат, к Танасулу, дали лошадям шпор и вскоре скрылись за деревьями прилегавшего к Новому Замку букового леса. Никто не обернулся. Я, постояв недолго, вернулся на двор, дал распоряжения конюхам и управляющему (последний только глаза выулпил, услышав пожелания господина), затем надолго засел в кабинете, занимаясь «Хроникой» и написанием необходимых писем: брату Эргину — в Старый Юсдаль, дочери — а Пуантен, и нескольким близким знакомым, включая Мораддина и Тотланта. Запечатав депеши и проверив шкатулку, в которой хранились жалованная грамота на поместье, завещание и прочие важные документы, я приказал позвать Гаута, наиболее смышленного из моих приближенных. Вручив ему письма и палисандровую шкатулку, я приказал отвезти пакеты в ближайшее крупное поселение на почтовую станцию, а шкатулку — в отцовское поместье, благородному месьёру Эргину.

Слуга поклонился и молча вышел, изумленно на меня посмотрев. Видимо почувствовал — происходит нечто необычное.

Итак, «Синяя Хроника» завершается. Невольно начинаешь жалеть себя, вспоминать об уйме

потерянного времени, множестве затраченных сил и невероятном количестве дорогих зингарских чернил. Гляжу я на эти непомерно разбухшие тетради, переплетенные в крашеную медной лазурью свиную кожу, и диву даюсь — неужели я сам написал доподлинную хронику царствования короля Конана? Есть еще другой неразрешимый вопрос — для чего я это сделал?

Только сейчас, просматривая старые записи, я начинаю понимать, какой труд совершен. Никто в Аквилонии не знает подлинных обстоятельств цепи невероятных событий, случайностей и закономерностей, приведших нас к нынешнему положению вещей. Хотя в одном летописном своде вы найдете описание ночевки Конана и всей нашей компании в глухом лесу на закате Пограничного королевства? Или, например, подробности нашего похода в Граскаальские подземелья? Можно ли там обнаружить рассказы людей, сопровождавших короля в самые тяжелые и страшные дни, когда гибель грозила всему Закату? Кто еще, кроме меня и еще нескольких друзей Конана, разговаривал с Тицо, ямурлакским найденышем, желавшим вершить «добро через зло»? Существом, которое долго тщилося понять людей, и наконец заключило с королем Конаном непонятный для меня договор... Воспоминания об этих событиях сохранились лишь в мыслях немногих участников, да в «Синей Хронике».

Пергамент куда недолговечнее человеческой памяти, но однажды — я верю! — рукопись найдут, обнаружится добросовестный копиист, кото-

рый перенесет «Синюю Хронику» на новые листы, и история нашей эпохи не забудется, а пока... Пока тетради полежат в библиотеке Нового Замка. До времени.

Время... Истинный повелитель Вселенной. Мне иногда кажется, что учеба в Обители Мудрости, служба на должности королевского библиотекаря, долгие и далеко не всегда безопасные путешествия, женитьба и рождение детей, все события и приключения молодости, происходили совсем недавно. Вроде бы я только вчера заказывал у придворных портных парадное одеяние, которое предстояло надеть всего один раз в жизни — на праздник, посвященный коронации никому не известного варвара, который при поддержке могучих пуантенских герцогов уселся на трон. Будто бы на прошлой седмице мы возвращались из Пограничья или с триумфом входили в Тарантию после «Немедийской войны», когда Конан помог принцу Нимеду вернуть корону, захваченную узурпатором Тараском.

А сколько знакомых лиц можно вспомнить! Унылая физиономия Нумедидеса, которого я видел только однажды; лукавый прищур хитроумного графа Мораддина и вздернутые в вечном притворном удивлении узкие брови его прелестной супруги, Ринги. Суровый взгляд тысячника дворцовой гвардии Паллантида, соломенные волосы и невинно-нахальные голубые глаза наших приятелей-оборотней из Пограничного королевства... Монархи, колдуны, графы, ученые мужи, прекрасные дамы, митрианские жрецы, разбой-

ники, содержатели трактиров и хозяйки борделей, доблестные воители и презренные убийцы... Митра Всемогущий, сколько их!

...Но нет, все упомянутые события и люди навсегда растворились в туманном прошлом. Время стирает в пыль крепостные башни и заставляет тускнеть сталь клинков, превращает пылких юношей в усталых старцев, а мальчишек — в мужчин... Конан мог проиграть поединок или сражение, но никогда не проигрывал войн. Кроме единственной — войны с безжалостным временем...

Теперь обмакну отточенное гусиное перо в чернила и выведу завершающие слова.

Я не знаю, с какой силой, именуемой «Хозяином Небесной Горы», столкнулись люди. Это существо необъяснимо. В чем заключена его сила? Какие цели преследует и в чем главнейший смысл его бытия? Действительно ли Тицо пытается уберечь Закат от грядущей катастрофы или же стремиться лишь к одному — к власти?..

Впрочем, все рассказы Хозяина и показанные нам картины безрадостного будущего кажутся мне слишком правдоподобными. Если нашу цивилизацию, действительно, ожидает бесславная гибель, то я предпочитаю уйти сейчас, пока Хайбория расцвечена красками жизни, пока она незыблема и беспечна, пока не пылают города и не льются потоки крови... Я хочу запомнить этот мир радостным и спокойным, не искаженным смертью и не пропахшим гарью бесконечных пожаров. Пусть с тяготами будущего разбираются

наши потомки. Надеюсь, у них хватит мужества вынести все испытания, возродить из пепла все сожженное и вновь выстроить разрушенное. Мои же заботы здесь окончены.

Много мы не ведаем. Многого не понимаем. Но лишь для того, чтобы грядущие поколения знали о странном (и страшном?) существе, не имеющем никакого отношения к богам, духам или демонам, ко всему божественному или исходящему из Черной Пустоты, ко всему, принадлежащему только нашему миру, я создал эту летопись. Знали о Тице, называющем себя «Хранителем» и способном даровать избранному всю Вселенную...

Здесь «Синяя Хроника» заканчивается. А меня, Халька, барона Юсдаля, ждет долгая и трудная дорога.

Во имя Митры, Всемиловитейшего, Милосердного!..

*На сем подписуюсь собственноручно, Хальк
Юсдаль из Гандерланда, сын барона Зенса,
бывший личный библиотекарь
короля Аквилонии Конана I Канах.*

1288-1315 годы по основанию Аквилонии.

Финал

Свидетельство стороннего наблюдателя

Аквилония — одно из редких государств, способное похвастаться отличнейшими дорогами, пролегай они рядом со столицей, или в немыслимой глухомани полуночного Гандерланда.

Здесь, в нескольких лигах от столицы герцогства, города Танасул, сходились несколько крупнейших накатанных трактов, звездочкой разбегавшихся от перекрестка, отмеченного внушительным межевым камнем в форме толстой округлой тумбы.

Столб, заботливо установленный королевской дорожной управой к вящему удобству путешественников и купцов, мог похвалиться выбитыми на граните указаниями: отправившись на полночь — выйдешь на торговую дорогу ведущую в Киммерию, на полуночный закат — окажешься в Галпаране.

Если появится желание ехать на полдень, то вскоре наткнешься на башни и укрепления сто-

лицы герцогства, а затем попадешь в самую блистательную Тарантию.

Путь на Восход вполне мог бы именоваться «Новой Дорогой Королей», ибо был вымошен огромными каменными плитами. Немудрено — дорога вела к немедийской границе, далее, через горы, в Бельверус, Нумалию, затем через Пограничье и престольный город короля Эртеля Оборотня — Вольфгард, к Бритунии, далеким пределам Гипербореи и Заморы. Несколько тысяч лиг. Между прочим, дорогу выстроили не столь давно, по общему соглашению между королями Полуночных государств.

...Возле перекрестка появился всадник, выехавший с узкой, почти неприметной в осеннем золотом лесу, проселочной дороги, уводящей в глубины диких гандерландских пущ. Человек вел еще двух лошадей на коротких чембурах — одна заводная, другая, здоровенный боссонский тяжеловоз с волосатыми мощными ногами, для поклажи. Выглядел всадник обеспеченным дворянином, отправившимся путешествовать: добротная кожаная одежда, плащ темно-синего сукна, круглая шапка из меха черно-бурой лисы, со свисающим позади пушистым хвостом. Высокие сапоги со шпорами. На левом боку узкий меч с позолоченной рукоятью и крестообразной гардой. Волосы светлые, аккуратно постриженная борода, короткие густые усы. Смотрит безмятежно, словно ребенок.

— Эй, милейший! — Всадник меня окликнул. — Куда направляешься?

— По делам, — коротко ответил я. Какое ему дело, куда я иду?

— Если нам по дороге, — дружелюбно сказал человек, остановив лошадей, — могу дать заводную лошадь. Поедем вместе до ближайшего поселка...

Ага, понятно. Русобородый, начинающий сидеть дворянин лет пятидесяти-пятидесяти пяти по облику, заметил, что я шествую пешком, обремененный лишь заплечным мешком. Решил помочь, что ли?

— По дороге? — я задумался. — Не знаю, не знаю...

Всадник замолчал и уставился внимательными серыми глазами на новенький межевой столб. Прочитал глубоко выбитые в камне буквы. Перевел на меня вопросительный взгляд.

— Мне нужно в Пограничье, — нехотя признался я. — Если ты собираешься поехать на Восход, к рубежам Немедии, я с удовольствием приму твою помощь.

Лошади топтались нетерпеливо, как видно, чуяли, что впереди дальний путь, и хотели как можно быстрее вымерить бесконечные дороги Аквилонии раскидистым шагом.

Человек смотрел на камень-указатель. Потом глянул ввысь, на плывущие по синему небу облачка. По лицу было видно — что-то решал. И решение давалось тяжело.

— Как твое имя? — вдруг осведомился он. — Судя по одежде, ты нездешний?

Вот докопался!

— Меня зовут Олаф. Ты правильно заметил, я не... Не из Аквилонии.

— Из Нордхейма, должно быть, судя по имени? Асир?

— Почти угадал.

Он снова помолчал, и, наконец, вздохнул:

— Жаль, но наши дороги ведут в разные стороны. Я собираюсь в Танасул, а дальше... К побережью океана, на Полдень. Хочу догнать одного человека, давнего знакомого. Кстати, мое имя — Хальк из Юсдаля. Счастливой и ровной тебе дороги, Олаф из Нордхейма. Прощай.

Всадник коротко махнул мне рукой и прищипорил лошадь. Вскоре он исчез за поворотом Полуденного тракта.

А я, с сожалением проводив его взглядом, зашагал себе дальше. Нет ничего удивительного в том, что наши дороги разошлись и, наверняка, впредь уже не пересекутся. Каждому принадлежит только его собственный, избранный и единственный путь.

СОДЕРЖАНИЕ

Крис Уэйнрайт

КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА

Глава первая	7
Глава вторая	29
Глава третья	51
Глава четвертая	59
Глава пятая	81
Глава шестая	99
Глава седьмая	133
Глава восьмая	143
Глава девятая	157
Глава десятая	169
Глава одиннадцатая	187
Глава двенадцатая	201
Глава тринадцатая	215
Глава четырнадцатая	221
Глава пятнадцатая	237
Глава шестнадцатая	247
Глава семнадцатая	261
Глава восемнадцатая	272
Глава девятнадцатая	285

Олаф Локнит
ВИДЕНИЕ БЫЛОГО

Литературно-художественное издание

Локнит Олаф
Уэйнрайт Крис

Конан и слуга тумана

Руководитель проекта Дмитрий Ивахнов
Составитель Наталья Баулина
Художественный редактор Игорь Богданов
Серийное оформление: Дмитрий Вяземский
Верстка: Ирина Федорова
Технический редактор Валентин Успенский
Корректор Светлана Митина

Предварение	303
Рассказ первый	305
Рассказ второй	335
Рассказ третий	367
Рассказ четвертый	401
Завершающий лист	441
Финал	447

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.01.2001.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура «Палатино».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,36. Тираж 10 000 экз. Заказ 1485.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ» Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125
sz-press@peterlink.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.01.
220040, Минск, ул. М. Богдановича, 155 --- 1204.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорны, 79.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-популярные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81
(магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.

Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

**Издательство
«Северо-Запад Пресс»
представляет
тетралогию фэнтези**

Дмитрия Скирюка
читайте первый роман цикла

ОСЕННИЙ ЛИС

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

**Марина и Сергей
Дяченко**

СКИТАЛЬЦЫ

Впервые знаменитая эпопея фэнтези
публикуется в полностью!

Наконец вы сможете прочитать
долгожданный роман

"Авантюрист"

завершающий блистательную
трилогию:

"Привратник"

"Ифрам"

"Преемник"

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

АЛЕКСАНДР ЗОРИЧ

ПОСЛЕДНИЙ АВАТАР

Если вы расстались со всеми иллюзиями -
самое время озавестись
новыми!

Роман культового автора
Александра Зорича "Последний аватар"
научит вас получать
удовольствие от виртуальной реальности,
реальности столь же подлинной,
сколь и опасной.

Русские умеют писать романы
о будущем России. И
они делают это лучше
американцев!

"Последний аватар" - роман 2000 года!

Читайте - поспорим!

Вздательство
«Северо-Запад Пресс»
представляет
фантастический роман

Андрея Дашкова

ДВЕРИ ПАРАНОЙИ

Вздательство
«Северо-Запад Пресс»
представляет
фантастический роман

Андрея Дашкова

УМРИ ИЛИ ИСЧЕЗНИ

МИР ПАУКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ»

ИЗДАНЫ КНИГИ:
«ЦИТАДЕЛЬ», «ИЗБРАННИК»,
«ПОСЛАННИК»

СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ» ПОГРУЖАЕТ ЧИТАТЕЛЯ
В УДИВИТЕЛЬНЫЙ И ЗАГАДОЧНЫЙ МИР,
СОЗДАННЫЙ ФАНТАЗИЕЙ КОЛИНА УИЛСОНА
И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ
КНИГА

«ПЛЕННИЦА»
НЕ ПРОПУСТИТЕ НОВИНКИ!

МИР ПАУКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ»

ИЗДАНЫ КНИГИ:
«ЦИТАДЕЛЬ», «ИЗБРАННИК»,
«ПОСЛАННИК»

СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ» ПОГРУЖАЕТ ЧИТАТЕЛЯ
В УДИВИТЕЛЬНЫЙ И ЗАГАДОЧНЫЙ МИР,
СОЗДАННЫЙ ФАНТАЗИЕЙ КОЛИНА УИЛСОНА
И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

КНИГА

«СУДЬЯ»
НЕ ПРОПУСТИТЕ НОВИНКИ!

**ФЭН-КЛУБ
«КОНАН»
В ИНТЕРНЕТЕ !**

Новинки серии
Анонсы будущих книг
Библиография «Саги о Конане»
Неизвестное об авторах
Путеводитель по Хайбории
Коллекция линков
Гостевая книга

<http://barbarian.agava.ru>

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ !

**КОНАН
КЛУБ**

197022, Санкт-Петербург
а/я 125

Электронная почта:
sz-press@peterlink.ru

КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

**ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ
«АСТ»**

По вопросам покупки книг
обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж.

Тел.(095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЬМЫ 45	КОНАН И ГНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ БОРОВ 48	КОНАН И ПОСЛЕДНИЙ ОКОП 49
КОНАН И РЫТЕЛЕК ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КАПИТО ЗМЕИ 51	КОНАН И ЛЮДИ ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА РАИИ 53	КОНАН И ПОСЛАНИЕ СВЕТА 54	КОНАН И СПИЩЕЕ ЗАО 55	КОНАН И ЗВЕЗДА ШАДИБАРА 56
КОНАН И ОБЛАТ ХАОСА 57	КОНАН И ЖЕЛД ТАРИМА 58	КОНАН И СВИТАНИЕ ПЯТКОВ 59	КОНАН И ПОСЛАНИЕ МОЛНИИ 60	КОНАН И ТИГРЫ ХАЙБОРИИ 61	КОНАН И ВОЛДЫЖИ БУРИ 62	КОНАН И СЛА ИСТОРИНА 63
КОНАН И САГА ТУМАНА 64						

KOHAN

ISBN 5-17-005122-0

9 785170 051229